

83
5289

Ф. Д. Батюшков

В. Г. Короленко

как

человек

и

писатель

— 1922

БИБЛИОТЕКА
Петра Ивановича
ЧЕРНЫШЕВА
г. Ново-Николаевск, Томск.
Почтамтская ул., д. № 13.

ОТ РЕДАКЦИИ

Книга Ф. Д. Батюшкова о Вл. Г. Короленке была написана несколько лет назад, при жизни последнего,—и написана, конечно, несколько иначе, чем могла бы она быть написана сейчас. Говоря о живом человеке, притом таком человеке, как Вл. Г. Короленко, отличавшимся чрезвычайно скромностью и не любившем выставлять свою душевную жизнь на показ, Ф. Д. Батюшков, естественно, должен был считаться с этим и не мог использовать те материалы, какие находились в его руках, с исчерпывающей полнотой и обстоятельностью. Связанный близкими отношениями с человеком, о котором он писал, он тем более должен был щадить и оберегать его деликатность. Но печатание книги замедлилось благодаря тому тяжелому положению, какое переживала за последние годы русская литература, и книга Ф. Д. Батюшкова выходит в свет только сейчас, когда нет уже в живых ни ее автора, ни лица, которому она была посвящена,—выходит в том самом виде, какой она имела при жизни их обоих.

Это обстоятельство нимало не лишает, однако, данную книгу ее ценности. Главный интерес и главное значение ее заключаются в том обильном автобиографическом материале, какой включен в нее в виде многочисленных выдержек из писем Вл. Г. Короленка к самому Ф. Д. Батюшкову и к некоторым другим лицам. Пиши Батюшков свою книгу сейчас, он, несомненно, сделал бы таких выдержек еще больше. С другой стороны, в ближайшее время в печати, наверно, появится немало других писем Короленка. Так, в частности, «Задругой» уже подготавливается издание переписки Вл. Г. Короленка с И. П. Белоконским, охватывающей собою несколько десятилетий. Но во всяком случае и те извлечения из писем Короленка, какие имеются в книге Батюшкова, немало дадут читателю, позволяя ему ближе подойти к покойному писателю, глубже заглянуть в его душу и ярче представить себе и внешнюю обстановку его жизни, и, по крайней мере, некоторые важные моменты его духовного развития и его литературной деятельности.

Эти интересные и ценные извлечения из писем Короленка вкраплены в книгу Батюшкова в его собственный рассказ о жизни писателя. Это не полная биография Короленка,—полной биографии его мы вряд-ли очень скоро и дождемся, так как для нее надо еще собрать много материала,—это лишь биографический очерк, но очерк, написанный близким к покойному писателю человеком и в значительной своей части основанный на первоисточниках. В нем есть кое-какие мелкие неточности. Так, автор неточно указывает, будто, по словам Короленка, поводом к выбору им для жительства, по возвращении из ссылки, Нижнего-Новгорода послужила одна из надписей в этом городе. Короленко говорит только о своеобразном впечатлении, какое произвела на него при приезде эта надпись, а выбран был им для жительства Нижний до приезда в него. Точно также неточно указание автора, что журнал «Русское Богатство» перешел в руки Н. К. Михайловского от Л. Е. Оболенского. В действительности «Р. Богатство» было взято от Оболенского кружком литераторов, во главе которого стоял Станюкович, и уже затем перешло к группе писателей, возглавлявшейся Михайловским. Важнее этих мелких неточностей, не особенно к тому же и многочисленных, другое,—что в изложении автора имеются некоторые существенные пробелы, особенно заметные в последних главах книги. Он, например, почти не говорит о таком значительном эпизоде в деятельности Короленка, как его участия в деле Бейлиса. Ничего не говорит автор и о последней поездке Короленка за-границу, совпавшей с началом мировой войны.

Но наличие подобных неточностей и пробелов в свою очередь не лишает книгу Ф. Д. Батюшкова ее серьезного значения. Повторяем, в ней не надо искать полной биографии Короленка. Но читатель, во всяком случае найдет в ней связный и последовательный рассказ о важнейших моментах жизни ушедшего от нас писателя, рассказ, написанный любящей рукой и заключающий в себе большое количество автобиографического материала. И, думается, ни один читатель не пожалеет времени, потраченного на ознакомление с этой книгой.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книжка имеет уже некоторую свою историю. Начатая давно, лет 15 тому назад, она была мною приостановлена, когда я узнал, что Короленко пишет свои воспоминания и намерен их печатать. Хотелось дождаться их окончания и выхода, но, как известно, «История моего современника» затянулась на много лет. Между тем, мне приходилось неоднократно печатать статьи о Короленке, обращаться к литературной оценке его произведений, читать о нем лекции и в общественных аудиториях, и в студенческих кружках, и среди рабочих. Спрос не редко превышал физическую возможность удовлетворять ему. Это все же служило мне доказательством интереса, проявляемого к автору. Накоплялись и материалы. Так, в виду того, что одна издательская фирма уже об'явила о скором выпуске недописанной еще книги, я получил от Елеонского его рукопись «Интеллигентская легенда» (о Короленке), с предложением использовать ее. Словно в предвидении своей близкой кончины, завещая мне посмертный труд, Влад. Юл. Короленко, племянник Влад. Гал., тоже на основании об'явления, принес мне в высшей степени интересные, как биографический материал, письма Вл. Г. к его покойному отцу, любезно предоставив ими воспользоваться. Наконец, накопилось и у меня, за двадцать лет знакомства, довольно обширная переписка с В. Г., при чем многие письма, на общие или литературные темы, с указанием работ, времяпровождения, мыслей, интересов и начинаний автора, являлись как бы сами по себе некоторой автобиографией писателя, лишь в форме писем к приятелю. Некоторые из них он сам, шутя, называл целыми «корреспонденциями» на злобы дня.

Мне казалось, что, хотя бы просто из благодарности к автору, я должен использовать эти «документы», приведя их более или менее в систему, и, комментируя их, рассказать то, что я знаю о Короленке со времени его переезда в Петербург, сообщив так-

же и сами эти документы, за исключением, конечно, всего, что касалось личных отношений.

И вот меня теперь потянуло вернуться к отложенному труду и пересмотреть его. Пришлось наново написать и первую часть, многое опуская или перерабатывая, считаясь с тем, что появилось с тех пор о Короленке в печати *). Я сохранил то, что, казалось мне нужным для цельности очерка, а также некоторые личные впечатления. Вторая же часть почти вся носит характер воспоминаний и написана теперь впервые. Как могут быть «воспоминания» о живом человеке? На этот вопрос уже ответил один из приятелей Вл. Г. Короленко,—С. Д. Протопопов, в своих заметках о том же авторе, напечатанных в «Нижегор. Сборнике» в 1905 г.: «У нас в России не особенно приняты характеристики современников. Интересному человеку обыкновенно дают составить, сойти со сцены и даже умереть, и только после этого выступают с воспоминаниями, впечатлениями и очерками, обрисовывающими личность... Не так поступают на Западе и в Америке: там не откладывают, по щедринскому выражению, для «Русской Старины» то, что писатели желают знать в настоящее время... и нам пора вступить на этот путь. С. Д. Протопопов поделился своими весьма интересными воспоминаниями и поместил в очерке целую серию писем В. Г. Короленка.

Я бы выставил еще другой субъективный мотив: жизнь сближает и разобщает людей в зависимости от условий деятельности и общности интересов. За последние годы я несколько отошел от того поприща, на котором всего ближе соприкасались наши интересы с Короленко. Затем последовали—его отъезд почти на два года за границу; эти три с лишком года войны, революция,

*) Литература о Короленке, если не считать рецензий и газетных заметок, не так богата. Главнейшее указано в очерке Н. Шаховской, В. Г. Короленко. Опыт биографической характеристики, Москва, 1912 г. В этой же книжке приложен хронологический указатель печатных работ автора, с некоторыми пропусками. Не сообщаются в нем и переводы на иностранные языки и несколько очерков о Короленке появившихся за границей. Так как автор сам назвал «полным собранием своих сочинений» издание, приложен к «Ниве» за 1914 г., то считаем излишним составлять заново указатель к его произведениям. Однако, нельзя не заметить, что в этом «полном собрании» есть пробелы. Например, опущен роман «Глушь», очерки «Бытовое явление», «Свобода печати» и другие статьи, впрочем, указанные, как не включенные в Собрание «по независящим обстоятельствам».

К литературе о Короленке ср. также Н. В. Владиславлева. Русские писатели 19—20 ст. Опыт библиографического пособия по новейшей русск. литер. 3-е перераб. и дополн. издание, 1918 г. Москва.

деятельность по управлению государственными театрами, круто оборвавшаяся с приходом новой власти, изолированность, в которой мы очутились, за расстройством или даже полным прекращением почтовых сношений, кошмарное время, которое мы, петербуржцы, особенно переживаем... Мне захотелось вернуться к духовному общению с пиастелем, от которого осталось столько светлых впечатлений. Его мысли, его образы, его чудесный оптимизм служат противовесом тем мрачным думам, которые невольно зарождаются под впечатлением теперешней действительности. Он, вообще, обладал умением поднять в вас настроение, как-то одушевить, заразить жизнерадостным, бодрым чувством, верой в человека и в лучшее будущее. «Уныние, вообще, неизбежно связано с тем, что много жизни осталось позади», — как-то писал он мне, — и ни человеку в отдельности, ни народу в целом не следует унывать, ни от того, что они старятся, ни от испытаний, которым приходится подвергаться. Авось мы переживем и справимся со всеми тяжелыми ударами, которые нанесены родине; авось, возродятся те надежды и те чаяния лучшего будущего, в которое глубоко верил Короленко и, вероятно, теперь также решительно умеет отогнать от себя приступ уныния, хотя и «много жизни осталось позади». И вот тем, что я сам испытывал, перечитывая его письма за 20 лет, я хотел бы поделиться с читателями, сообщая им извлечения из этих писем, обрисовывающих личность Короленка и представляющих общий интерес. Параллельно дается общая оценка его творчества.

Уже теперь, перед тем как сдать в печать настоящую книгу, судьба несколько улыбнулась нам и восстановлено по крайней мере почтовое общение с Украиной. Я получил, после долгого промежутка времени письмо от Влад. Гал. и мог обратиться к нему за разрешением использовать его переписку. Приехала в Петроград его дочь, Софья Вл., (ныне, увы, уже привлеченная при новом режиме к суду, как редактор-издательница газеты «Вольная мысль»). Считаю долгом выразить ей благодарность за труд, который она любезно на себя приняла, просмотрев эту книжку и сделав в ней кое-какие фактические поправки относительно обстоятельств жизни ее отца.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Семейство Короленка.—Происхождение, домашний быт, отношения к отцу и матери.

Легенду облюбовал Короленко, как форму поэтического творчества,—легенда же сопутствовала ему и в жизни, окутывая не раз его личность фантастическими тенями. Так, по преданию, сложившемуся в Поволжье, он прослыл одно время английским королевичем или «короленком», которого русское правительство держит заложником для богатого выкупа. Этот забавный миф, связанный, очевидно, с фамилией писателя, по народной этимологии, неизвестно кем пущенный в оборот, вызвал целую полемику в провинциальной прессе (см. прил. II).

Прослыл Владимир Галактионович и слугою Антихриста в голодный год, когда деятельно и самоотверженно работал в помощь голодающим. Об этом предании он и сам упоминает в своих очерках «В голодный год». Тени заволокли и дату его рождения, что дало повод к некоторым недоразумениям, когда чествовали его пятидесятилетие,—в разные даты по разным городам России, с ранней весны до поздней осени включительно. Родился он на Волыни, в г. Житомире, 15 июля 1853 года, что удостоверил собственным показанием, со слов матери, даже наперекор официальным документам, так как в его метрике вкралась неточность. Указывая на ошибочность приурочения даты его рождения к другим срокам (в Симбирске его чествовали 15 мая, в «Энциклоп. Словаре» Брокгауза и в Ист. Лит. Скабичевского приведена дата 15 июня, в «Нижегородском Листке» указывалось на 15 августа и т. д.), Короленко приводил следующие мотивы, окрашенные присущим ему юмором, в пользу подлинности даты, именно 15 июля: «В нашей семье был обычай,—писал Влад. Галакт. своему знакомому С. Д. Протопопову (напечатано в «Нижегородском Листке»),—не обижать святых и давать имена по святцам: какой святой приходился в день рождения, того и приглашали в покровители. Таким образом, отец мой получил имя Галактиона... Мои братья—Юлиана и Иллариона, и родись я в день св. Пуда, то быть бы мне Пудом Короленко. К счастью я родился на Владимира, одного из благозвучных святых, и таким образом избег остальных».

Полушутливое замечание не названного лишь благодаря счастливой случайности «Пудом» Короленка, вскрывает бытовую чер-

ту, по которой мы сразу можем составить себе понятие об укладе жизни семьи писателя. Конечно, давать имена по святцам—старинный русский обычай, но в половине XIX века он давно стал анахронизмом в интеллигентской среде. Очевидно, Галактион Афанасьевич Короленко, отец писателя,—дворянин Полтавской губ., потомок казачьего старшины,—был человеком старого закала, блюстителем традиций, и семейную жизнь наладил согласно преданиям старины. Женился он, по переезде в юго-западный край, в должности судьи, на польке Эвелине Иосифовне Скуревич, которой в пору выхода замуж едва минуло четырнадцать лет. И брак в таком возрасте тоже относит нас к прошедшим временам старинного быта, при чем, чтобы не ходить далеко за примером, невольно вспоминается, что и мать Гоголя вышла замуж в том же возрасте. Брак оказался счастливым, благодаря нравственным качествам отца и душевным свойствам матери, но, очевидно, раннее замужество, в полубессознательном возрасте, когда не могло еще быть свободы выбора суженого, служило у следующего поколения предметом толков и передавалось, как нечто исключительное, достойное особого внимания *). Герой рассказа «Ночью» уже почти хвастает таким явлением: «когда папа задумал жениться на маме, ей было только четырнадцать лет»! Это впечатление записано позже, но, очевидно, особенность брака по-старинке, чуть что не по Домострою, и, вообще, устойчивость традиций в семье оставили заметный след на мировоззрение будущего писателя, которому быт рисовался, как нечто твердое, стойкое, нормирующее жизненные отношения и налагающее определенный отпечаток на нравы и характер человека. Его влекло к описаниям бытовых условий жизни и не раз я слышал от него замечания, что в старину легче было зарисовывать яркие, колоритные фигуры в обстановке жизни устойчивого быта. В наше же переходное время старое отошло, новое еще не отлилось в определенные формы. Припоминаю, что Влад. Галакт. рассказывал мне сюжет задуманной им драмы: «Умер обычай». Одно заглавие ее уже указывает значение, придаваемое им быту*, разложение которого рисовалось ему именно драмой.

Характеристике своих родителей Короленко уделил не мало строк в рассказах полуавтобиографического значения. Облик отца, в поэтической трагедии, послужил отчасти моделью, с которой списан один из персонажей «Слепого музыканта»—дядя Максим, которому, правда, по признанию Влад. Галакт., приданы также черты другого реального лица, старшего педагога и содержателя пансиона в Житомире, г. Рыхлинского, у которого Короленко учился до поступления в реальное училище. Почти непосред-

*) В «Ист. м. совр.» автор сообщает, что даже был возбужден вопрос о расторжении брака, в виду отроческого возраста невесты, которой будто-бы не исполнилось еще и 14 лет.

ственно портретом с натуры обрисован Галактион Афанасьевич в рассказе «В дурном обществе», в котором отец мальчика Васи, одного из героев повести, занимает тоже должность судьи. Его духовный облик ясно очерчен и легко дать себе отчет, какие черты Короленко особенно ценил в своем отце, отчасти и сам унаследовал. Он запомнил в особенности, что Галактион Афанасьевич — строгий и ревностный служака, в тоже время отличался чрезвычайной честностью, прямоотой и неподкупностью; ему памятли были вспышки негодования судьи, когда пытались склонить его к неправильному решению; он знал также, что — «на любезности панов (судья) отвечал порой дерзостями, а мужикам спускал своеволие и грубости, на которые самый смиренный из шляхтичей непременно бы ответил оплеухами». Общее впечатление о своем отце Короленко выразил в замечании одного из действующих лиц рассказа — «В дурном обществе», — бродяги Тыбурция, который говорит Васе: «У твоего отца есть сердце... Но, малый, как бы тебе объяснить это... Твой отец служит господину, которого имя — закон. У него есть глаза и сердце только до тех пор, пока закон спит себе на полках; когда же этот господин сойдет оттуда, с этого момента судья тотчас запирает свое сердце на ключ и тогда у судьбы такие твердые лапы»... Что, очевидно, живущим вне закона, как пану Тыбурцию, приходится плохо. И характерно, что это уважение к закону, который, если он плох, надо изменить, но все-же, заменив другим законом, имеющим обязательную силу, присуще Короленку и в пору его революционной деятельности. Чувство законности ограждало его от анархизма, побудило не раз выступать в защиту прав, именно утвержденных законом, и держало в стороне от всяких насильственных актов под эгидой какой бы то ни было «диктатуры». Резко расходясь с отцом, как представителем прежнего, отошедшего поколения, выработав себе совсем иное миропонимание, усвоив совершенно отличные понятия, он в чувстве сходил с ним, рисуя себе новый строй вполне закономерным, упорядоченным, обеспечивающим права каждой отдельной личности перед безразличным господином, которому имя — закон.

В «Истории моего современника» Короленко приводит ряд фактов из жизни отца, довольно подробно останавливаясь на его характеристике, хотя отец его умер, когда ему было всего 13—14 лет. Более сдержанно говорит он о матери, почти не сообщая о ней сведений. Эта сдержанность отнюдь не есть признак малого значения, которое она имела в его жизни. Наоборот, быть может, она происходит от того, что образ матери был ему слишком дорог, что слишком глубоко было чувство к ней, поэтому в автобиографии писатель как бы стыдился давать волю своему непосредственному чувству. Ему легче было высказаться в поэтической форме, ибо в факции действительное чувство может выра-

жаться, не нарушая стыдливости проявления очень субъективного настроения. С матери списан прелестный образ Эвелины в «Слепом музыканте» и, как добавил Влад. Галакт., когда я ему высказал эту догадку, — «сходство усиливается еще тем, что мать, выйдя очень молодой за человека более чем вдвое старше ее и вскоре разбитого параличем, — она прожила затем многие годы любящей женой и другом тоже калеки». Характеристику своей матери, опущенную в «Истории моего современника», Короленко дает в повести, именно по поводу ее героини, носящей то же имя, как и мать, и делает это, несколько нарушая даже правдоподобие, так как лирическое отступление автора введено в повесть, когда Эвелине не было и десяти лет. Автор, очевидно, забежал вперед, так как перед ним стоял живой образ дорогого лица, глубоко проникавший его душу. Вот эта вставка:

«Есть натуры, будто заранее предназначенные для тихого подвига любви; соединенной с печалью и заботой, — натуры, для которых эти заботы о чужом горь составляют как бы атмосферу, органическую потребность. Природа заранее надблила их спокойствием, без которого немислнм будничннй подвиг жизни: она предусмотрительно смягчила въ ннх личныя порывы, запросы личной жизни, подчинив эти порывы и эти запросы господствующей чертѣ характера... Житейская пошлость стелется у ннх ногъ; даже клевета и сплетни скатываются по ннх бѣлоснѣжной одеждѣ, точно грязныя брызги съ крыльевъ лебедя».

Короленко высказывает предположение, что такой тип женщины редко вырабатывается жизнью и воспитанием: он является в результате прирожденных свойств, — «как талант, как гений, — дается в удел избранным натурам».

Автор несомненно ощущал потребность высказать свою глубокую привязанность к матери и давал волю своему чувству именно в поэтической форме, в разных очерках. То прибегал он к фикции об ее мнимой смерти и писал: «Помнил ли я мать? О, да, я помнил ее, когда, просыпаясь ночью, я искал в темноте ее нежные руки и крепко прижимался к ним, покрывая их поцелуями». То в общих чертах говорит он об ее беззаветной преданности мужу и семье, о «тихом подвиге любви, соединенной с печалью и заботой». Действительно, рано овдовев и оставшись почти без средств с пятью детьми, которых надо было воспитать и поставить на ноги, Эвелина Иосифовна вела долгие годы трудную борьбу за существование. Да и позже, когда сыновья выросли, но пошли особыми путями, отнюдь не обеспечивающими материальное благополучие семьи, и двое из них провели долгие годы в ссылке, требовалось не мало мужества и стойкости, чтобы выдержать все испытания, выпавшие ей на долю. Образ матери глубоко залег в душе поэта и деятеля: перед ним с детства носился пример великого подвига самоотверженной любви на пользу ближних. Эвелина Иосифовна прожила до 70-летнего возраста и после многих лет испытаний, ей привелось изведать более отрадныя дни: тихий, спокойный закат

как бы увенчал эту благородную жизнь, исполненную забот, душевных тревог и печали.

В «Истории моего современника» Короленко мимоходом замечает, что он был в более близких отношениях со своим младшим братом, Илларионом Галакт., так как они были погодки, а старший, Юлиан Галакт., был на 2½ года его старше. Однако, именно Юлиан Галакт. первым в семье внес интересы к литературе и даже сам рано выступил на литературное поприще. (См. гл. XXIX в «Истории моего современника» — «Мой старший брат становится писателем»). Следующее письмо к нему Владимира Г., относящееся к 1886 году, характеризует отношения, сложившиеся между братьями, и дает любопытное указание на то, как сам В. Г. смотрел на свою литературную «профессию». Повидимому в ту пору Юл. Г. отошел от прежней своей работы в разных периодических изданиях *), к которой он, однако вернулся (работал в «Нов. Вр.»), быть может, не без влияния брата, побуждавшего его вновь за нее приняться:

«Мнѣ приходитъ въ голову вопросъ, почему бы тебѣ не присоединить къ своимъ занятіямъ и литературу? Сначала слегка, а потомъ все больше; можетъ-быть и удалось бы замѣнить ею твою теперешнюю работу или во всякомъ случаѣ у-равнообразить (sic) ее. Я все не могу забыть, что вѣдь первые толчки мысли, направившие меня на этотъ путь, я получилъ отъ тебя же; ты очень долго шелъ въ этомъ направленіи впереди меня, и я отлично помню, какъ нѣкоторые изъ твоихъ мыслей, твои аргументы въ горячихъ и «харалужскихъ» спорахъ поднимали во мнѣ вѣсны вереницы новыхъ идей. Литературныя способности у тебя несомнѣны, и я думаю теперь все еще можно ими воспользоваться. Правда, я, братъ, не желалъ бы для тебя литературной работы, какъ единственной профессіи, такъ какъ и самому себѣ этого не желалъ бы. Теперь приходится поневолѣ, но при первой возможности я непременно подыщу себѣ другое ремесло, которое бы оставляло только досугъ. Мнѣ было бы очень интересно знать твой отзывъ о моей работѣ; отзывъ по возможности объективный, отрѣшенный отъ «братскаго пристрастія». Я увѣренъ, что ты могъ бы сдѣлать очень мѣткія указанія. Отъ Мали (старшей сестры Вл. Г.), напримѣръ, я нѣрѣдко слышу такія вѣскія и такія жѣткія замѣчанія, какихъ, право, не встрѣчаю въ рецензіяхъ. Ну, однако, пока до свиданія. Обнимаю». и т. д.

Младший брат, Илларион Галакт., не был литератором, работавшим человеком практической жизни. Но он разделял участь Вл. Г. и вместе с ним неоднократно был высылаем и ссылаем. Между прочим, в Сибири он оказал существенные услуги по знакомству с нашими политическими ссыльными французскому путешественнику Жюлю Легра, который в благодарность посвятил ему свою книгу **). Эта книга в свое время была очень замечательна, как одно из удачейших описаний жизни в Сибири, не уступающее по значению известному труду американца Кенана. Через Легра мы узнаем о многих связях и отношениях Ил. Гал.

*) О журнальной работѣ Юл. Г. Короленко вспоминает П. Быков в своей заметке: «Великая душа». («Совр. Иллюстр.», 1913 г. № 7).

**) Jules Legras, En Sibirie, 1899.

с разными политическими деятелями «подпольной России». Впоследствии, уже в 90-х годах прошлого столетия Идлар Г. поселился на Кавказе, близ Геленджика, где приобрел участок, затеяв колонизацию еще девственного тогда уголка на Черноморском побережье. Вл. Г. неоднократно гостил у брата.

Из двух сестер Влад. Гал. Короленко—старшая, Мария Гал., по замужеству — Лошкарева, заняла довольно видное положение в московских интеллигентских кружках и проявила себя энергичной и талантливой общественной деятельницей*). Младшая сестра, Эвелина Гал., по мужу Никитина, жила в Петербурге в более скромной обстановке семейной жизни. Ее рано постигла, повидимому, по наследственному предрасположению, нервная болезнь, завершившаяся параличем и она скончалась еще в молодых годах. Смерть сестры сильно поразила Влад. Гал., который, помимо огорчения от личной утраты, встревожился: «это первый уход из нашей семьи, после многих, многих лет, что держались мы дружно, сплоченно, хотя и разлучались на время... Смерть постучалась к нам в дверь!». Действительно, по прошествии нескольких лет умерли один за другим, за небольшими промежутками, старший брат, мать, меньшей брат... Семья сильно поредела, но поднялись молодые всходы, повыходили замуж племянницы, дочь, появились внуки: новое поколение идет на смену «отошедшим» или «отходящим», как везде и всюду в человеческом роде. Но эти молодые побег поведут уже собственную историю, если им суждено будет сплотиться около такого же мощного, многозначительного в своей исторической роли писателя и общественного деятеля, выдающегося человека, который придает особую окраску всему и всем, кто близко к нему соприкасались. Даже в семейных отношениях просвечивает тот «культ героев», о котором невольно вспоминаешь по старой, но не вполне устарелой теории Карлейля.

Короленко в рассказах полуавтобиографического характера воссоздал быт, условия жизни и духовную красоту истории своей семьи, которая, вероятно, походила на другие семьи в тех же условиях средней руки обывателей юго-западного края; эти детские повести имеют, конечно, и более общее, типическое значение переживаний, свойственных детям, вообще,—в этом их смысл, как литературных произведений; но автор черпал материал из окружающей его действительности, обобщая и претворяя его в поэтические образы, сам будучи обусловлен и в своем творчестве, и в свойствах своей натуры той средой, которая его породила, тем, что он унаследовал прежде всего от родителей, что подсказывали ему первые встречи и знакомства на жизненном пути, что дано было ему, и тем, кто долгие годы шел рядом с ним, в постоянном общении. Выделить все эти наслоения нет возможности, как нель-

*) М. Г. Лошкарева скончалась в Москве, в прошлом 1917 году.

зя с точностью определить в чем сущность того особого дара природы, который мы именуем талантом, и что является личным достоянием. Однако, автор выказал настолько сознательности, наряду с интуитивным даром поэзии, что сам помог определить прежде всего те наследственные свойства, которые ему достались от отца и матери. По отношению к отцу надо припомнить еще следующий эпизод, в том же рассказе «В дурном обществе», имеющий автобиографическое значение: это сцена по поводу пропавшей куклы, — посмертный подарок матери младшей сестры Васи, — куклы, тайно подаренной «детям подземелья». Отец Васи настойчиво добивается ответа от сына, — куда делась кукла, при чем крепко сжимает плечо Васи. Мальчик отказывается ответить: «Нет, не скажу... никогда, никогда не скажу!»

В. Г. Короленко, — пишет автор, — во мне сказался сын моего отца. Он делался бы от меня иного ответа самыми страшными угрозами. В моей груди, навстречу его угрозам, подымалось едва сознательное, оскорбленное чувство покинутого ребенка и какая-то жгучая любовь к нему, чей выдачу он у меня требовал. В приведенной сцене, прерванной в конце концов неожиданным приходом самого Тибурция со злополучной куклой, — интересно, что в мальчике, по мере возрастания угроз — сильнее возбуждался отпор и, как он забывался, потому он и перестал бояться: «в его груди зацекотало что-то вроде задорного, дерзкого вызова» *).

Мы можем подвести некоторые итоги: если от нежно любимой матери, беззаветно заботливой и всецело преданной своим детям, Короленко мог унаследовать большую сердечную чуткость, ласковую и любящую душу, то от отца он перенял: «благородную упрямку», смелость и твердую настойчивость, которая в нем лишь крепла в момент наступления опасности. И эти черты, переданные по наследству, быть может, вырабатывались преемством многих поколений, являлись пережитком свойств свобододолюбивых и смелых запорожцев, к которым принадлежал, по происхождению, род Короленко. Отсюда дух инициативы и стойкая решимость во всяком деле, которое отпрыск того же рода, хотя и воспитавшийся в иных воззрениях, с иными идеалами и чаяниями, считал по совести правым.

Г Л А В А II.

Поэзия детства и отрочества. — Ранний романтизм и сознательное стремление к реализму. — Чувство природы. — Религиозность.

Не богата была внешними событиями жизнь семьи со скромным достатком в глухом провинциальном, а потом даже уездном городке Ровно **), где Короленко провел свои детские и отро-

*) Сцена вымышленная, по замечанию В. Г. Короленко, но психологическая основа ее вполне отвечает действительности.

**) В Ровне Короленко с семьей прожил до 1871 г. Библиотека № 186-1871 г.г.

ческие годы. О внутренних же переживаниях и о некоторых личных свойствах будущего писателя, проявившихся еще в детском возрасте, мы узнаем больше по его очеркам в беллетристической форме, чем по «Ист. м. совр.», хотя в некоторых отношениях одно дополняет другое. Так, почти целиком автопортретом является в рассказе «Ночью» характеристика мальчика Васи Голована, занимающего центральное место в очерке. Мечтательный ребенок, с живым воображением, за отсутствием или скудностью внешних впечатлений, занимает своих братьев и сестер рассказами из семейных преданий, «которые Вася схватывал из отрывочных воспоминаний матери и отца в каком-нибудь белом разговоре с гостями в зале». К этим преданиям сводилась, главным образом поэзия детства Короленки, которая с ранних лет заразила его особой склонностью к романтизму. Вася, говорится в очерке, ловил эти отрывки (воспоминаний) с бессознательной жадностью, и в ночные часы, у свечи, когда напуганное призраками воображение несколько успокаивалось, страшное вдохновение охватывало юного сказочника: обрывки семейных преданий соединялись в стройное целое непонятным для него самого образом. Как это выходило, — он не знал. Он не знал также, откуда брались некоторые подробности, которых никто ему не рассказывал, но только он был уверен, что все это — истинная правда». Подробности, связность изложения и т. п., — все это, конечно, было личным прикладом наделенного живым воображением ребенка, в котором рано пробудился будущий мастерской рассказчик. Но влиянию семейной обстановки, приверженности домашних к старинным обычаям и фамильным преданиям, о которых велись беседы в долгие вечера спокойной жизни в маленьком городе, за отсутствием каких-либо происшествий злободневного характера, нельзя не приписать особого развития в будущем писателе некоторых мечтательных наклонностей и интереса к памятникам старины и к ее преданиям.

Много позже он писал: «Молодость романтична... А что может быть романтичнее исчезнувшей старины, которая была настоящим для наших матерей и отцов». («В облачный день», 1896 г.).

Грезами о прошлом предаются дети и в рассказе «Парадокс», опять-таки полуавтобиографического характера, при чем юный герой повести вместе со своим братом забирается в заброшенный кузов старинного рыдвана, — «обломок минувших времен» — и часами просиживают в нем, «отдаваясь полету чистой фантазии». «Должно быть, — замечает автор, — в щелях старого кузова засели с незапамятных времен, — выражаясь по-нынешнему, — какие-то флюиды старинных происшествий, которые и захватывали нас сразу в такой степени, что мы могли, молча, почти не двигаясь и сохраняя созерцательный вид, просидеть на своих местах от утреннего чая до самого обеда».

Веяние старины особенно захватило юного Короленку с переездом семьи в Ровно, в окрестностях которого, на островке, по середине прудов, расположен был полуразвалившийся замок князей Любомирских. Этот пережиток былых времен, с фантастическими очертаниями старинной готики, опустелый и безмолвный, манил таинственностью куда-то улетевшей жизни. «Перед детским воображением вставали, оживая, образы прошлого, — пишет автор в рассказе «В дурном обществе», в котором место действия приурочено именно к указанному замку, — а в душу веяло величавою грустью и смутным сочувствием к тому, чем некогда жидли понурые стены, и романтические тени чужой старины пробегали в юной душе, как пробегают в ветренный день легкие тени облаков по светлой зелени чистого поля».

Короленко и впоследствии признавался, что вид руин всегда производил на него какое-то особое, волнующее впечатление. Превосходно передано им это ощущение в одном из позднейших очерков — «Над Лиманом» (1897 года) и мы не можем отказать себе в удовольствии привести это маленькое «стихотворение в прозе», вставленное в бытовой очерк:

Вот что-то особенное среди развалин, между этими мысленными выжиданиями и неправильными изломами старых ступей. Что-то щемлящее, пропущенное грустью почти до боли душевной и вместе являющее в душу сгущенный успокоитель... Не замечаешь, как летит время, бдущие облака тихо продвигаются в пролетах бойницы и окон; высоко в небе парит хищная птица, и сухая трава колышется и шепчет что-то, так доверчиво, как будто вы непременно должны ее понять, и так жалобно, потому что вы все-таки ее не понимаете! Проходят минуты, или часы, или годы... В самом деле, разве столетия, которые пронесли над этими ступями, не кажутся теперь мигами, а в настоящие минуты не промчались в дымь призраки длинных столетий...

Эта мечтательность, это поэтизирование прошлого, которое захватывает душу потому, что оно именно прошлое, это созерцательное состояние, в котором мечта властвует над действительностью, побеждая ее, есть одно из свойств романтизма в его противопоставлении реализму. Оно есть также свойство поэтической природы, вообще, и одной этой шепчущей сухой травы, «так доверчиво и вместе с тем жалобно», было бы достаточно, как показателя поэтического дара Короленки, если бы требовались к тому доказательства. Но все-таки — это поэзия в романтическом стиле, поскольку романтизм связан с культом прошлого и несколько иллюзорным отношением к окружающей человека действительности.

Короленко рассказывает в «Истории моего современника», что впервые он познакомился с «изнанкой», когда сломали парадное крыльцо в доме, в котором они жили в Житомире: «в душе отложилось первое впечатление «изнанки» и того, что под гладко выстроганной и покрашенной поверхностью скрыты сырые, изъеденные гнилью сваи и зияющие пустоты. Позже стали раскры-

ваться перед ним и другие «изнанки»,—между прочим, в рассказе «Парадокс», где сообщается как мальчиков особенно привлекала на дворе какая-то бадья, с заплесневевшей водой, в которой они силились ловить воображаемую рыбу на самодельные крючки из простых булавок. Однажды, кто-то сильной рукой тряхнул бадью,—«неизмеримая глубина нашего зеленого омута колыхнулась, помутнела, фантастические существа жалобно заметались и исчезли»... Автор сообщает, что он до сих пор ясно помнит эту минуту «столкновения наших иллюзий с трезвою действительностью» *). Романтизм питает иллюзии, реализм указывает их настоящую цену. В настроении юного Короленка началось раздвоение, которое оказалось довольно устойчивым и в зрелом возрасте. От предметов он перешел к наблюдению над людьми еще в отрочестве, и здесь также нашел две стороны—показную, красочную, но иллюзорную, а другую, реально-правдивую, хотя и далеко не столь привлекательную. На этом психологическом наблюдении построен рассказ «В дурном обществе», и юный герой, постигший впервые разницу между тем, что кажется, и тем, что есть, естественно стремится к настоящей правде. И писатель Короленко тоже наивно возможно ищет ее, сознательно помогая этой неприкрашенной, подлинной правды, хотя не может отказаться вполне и от обаяния мечты. Много позже он выработал себе особую теорию о «двух-сторонней» правде в повести «С двух сторон», к которой нам еще придется вернуться.

С предрасположением к романтизму и поэтическому мышлению тесно вяжутся еще два свойства, наличие которых мы можем отметить в раннем возрасте Короленка: это—чувство природы и религиозность, оказавшиеся весьма устойчивыми в последующем развитии писателя, несмотря на изменения, которым подверглись особенно его религиозные верования. О восприимчивости к явлениям природы и некоторой даже религиозной экзальтации в детстве автор рассказывает и в «Истории моего современника». Конкретнее выражено ощущение природы мальчиком Васей в упомянутом уже очерке «В дурном обществе». Вася потихоньку убегает из дому ранним утром, когда все еще спали, и прокладывает «росистый след в густой, высокой траве сада». Ему нравилось встречать «пробуждение природы»; он «бывал рад, когда удавалось вспугнуть заспавшегося жаворонка или выгнать из борозды трусливого зайца». Он лобуетя каплями росы и «деревья встречали его шепотом ленивой дремоты». Все эти впечатления не могли быть позже сочинены, если бы они рано не залегли в душе ребенка. Особенно этот «шепот деревьев», и тот своеобразный шум тополей, о котором автор сообщает в «Исто-

*) По признанию Короленка, эпизод этот вымышленный: он заменил бадью впечатление «изнанки» от разрушенного крыльца, и, конечно, рассказ получился паразитичнее, но смысл его тот же.

рии моего современника». Мне доводилось слышать от Вл. Гал., что шум леса запечатлелся в его памяти с раннего детства настолько глубоко и устойчиво, что именно по этим воспоминаниям он избрал его канвой своего рассказа «Лес шумит» *).

Чувство природы особенно близко религиозному настроению. Тут есть какая-то органическая связь, о которой поведал нам Лермонтов в чудесных стихах, о которой свидетельствуют и многочисленные монастыри, выстроенные в живописнейших местах. Как одно чувство вязалось с другим рассказал нам и Короленко в «Истории моего современника» («Молитва в звездную ночь»), при чем свою религиозность в детстве он объясняет главным образом примером и влиянием отца. Но рано научился он отделять религиозное чувство не только от обрядностей, даже от того или другого определенного вероисповедания, так как жил в местности, где католики, униаты и православные существовали и даже в собственной семье—отец и мать были разных исповеданий. Повышенность религиозного чувства в ребенке сказалась между прочим, в следующем характерном эпизоде, который я записал со слов Влад. Галакта.

Когда ему было лет 13—14, однажды странная мысль запала ему в голову: он решил, проходя через базарную площадь, решил внезапно и неожиданно для самого себя, что раз он истинно верующий, то должен непременно совершить акт публичного, все-народного исповедания своей веры. А для этого надо, не взирая на других, то-есть именно на виду у всех, встать на колени и помолиться. Долго боролся он в тревожном сомнении—посмеет или не посмеет он это сделать, и, наконец, посмел! Конечно, из-за этого ничего особенного не произошло: на базаре все заняты своими делами; кто стоял поближе подивился, может быть, улыбнулся чудному «паньчу», который не нашел лучшего места, где класть земные поклоны. Интересна, конечно, психологическая сторона поступка: чувствуется ранний нравственный закал, смелость и волевая решимость, при твердом следовании указаниям своей совести; что задумал, то и выполнил.

Та религиозность, которая побуждала мальчика Короленку принимать твердое решение, что даже когда он вырастет, «сделается ученым или доктором», «то все же никогда, никогда не перестанет верить в то, во что так хорошо верят отец, мать и он сам»,—разумеется, с годами подверглась значительным изменениям. Однако, даже совершенно отойдя от всякой обрядовой стороны религии, расставшись вероятно и с догмой Короленко, даже признаваясь, что в течении многих лет вопросы веры потеряли для него всякую остроту, высказывает замечание в «Истории

*) О своей первой прогулке в сосновом бору рассказывает Короленко и в «Ист. м. совр.», сообщая, как его заворочали противный шум лесных вершин, так что он остановился, как вкопанный. (Т. I, стр. 9—10).

моего современника», что с годами он убедился, «что—эти вопросы были только отодвинуты, а не решены в том или в другом смысле». Они остались и в зрелом возрасте, а может быть и поныне, открытыми, при чём Короленко все же охотно указывал на свое предрасположение к религиозности, оказавшееся устойчивым на всю жизнь. В области творчества оно выразилось в особом внимании, которое он уделяет сектантам и разным искателям «истинной» веры.

ГЛАВА III.

В студенческие годы.—Начало публицистической деятельности.

За годами учения в средней школе, с исчерпывающей полнотой рассказанными в «Истории моего современника», началась новая полоса жизни, — по переезде Короленко в Петербург, где Влад. Гал. должен был поступить в одно из высших учебных заведений. При выборе этого заведения Короленко испытал некоторое разочарование, о котором неоднократно вспоминал: его влекло в университет, на юридический факультет, так как, подобно Гоголю, он полагал, что «здесь в особенности может быть полезен для человечества», ибо «неправосудие — величайшее на свете несчастье, более всего разрывающее сердце». (Письмо Н. В. Гоголя из Нежина к своему дяде Коссоровскому). Чувствуется в этом тяготении к адвокатской карьере в молодом Короленке еще посмертное влияние его отца-судьи. Нужно ли припоминать, что он в качестве частного защитника по знаменитому Мултановскому процессу все же осуществил до некоторой степени свою мечту. Но в пору переезда в Петербург, в 1871 году, его от этой деятельности отговорили. Влад. Гал. вспоминал, что один его знакомый предупреждал его, что с его выговором, в котором чувствовался сильный акцент польского языка в перемешку с малороссийским и; вообще, южным говором, нельзя рассчитывать на успех в зале суда. От акцента он с годами, прожитыми в Великобритании и в Сибири, в значительной степени освободился, но ближайшим препятствием к поступлению в университет была необходимость держать дополнительный экзамен на аттестат зрелости, так как он окончил реальное училище, без мертвых языков. Готовиться к экзамену, терять год, одновременно искать заработка для существования и поддержки семьи,—было непосильной для юноши задачей. Он решил вступить в технологический институт, студентом которого состоял с 1871 по 1873 г.; последний год,

уже не посещая лекции, он проводит в разных частных занятиях, по преимуществу зарабатывая средства к жизни корректурной работой. В 1874 году он переезжает в Москву, где поступает в Петровско-Разумовскую академию, на первый курс, и получает стипендию при переходе на второй курс. В 1876 году, после студенческой истории, в результате которой была высылка в Вологду и Великий Устюг, он принужден оставить академию; затем он переезжает в Кронштадт, а в 1878 году, опять в Петербург, выдерживает вступительный экзамен в Горный Институт, работает корректором газеты «Новости» и вскоре выступает в ней случайным сотрудником. С 1879 года начинаются его скитания и стоянки по местам более или менее отдаленным, до Якутской области включительно, откуда он возвращается в центральные губернии России лишь в исходе 1884 г., поселившись на первое время в Нижнем-Новгороде.

Таковы внешние рамки жизни Короленко в возрасте от 18 до 30 с небольшим лет.

Драгоценные годы прохождения высшего образования, годы выработки мировоззрения, научного и общего, подготовки к общественной деятельности, были также для Влад. Гал. годами упорной борьбы из-за насущного хлеба, при чем приходилось помогать и семье. Время распадалось, таким образом, на посещение лекций в Институте, на обычный способ зарабатывать средства студентами—уроки и репетиции школьников, и на приискание еще каких-либо заработков. В числе их, кроме корректурной работы, к которой Влад. Гал. пристрастился, оказался особый ресурс в его ранней наклонности к живописи и проявившихся еще в средней школе способностях к рисованию. Между прочим, им были исполнены, уже по зачислению в Петровскую академию, ботанические атласы, которые, впоследствии, по сообщению Влад. Гал., сгорели.

Деятельность Короленка как писателя окончательно определилась лишь после возвращения из ссылки, но первый ранний дебют относится еще ко времени студенческой жизни, в 1878 году.

Остановимся несколько на этой первой пробе пера будущего знаменитого писателя, на поприще публицистики.

В первых числах июля 1878 года случилось в Петербурге некоторое происшествие: у Анраксина двора на Садовой произошла болящая драка, при чем народу столпилось до пяти тысяч человек; были убитые и раненные; толпа мастеровых, заступившись за какого-то матроса, которого дворник хотел повести в участок, пошла, как говорили, бить татар. Причины и повод побоища были на первых порах не вполне ясны, но газеты усматривали тут «стихийное озлобление» и так как дело было в годовщину русско-турецкой войны, то решили, что эта драка была вспышкой национальной розни между православными и мусульманами. Кстати,

оказывалось, что дворник, хотевший задержать матроса, был татарин. Через день, на столбцах газеты «Новости», появилось письмо в редакцию: «М. Г. В городе ходят самые разнообразные слухи об истории, которая разыгралась вчера у Апраксина двора». Автор письма, подписанного скромно буквами В. К., сообщал, что он был случайным свидетелем «эпилога происшедшей трагедии», так как проходил с товарищем по Садовой ул. и, увидев необычное движение, пошел справиться в чем дело. Короленко не только справился, но произвел целое расследование, тогда как его товарищ тоже было поддался общему мнению толпы и решил, что «на сцене вопрос национальный», ибо матрос крикнул «татары бьют», а мастеровые ответили криком: «надо бить татар». Но Короленку удалось в конце-концов выяснить, что национальная и религиозная рознь тут не причем: историю начали мастеровые, как показал один свидетель, в отместку за долгие притеснения, которые они претерпевали от дворников дома, где по преимуществу жил рабочий люд: «придешь попозже—ворота заперты, не пускают,—пояснил мужичек,—а пустят, так во дворе встряску зададут, особенно, когда «выпилиши». — Полиция дескать всегда за дворников, а в результате дворницких «неправд» явилось то, что до них давно добирались».

Итак, случайное происшествие, заинтересовавшее юношу-Короленку, имело в его глазах особое значение, потому что в нем затронуты были два принципиальных вопроса, особенно его волнующие: вопрос национальный и вопрос вероисповедания. И в раннем возрасте он выказал ту, присущую ему, тщательность добросовестного исследователя, которая современем сообщила такую вескость его защите в громком процессе по ложному обвинению инородцев в принесении человеческих жертв. Он выказал и свое раннее участие к такого рода делам, которые имели отношение к наиболее ему близким идеалам—о братстве народов и широкой веротерпимости.

За этим первым «письмом в редакцию» последовал ряд других заметок в газете на злобы дня и скромный «корректор» незаметно перешел в число сотрудников издания. К газетной работе он пристрастился и равно оценил огромное значение ежедневной прессы, которой он выступил теоретическим защитником и деятельным участником в течении почти всей жизни.

Особенно следил он за развитием областной печати, значение которой рельефно очертил в статье: «К вопросу о развитии и нуждах местной прессы», напечатанной в 1903 г. в местной же газете «Вольный», и перепечатанной в «Русских Ведомостях». Короленко вспоминает то сравнительно недавнее у нас время, когда в России совсем почти не было провинциальных органов печати, когда на гипску столичной газеты смотрели, как на какую-то прихоть и не отдавали себе отчета, что газета—есть «что-то более важное, чем простая забава, что она может стать само-

стоятельным деятельным началом среди других общественных сил» и т. д. Автор словно сам подводит итоги своей деятельности газетного работника за много лет, намечая скромные всходы и позднейший лучший расцвет ежедневной прессы. Статья заканчивается следующими словами:

«Печати вообще, а областной печати в особенности приходилось побеждать предрассудки не в одних официальных сферах. Ее никогда не поощряли. В лучших случаях ее терпели, в худших — лишили воздуха и света. И все-таки stampa русского печатного слова возрастала, даже в тьме, сильно и густо. Это показывает, что русское общество живо и жизненно, так как его слово не гложет, и прибывает и крепнет, не смотря на трудные условия. Мы, работники печатного слова, можем безкорыстно и с чистым сердцем пожелать процветания нашему делу, потому что оно, — больше, быть может, многих других, — есть дело всего русского общества. Свобода слова занимает первое место в ряду тех ожиданий, в перспективе которых — свет и обновление русской жизни. За немногими исключениями, провинциальная печать, будучи в самых основах всякой общности, честно выполняет просветительную работу, проводя из жизни начала равенства перед законом и широкой терпимости, втроемощной и национальной».

Г Л А В А IV

Первый беллетристический очерк. — Повести и рассказы, относящиеся к периоду студенчества. — Выработка миросозерцания: народолюбие и поэтическое «народничество».

Н. О. Нотович, редактор газ. «Новости», впоследствии очень гордился тем, что оказался как бы крестным отцом знаменитого писателя, пригласив его сотрудничать в своей газете еще 25-летним юношей. Не столь посчастливилось Короленку в другой раз, когда автор принес в редакцию «Отечеств. Записок» свой первый беллетристический опыт. Придя за ответом в назначенный срок, Короленко был встречен М. Е. Салтыковым довольно неприятливо, но услышал решительный приговор повести: «рано вам печататься, рано». Автор не смутился и снал свое произведение в другую редакцию журнала «Слово», где рассказ был напечатан в июльской книжке 1879 года, за подписью В. К—енко, а через год в том же журнале, в ноябрьской книжке 1880 года напечатан другой очерк — «Ненасоящий город», уже за полной подписью автора.

Может быть М. Е. Салтыков имел некоторое основание, при строгом отношении к объективной ценности художественного произведения, сказать автору, что ему еще рано отдавать свое

произведение в печать, но теперь мы невольно применяем к этому первому опыту другой критерий. Талант несомненно ощущается и в этих «Эпизодах из жизни искателя», как назван был очерк, и в зародыше мы ясно видим те качества, которые впоследствии развернулись в лучших художественных произведениях Короленька. В очерке много свежести, искренности, красивые описания природы, наклонность к символизму и поэтической образности, вполне правдивые очертания реальной обстановки жизни. Он грешит некоторым перевесом субъективности, с которой автор как бы не мог справиться, жертвуя интересами целостности картины, при изложении своих личных переживаний. Но этой стороной рассказ особенно интересен для выяснения дум и ощущений, запросов, чаяний и надежд молодого «искателя». Уже само это обозначение характерно, ибо указывает на отсутствие у юноши всякой предвзятости и искреннее стремление молодого автора идти не проторенной дорогой, а самому добиться какой-то настоящей правды. Герой повести «ищет» в чем должно заключаться истинное счастье, он старается определить свое призвание в жизни, он ищет также как подойти к пониманию простого человека, и в этом отношении весьма любопытны приемы наблюдений будущего «народника», которого, впрочем, нельзя подводить под общую скобку с другими деятелями этого движения, охватившего русскую молодежь во второй половине семидесятых годов.

Эпиграф повести—стихи Некрасова: «Средь мира дольного— для сердца зольного—есть два пути»—указывает и на раздвоенность настроения автора, который, повествуя о своем увлечении одной молодой девушкой, жившей в уездном городке, где герой повести, студент Борис Гаврилович Дубров, проводит каникулы, указывает: «Две дороги расстилались предо мной: одна... вела в уездный город С. (где жила возлюбленная). Другая... другая была длинна,—конца ее я не видел... Но как неудержимо тянула она своей неведомой далью, заманчивой неизвестностью, с ее борьбой и опасностями, с запросами энергии, чуткости, воли». Перевес взяло второе стремление, а перенесенная студентом душевная борьба красиво описана в лирической форме переживаний во время одинокой прогулки тихой, лунной ночью. Здесь мы имеем первое указание на то широкое «народолюбие» автора, которое послужило основой его народничества. Вопрос поставлен в выборе между личным счастьем и служением народу пока еще в несколько неопределенной форме, но важен импульс. Личное чувство героя повести, правда, было не из очень глубоких и сильных, так что отказаться от него, быть может, не представляло ему особого труда. Когда увлечение стало заметно слабеть, он сам говорит «своей Соне», расставаясь с ней: «я большой эгоист; ведь это я для своего счастья и делаю... И для вас жизнь поберегла еще много подарков». Однако, «эгоизм» автора любопытно сплетался с самыми широкими альтруистическими чувствами. Характерная

черта того времени, когда учения материализма, позитивизма, рационального эгоизма и отрицания каких бы то ни было жертв, сплетались с глубоким идеализмом на практике и вполне самоотверженной деятельностью.

Признания автора сквозят между строк в том, что сообщает о своем настроении и занятиях герой повести: «я был молод и свободен, как ветер. Правда, я носил звание студента... но узы студенчества, если, вообще, их можно было тогда назвать узами, меня не особенно тяготили. Я занимался всем, что меня интересовало, а интересовало меня очень многое, «слишком многое», говаривали ученые мужи... Поэзия и статистика, цифры и рифмы, «мечты и звуки», вивисекция—все это уживалось во мне в удивительном согласии и гармонии. Стихотворения проливали свой мягкий свет на цифры, цифры, с дружной солидностью, подтверждали неуловимые истины стихотворений»... Я изучал политическую экономию и статистику, писал лирические стихотворения, с увлечением возился с микроскопом; поглощал исторические монографии»...

Характерно следующее указание: профессора не особенно одобряли разбросанность занятий студента. Короленко оправдывается: ему не нравилось систематическое, факультетское «учение»; он оспаривает мнение, которое ему, очевидно, приходилось слышать, что он был в ту пору лишь «идеалистом-теоретиком», неспособным к практическому труду, и ссылается на то, что он брал на себя неоднократно чисто практические работы. Но эта практика его не удовлетворяла. Он влагал в труд всю свою душу, пока требовалось *находить* работу, но,—пишет автор,—«когда дело, в свою очередь, стремилось овладеть мной, я сторонился от него, как от факультета». Нельзя не заметить в этой психической особенности данного лица—стремления оберегать свою личность или вернее, свою духовную целостность. Когда человек входит в дело, то неизбежно и дело владеет им: это результат всякой специализации. Между тем, с первых шагов своей писательской деятельности Короленко ставил личность выше успехов самого дела, если оно обусловлено «подчинением себе человека». Его «делом» станет, со временем, именно отстаивание по преимуществу целостной человеческой личности.

В процессе выработки мирозерцания Короленко особенно обращает на себя внимание присущий ему дуализм, который он пытается разрешить в том или другом направлении, но в конце концов приходит все же к некому «двухстороннему» мирозерцанию. Этот взгляд развит им в повести, так и названной «С двух сторон»—повести, которая не встретила особого сочувствия в период господства у нас позитивизма и материализма, но в следующей полосе жизни русского общества, в 90-х годах, когда религиозные запросы снова были выдвинуты, к ней вернулись и оце-

нили по иному. (См. очерк Волжского о Короленке). Вопрос поставлен был о высшем смысле жизни и о том, как согласовать противоположные воззрения: с одной стороны, человек представляется какой-то машиной, он не более как механическое сцепление атомов и клеточек; духовный мир есть лишь одно из «выделений» материи, случайность, как и, вообще, начало и конец мира; в противоположность этому человеку же присуща какая-то инстинктивная «потребность в бессмертии»; неразрешимы загадки жизни и смерти; нужна внутренняя опора против всеразрушающего отрицания. Значение всякой практической деятельности блекнет и утрачивается перед великой пустотой индивидуального разочарования. Какой исход из всего этого? На чем успокоиться чувству, которое не только не находит себе опоры в теориях, но становится к ним в решительное противоречие? Даже ходячие в ту пору лозунги о «долге интеллигенции перед народом», о необходимости расплаты по этому долгу, о служении народу, при отказе от самих себя и т. п.—все это «слова, слова», без реального содержания.

В повести эти переживания приурочены к трагическому случаю смерти горячолюбимого друга героя рассказа. Он сравнивает свое настроение с тем чувством, которое испытывает человек, если войдет в тучку, которая только издали кажется окрашенной пурпуром и золотом солнечного освещения; внутри же ее вас окружит только холодный, пронизывающий туман. Так и жизнь—«если посмотреть на нее с настоящей центральной точки зрения,—та же неприветная и бессмысленная слякоть и мгла. Нет ни красоты, ни лучей, ни золота, ни багрянца. Нет ни света, ни мрака, потому что нет вовсе цели и смысла... Есть только бесчисленное множество отдельных фактов, не складывающихся ни в какие определенные образы. А то, что кажется возвышенным, светлым и трандиозным, все мишура и обман».

В результате пережитого душевного кризиса герой повести, а вместе с ним и автор, пришли к несколько примирительным выводам, хотя общей формулы смысла жизни не удалось найти. Помогли благоприятному разрешению кризиса два обстоятельства: во-первых, любовь, настоящая, овладевшая всем существом человека, любовь, а не та влюбленность-увлечение, о которой повествуется в «Эпизодах из жизни искателя». Короленко замечает по поводу многих разыгрывавшихся среди молодежи 70-х годов неудачных романов: «мы жили тогда рассуждениями, за рассуждениями влюблялись, рассуждая блаженствовали и страдали; наши трагедии, разрывы и мучения отринутой любви разыгрывались на почве «несходства в убеждениях». Зачем-то понадобилось, видно, истории такое рассуждающее поколение». Но когда заговорило настоящее чувство, то вся эта накипь быстро сошла, и оно окрасило «своим цветом все остальные надежды и все другие восторги». А, во вторых, говорит автор,—«в душе была вера. Сначала в нее (то есть в любимую девушку), потом в человека... А за этим трепе-

тало предчувствие всякой иной веры—и это было новое золотое облачко нового настроения. Во что бы оно ни развернулось, я чувствовал сердцем, что это будет—жизнь».

Отметим кстати, что в эту пору жизни, к которой отнесен рассказ, Вл. Г. Короленко встретился с молодой девушкой, Евдокией Семеновной Ивановской, с которой он повенчался через шесть лет, уже после возвращения из ссылки. Долгие годы совместной счастливой жизни оправдали доверие, которое молодой автор возлагал на исцеляющее и бодрящее влияние любви-дружбы в жизни человека. Много позже он как-то высказал, что «есть в человеческом счастье, в хорошем счастье что-то исцеляющее и выпрямляющее душу».

Возвращаясь к вопросу о мирозерцании Короленко так, как оно складывалось в его молодые годы, мы подходим к определению его отношения к «народничеству», под знаком которого протекала его деятельность в последующий период жизни. Мы ожидаем в скором времени, при издании последующих глав «Истории моего современника», рассказ самого автора об его связях и отношениях с революционными партиями. Здесь уместно привести лишь общее замечание, которое он высказал по поводу характера движения народничества в наиболее ему родственной юго-западной России. Рознь «отцов и детей» ощущалась и в этих областях, но, пишет Короленко (в «Слеп. музык.»)—«это явление сказывалось в значительно смягченной форме. Молодежь, с детства отданная в школы, деревню видела только в короткое каникулярное время, и потому у ней не было того конкретного знания народа, каким отличались отцы-помещики. Когда поднялась в обществе волна «народолюбия», заставшая юношей в высших классах гимназии, они обратились к изучению родного народа, но начали это изучение с книжек. Второй шаг привел их к непосредственному изучению проявлений «народного духа» в его творчестве. Хождение в народ панычей в белых свитках и расшитых сорочках было тогда сильно распространено в юго-западном крае. На изучение экономических условий не обращалось особенного внимания. Молодые люди записывали слова и музыку народных думок и песен, изучали предания, сверяли исторические факты с их историческим отражением в народной памяти,—вообще смотрели на мужика сквозь поэтическую призму национального романтизма».

Автор, повидимому, и сам прошел через эту полосу «поэтического народничества», рано заинтересовавшись проявлениями народного духа в его творчестве. Впоследствии это послужило ему в особом приеме изображения духовной жизни народных типов в непосредственных формах проявления народного творчества. «Сон Макара» является одним из ярких образцов такого художественного приема. Но в ранних очерках и в повестях, относящихся к периоду молодости, мы находим и указания, как автор приступал к своим наблюдениям над «народом». Так, в «Эпизодах из жизни искателя», он подробно сообщает о своем «изуче-

нии» представителя простонародья, некоего сторожа Якуба, жившего при усадьбе, в которой студент проводил каникулы. С интересом всматривается в него юный наблюдатель, сообщая, что перед ним встала новая загадка: «своеобразная, темная, неподдающаяся анализу психическая жизнь человека», который служил ему представителем таинственной народной массы. Автор ищет «закон, управляющий своеобразными процессами странных речей Якуба». Они не укладываются в обычную колею логического мышления и правильных построений. Тем не менее в данном субъекте происходят, дескать, «вполне закономерные процессы мысли», только они кажутся наблюдателю причудливыми от неумения приспособиться к их пониманию и т. д. В настоящем случае Короленко еще не давал нам цельного художественного образа, но обстоятельно знакомил с приемами изучения намеченного типа. А насколько эти приемы ему впоследствии пригодились может послужить хотя бы превосходный образ Тюлина в очерке «Река играет» и многие другие типы в его рассказах. Цельнее очерчен им «народный тип» уже в другой, оставшейся, к сожалению, незаконченной повести «Прохор и студенты», *) также относящейся к периоду студенчества автора. Этот «Прощка-жулик», прообраз позднейших босяков Горького, описан ярко и сочно, а сцена, в которой он выставлен в столкновении со студентами Петровской академии, в пресловутых Выселках, оказывается нелишенной назидательности и по отношению к студентам «народникам», или мнившим себя таковыми. Короленко относится несколько скептически к ставшему в ту пору уже шаблонным типу «народника», выдвигая свое лучшее знание и понимание представителей простонародья, что далось ему благодаря, как непосредственным внимательным наблюдениям, так и прохождению через стадию «поэтического народолюбия».

ГЛАВА V

Высылка из столиц.—Препровождение в Пемри и «Березовские Починки» — Ссылка в Сибирь.

(1879—1881 г.г.).

Итак, побывав поочередно в трех высших учебных заведениях, и дойдя только до третьего курса в одном из них, Короленко принужден был прекратить свои дальнейшие занятия учебно-образовательного характера, так как подвергался администра-

*) Автор изложил в письме В. А. Гольцеву общую схему и идею этого произведения. (См. «Сборник памяти В. А. Гольцева», М. 1916).

тивной высылке. Ближайшие обстоятельства, при которых состоялось его выселение из учебных центров жизни, с запрещением въезда в столицы, не так существенны, ибо в ту пору, в самом конце семидесятих годов, масса молодежи подвергалась той же участи.

Внешний «обиход» высылки, по рассказам Влад. Гал., был такой: в 1879 г., когда Короленко состоял уже студентом Горного Института, в Петербурге у него произведен обыск на квартире, где он жил с братом; ничего предосудительного не нашли, тем не менее оба брата Короленко были высланы в г. Глазов, Вятской губ. В Глазове тоже процедура: снова обыск безрезультатный, тем не менее Влад. Гал. «сылается в глухой поселок — Березовские Починки, — о которых речь будет ниже. По ошибочному доносу об его мнимом побеге из Починков, Короленко переводится в Вышний-Волочек, где заключен в тюрьму и приговорен к отпиранию в Якутскую область. Однако, повидимому, недоразумение все же было выяснено и из томской пересылочной тюрьмы он возвращен обратно для водворения на жительство в Пермь. Из Перми, в 1880 году, он высылал в редакцию «Слова» свой очерк «Не настоящий город», в котором изложены его наблюдения и заметки о виденном и слышанном в Глазове. И здесь, в этом очерке, мы опять встречаем живой интерес автора к национально-этнографическим вопросам, опять выступает он в роли внимательного следователя, кропотливо собирающего все данные, чтобы выяснить загадочное происшествие с трагическим финалом, в связи с убийством и ограблением вотяка. Автор показывает редкое умение по собранным сведениям и указаниям восстановить живую картину происшествия, словно он сам был его свидетелем. Мастерски очерчен и весь быт городка.

Ко времени пребывания В. Г. Короленки в Перми относится начало вышеупомянутой переписки его с братом Юлианом, служащей некоторым проявлением тогдашних его обстоятельств и времени провозждения. И прежде всего мы узнаем из этих писем, что роли братьев переменялись: если Юлиан Галакт. первым выступил в печати, еще учеником ровенской гимназии, то теперь младший брат оказывает протекцию старшему и является посредником его сотрудничества в журнале «Слово», в редакции которого Влад. Гал. уже стал признанным писателем. Узнаем мы также из писем, что и в изгнании Владимира Гал. не покидали заботы о материальных условиях жизни своих родных и, что он оказывал им посильную помощь. Он просит только брата не брать из редакции авансов, ибо —

«работал и мало, и в виду возможности всяких неожиданностей, мне было бы крайне неприятно остаться в долгу перед редакцией. Да и вообще нельзя располагать деньгами, которые быть может еще и не будут заработаны»... «Съ деньгами за литературную работу, — пишет даже Вл. Г., — я свлаиваю очень серьезные расчеты, перед которыми я думаю, что ты меня поймешь».

В этом же письме (от 24 мая), есть указание на законченный литературный очерк:

«Если бы «Чудную» напечатали, я былъ бы очень радъ. Если не печатають, еще разъ прошу: возьми ее и снеси въ «Отечеств. Записки».

К сожалению этот прелестный очерк на основе широкого гуманитарного чувства, при чем внушалось терпимое отношение даже к жандарму («не прощенье важно,—человека признайте»), не мог пройти через ферулы тогдашней цензуры и впервые был напечатан лишь в заграничном издании.

Настроение автора было, повидимому, несколько подавленное. Он пишет брату:

«Не обижайся, что пишу такъ рѣдко. Я почти вовсе не переписываюсь. Таково уже настроеніе: можетъ буду писать, когда опять жить начну: теперь не живу, а только собираюсь все, да все неудачно какъ-то. Еще ни на шагъ не подвинулъ свои планы. Впрочемъ, надѣюсь».

Следующее письмо, от 15 ноября 1880 г., приводим почти целиком, в виду того, что оно касается литературных отношений и содержит сведения о планах, намерениях и житье-бытье Короленка в Перми:

«Письмо твое, другъ Юлианъ, я получилъ вчера и такъ какъ оно нѣсколько запоздало, а мой отвѣтъ могъ запоздать еще болѣе (пусть у насъ еще не установится), то я отвѣтилъ телеграммой, которую ты, навѣрное, получилъ. Письмо М. Е. (своейницы Вл. Г.) я получилъ за нѣсколько дней передъ твоимъ (шло около 20 дней). Что касается собственнаго дѣла, то въ сказанному въ телеграммѣ мнѣ остается прибавить немного: послалъ статью в «Слово», я посылалъ ее той редакціи, съ которой уже имѣлъ дѣло прежде, и мнѣ пріятнѣе будетъ и впредь имѣть дѣло съ этой редакціей, какъ бы ни назывался ея органъ, будь то «Слово» или «Прогрессъ».

Итакъ,—я согласенъ передать эту статью и слѣдующія (еще не окончены), о которыхъ писалъ редакціи, въ томъ, конечно, предположеніи, что «Прогрессъ» успеетъ благополучно и своевременно родиться и что его осуществленію не грозитъ полное упраздненіе или «долгій ящикъ», что «по нынѣшнимъ временамъ», когда стрѣла барометра такъ безпокойно ерзаетъ на словѣ «переменно»,—и возможно и, вѣроятно, неудивительно. Вообще, предложеніе редакціи «Прогресса» мнѣ очень на руку, такъ какъ, въ качествѣ сотрудника этого журнала, мнѣ, быть можетъ, удастся посѣтить современныя нѣкоторыя мѣста Пермской губ., чрезвычайно интересныя во многихъ отношеніяхъ. Губернаторъ здѣсь человекъ не глухой и, я думаю, когда нѣсколько обживусь здѣсь,—онъ разрешитъ мнѣ и отлучки, если представить уважительные резоны.

Ну, кажется, о дѣлѣ все. Правду сказать, я самъ (совершенно искренне) держусь далеко не столь лестнаго мнѣнія о своемъ произведеніи, да и, вообще, о моемъ, скажемъ такъ—дарованіи, но понятню успѣхъ этого моего дѣтища ободрять меня и теперь я съ большимъ удовольствіемъ принимаюсь за слѣдующіе очерки. *) Вотъ только свалю съ плечъ нѣсколько заказовъ по сапожному дѣлу, которые взялъ раньше, а тамъ примусь за работу усиленно и окончу начатыя наброски. Тема—«Починки», починовлы, типы сельныхъ крестьянъ и затѣмъ маленькій этюдъ—сектантъ-отрицатель.

*) Речь идет, повидимому, о вышеупомянутомъ очеркѣ «Ненастоящій городъ», а, можетъ-быть, и написанному в том же году очерку «В подследственномъ отдѣленіи». Переименованный журнал «Прогрессъ» так и не появился вовсе.

Все. Теперь сообщу о себѣ лично. Впрочемъ, все тебѣ навѣрное извѣстно изъ писемъ моихъ къ Валѣ (младшей сестре Вл. Г.). Сапожничаю, дѣла этого не брошу, такъ какъ мнѣ очень хочется доучиться и стать настоящимъ заправскимъ мастеромъ. Куда бы ни кинула судьба, это пригодится. Вскорѣ вѣроятно сюда ко мнѣ прїѣдутъ и Перчикъ (прозвище младшаго брата Влад. Г.). Онъ проситъ о переводѣ и, конечно, ему не откажутъ. Знакомыхъ у меня немного: М-вы (семейство), да Л-вы, да В-овы, да три—четыре человека холостыхъ и учащихся, вотъ и всѣ.

Интересно, отвѣтятъ ли тебѣ на твое прошение, освободятъ ли меня черезъ годъ изъ подъ надзора,—это вопросъ для меня весьма важный. Я имѣю въ виду обширный планъ, который, между прочимъ, имѣетъ отношеніе и къ литературной работѣ и долженъ дать матерьялъ, если не для большого труда (сомнительно), то для отдѣльных очерковъ. Состояніе подъ надзоромъ сильно стѣсняетъ меня.

Ну, пока—до свиданья. Я недавно писалъ Валѣ. Отъ нашихъ изъ Красноярска долго пѣтъ письма, но недавно Г—въ писалъ, что оттуда получена телеграмма, что все благополучно...

Еще до свиданья. Влад. К.

Сообщу подробно все относительно программы, времени появленія и, вообще, относительно условій вознагражденія «Прогресса». Ты какъ-то упоминаешь о 3-хъ редакторахъ «Слова». Это: Ленинскій, Коропчевскій и Головачевъ?

Упомянутые в этом письме «Починки» или точнее—Березовские Починки,—были, как указано, местом более ранней ссылки Влад. Гал. Не знаю появился-ли в печати, да и, вообще, уцелел-ли очеркъ «Починовцы», о котором идетъ рѣчь в письме, но в газетѣ «Молва», выходившей в Перми, напечатана корреспонденція Короленка, какъ разъ относящаяся къ данной местности. Приводим это описание:

«Едва-ли вы найдете на самыхъ подробныхъ географическихъ картахъ эти Березовскіе Починки, куда забросила меня судьба. Это не село, не деревня даже, это просто нѣсколько дворовъ, разбѣянныхъ на разстояніи приблизительно 15—20 верстъ, среди лѣсной и болотистой мѣстности. Въ одномъ мѣстѣ торчитъ одинокая избушка, занесенная снѣгомъ (я былъ тамъ зимой), въ другомъ—двѣ; версты за 2, за 3, еще одна или двѣ и т. д. Средоточіемъ этого поселенія служатъ 4 двора, которые починовцы величаютъ деревней. «Мы край свѣта живемъ»—говорятъ о себѣ починовцы. Лѣтомъ въ Починки можно пробраться только верхомъ,—телѣтъ съ коlessами починовцы не употребляютъ. Если съ вами есть хламъ (хламъ, по выраженію починовцевъ), то этотъ «хламъ» перевезутъ вамъ въ лодкѣ или въ саняхъ лѣтомъ по оушѣ, Населеніе—тѣ же подлиновцы (Рѣшетникова). Давно уже, еще «при дѣдахъ», выселилось нѣсколько семей въ эти мѣста, и поэтому они остались, при извѣстномъ уровнѣ потребностей, ниже средняго. Мнѣ, напримѣръ, отвели для жительства курную избу, такъ какъ нельзя было найти подходящей «облаи». Знаете, что значить курная изба? Это изба безъ трубы; дымъ, когда затопить, льхаетъ прямо въ избу и наполняетъ ее отъ потолка до пола. Чтобы была возможность дышать, открываютъ волоковое оконце, но этого мало. Еще открываютъ дверь и тогда морозный воздухъ выбиваетъ дымъ на уровень головы, и онъ стонетъ вверху, колыхнется густой, рѣзко ограниченной пеленою. Если подняться во весь ростъ,—голова въ дыму. Такимъ образомъ устанавливается своего рода равновѣсіе: головѣ жарко, за то ноги стынютъ отъ 30—40-градуснаго мороза. Это продолжается около $\frac{3}{4}$ часа, послѣ чего двери закрываются и въ потѣнѣвшую избу пускаютъ скотину. Лошади, коровы, овцы чередуются другъ съ другомъ, оставляя на полу очень замѣтные слѣды своего пребыванія»...

В такой, поистинѣ ужасной обстановкѣ, пришлось нашему
В. Г. Короленку.

писателю провести несколько месяцев. Однако, и при таких условиях жизни он не утратил бодрого равновесия душевных и физических сил. Мы уже знаем из его письма к брату, что он занялся ремеслом сапожника (которому он начал учиться еще в Петербурге), что доставляло ему некоторый заработок на пропитание, а затем производил наблюдение над полусознательными обитателями затерянного в болотах поселка, все ближе овладевая психикой стоящих за гранью культуры человеческих существ. Судя по рассказам Влад. Гал., он не без задора воевал и с местным начальством, когда оно удостоивало его посещать, ограждая свои и без того очень урезанные человеческие права. Находил он возможность даже заниматься рисованием и привез с собой вид той самой избушки, внутренность которой он описал в вышеприведенной корреспонденции. Вскоре ему посчастливилось перебраться в другую избу с печью, благодаря чему жить было сноснее. Короленко зарисовал и внутренность этой избы, переслав рисунок своим родным (см. рисунок). На обороте, мелко, мелко написано письмо, очевидно, вследствие необходимости экономить бумагу. Приводим текст, которому мог бы позавидовать любой этнограф, в виду обстоятельности и точности описания жилища. Проставлена дата: 29 января 1880 года:

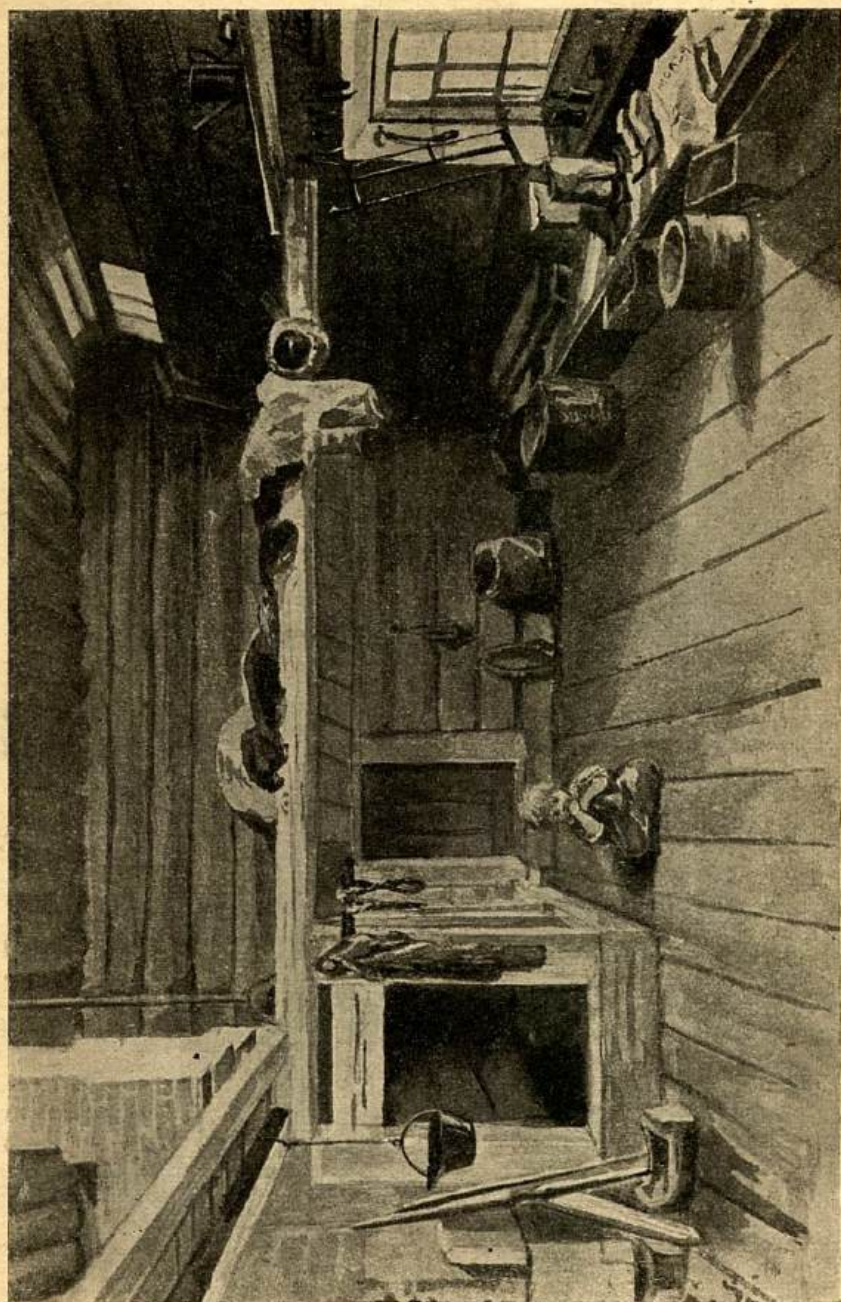
«Выдалось время, когда итьть обычной работы. Перчикъ разбойникъ товару долго не шлетъ, а старый весь издержалъ. Вадумалъ употребить невольный досугъ на то, чтобы дать вамъ нѣкоторое наглядное понятіе о нашей починковской обстановкѣ. Вѣдь вы все едва нѣсколько разъ были въ крестьянской избѣ, да и то у насъ избы совсѣмъ не такія.

Всей избы, конечно, не могу изобразить по условіямъ перспективы. Выбралъ ту ея часть, гдѣ самъ работаю. Остатокъ неизображенными—(вѣдь) печь (обыкновенная «русская»), затѣмъ такъ-называемая «судная лавка», гдѣ хранится посуда, и, наконецъ, вся задняя стѣна, съ двумя окнами и «божницей».

Итакъ, вотъ вамъ мое новое обиталище (я уже писалъ, что перехожу въ другую избу, съ трубой), изба Григорія Филиппова Бисерова или, по здѣшнему, просто Гришки Филена. Темное отверстіе на лѣвой сторонѣ представляетъ дверь въ такъ назыв. «голубецъ», замѣняющій погребъ. Иногда дверь эта запирается. Два бруса надъ голубцомъ—т. наз. «гряжи». На нихъ сушатъ дрова, лучину и т. д. Отъ голубца вправо, во всю избу идетъ брусъ, поддерживающій настилку «полатей». На этотъ брусъ всякій, входящій въ избу, кладетъ «шпунъ», «шабуръ», вообще всякую «лопоть» (одежду). Полати, вмѣстѣ съ настилкой надъ «голубцомъ» и съ печью представляютъ спальную. Мѣста, какъ видите, довольно (полати здѣсь просторны). Надъ полатами оконце. Оно служитъ въ курныхъ избахъ для выхода дыма, и освѣщаетъ полати... Вдоль стѣнъ дѣлаются лавки, а выше, въ уровень полатей, вокругъ всей избы кладется «полница». Вотъ и все, и всѣ избы строятся такъ же, походить другъ на друга, какъ двѣ капли воды.

Остальное (за малымъ исключеніемъ), что вы видите въ избѣ, внесено сюда мною. Окно справа отведено въ мое пользованіе, также и правая часть полатей. Вы видите мою шпану и мою «лопоть», въ видѣ полушубка. На лавкѣ принадлежности моего ремесла, пара только что конченныхъ сапогъ, колодки и т. д. На полу «сѣдуха», привезенная мною изъ Глазова и опустѣлые почти ящики съ товаромъ. Въ углу на полатахъ—«крюки» для вытяжекъ.

Когда тепло, я тутъ работаю, тутъ же на своей «сѣдухѣ» читаю,

пишу и т. д. Когда же холодно (изба у нас холодна, что вы можете заключить из того уже, что место стекольщика занимаети лучники), я со всеми принадлежностями перебираюсь на полати. Семья у нас малая (хозяйник, хозяйка, мальчик лет 8 и девочка маленькая) и на полатах просторно. Какъ видите, имѣются и предметы роскоши—самоваръ глазовской работы, чайникъ и т. д., даже газеты и книги.

Въ настоящее время хозяйникъ у меня въ извозѣ. Хозяйка по утрамъ работаетъ на гумнѣ, «поится», «кормится» (по здѣшнему «поится» значить поить скотину). Мальчикъ помогаетъ матери, девочка спитъ и я, когда не помогаю на гуменикѣ, остаюсь одинъ, съ девочкой и курицами, запертыми въ т. наз. «шестѣхъ» (подъ судной лавкой).

Описание было бы не полное, если бы я не познакомилъ васъ съ существомъ, изображеннымъ на полу. Это никто иной, какъ дѣвица Барбара Григорьевна Висерова, одного году и двухъ месяцевъ (почти ровесница Бори). Она уже 2 мѣсяца ходитъ, почти съ самаго рожденія ѣстъ все (капусту, щи, хлѣбъ ржаной и т. д.), пьетъ брагу и нерекликается со мной,—когда я работаю на полу, а она лежитъ въ зыбкѣ надъ голубцомъ. Въ данное время она сидитъ на холодномъ полу и дуетъ себѣ на похолодѣвшія руки. Легко представить себѣ, что мы съ ней большіе пріатели. Можетъ-быть, вамъ покажется жестокимъ, что я оставляю ее на полу, когда такъ холодно, что я самъ замру. Но, во-первыхъ, со времени смерти Оли, я потерялъ всякое призваніе къ роли няньки, а во-вторыхъ, если бы я сталъ ограждать ее отъ того, что ей приходится испытывать ежедневно, то потратилъ бы все свое время и оказалъ бы ей очень плохую услугу, такъ какъ, въ концѣ-концовъ, ей пришлось бы стать лицомъ къ лицу съ тѣми же условіями...

На этомъ письмо обрывается, такъ какъ, очевидно, не хватило больше места: и с верху, и с боков, всякий свободный промежутокъ бумаги былъ использованъ.

Мы принуждены пока ограничиться приведенными документами, характеризующими обстановку, занятія и состояніе Короленка во время его пребыванія въ мѣстахъ не столь отдаленныхъ. Условія жизни, конечно, не были лучше, когда ему пришлось перебраться въ мѣста болѣе отдаленные, т. е. въ Сибирь, въ Якутскую область.

Первая ссылка произошла, какъ сообщилъ авторъ, по «недоразумію». Во второй разъ онъ уже смело принялъ на себя ответственность за «наказаніе»: дело въ томъ, что при воцареніи Александра III, почему-то отъ него потребовали особой присяги, отдельно отъ другихъ служащихъ въ железно-дорожномъ управленіи, въ составѣ котораго тогда зачисленъ былъ и Короленко. Это озадачило и возмутило Короленка. Въ немъ, какъ некогда въ мальчикѣ Васѣ, въ сценѣ съ отцомъ (см. в.), поднялся протестъ: это требованіе было незаконно, а ему, неизвестно за что уже претерпевшему отъ царскаго режима, не было никакого основанія заявлять въ особой формѣ о своихъ верноподданническихъ чувствахъ. Онъ отказался отъ выполненія незаконно пред'явленнаго ему требованія и вторично былъ сосланъ на неопределенное время въ ту же Якутскую область, до которой въ первую поездку онъ не доехалъ, а теперь не только былъ туда доставленъ, но и пробылъ тамъ около 3 летъ.

Въ официальном документѣ генерал-губернатора Анучина, отъ 26 сентября 1881 г., сказано, между прочимъ, что Короленко былъ

выслан в Вятскую губ. «в виду знакомства с лицами, принадлежащими к социально-революционной партии и указаний на участие в печатании и распространении революционных изданий вольной типографии». Теперь же мотивом ссылки приведен отказ от присяги, «каковой (отказ) изложен в заявлении, в котором он (Короленко) порицает в резких выражениях распоряжение администрации относительно высылки и мотивирует свой отказ требованиями совести». (Документы напечатаны в журн. «Сибирские вопросы», за 1912 г.).

В Якутск Короленко прибыл 24 ноября 1881 года, при чем в «распорядительном списке на государственного преступника В. Г. К.», значится: «Грамотный. Сапожник и живописец». — «Полицейский надзор учинен за враждебное настроение и прежнюю его вредную деятельность».

Среди тех же напечатанных ныне документов, — курьезная переписка по поводу коробки конфет, полученной без содержания, с одной только запиской, оставленной в коробочке: «кушай на здоровье»! Влад. Г. выказал «великодушие» и не пожелал «вчинять иск» за пропажу лакомства, поэтому переписка была прекращена.

Вероятно мы еще прочтем в «Ист. моего совр.», когда автор доведет до конца свой рассказ, об обстоятельствах жизни Короленка в Сибири. Но, как ни были тяжелы условия этой жизни, необходимость самому физическим трудом добывать себе пропитание, самому быть и своим мясником, чтобы было что есть, обходиться долгие месяцы без известий с родины, без книг, газет и журналов и т. п., Короленко не сохранил дурного чувства ко времени своего вынужденного пребывания в Якутской обл. Выручал счастливый характер, приспособляющийся ко всякой обстановке; выручали природная пытливость и наблюдательность, благодаря которым все окружающее интересовало молодого писателя, с особым вниманием, как уже было указано, присматривающегося к простым, полукультурным или даже совсем не культурным типам; он жадно впитывал в себя впечатления полудикой, отдаленной области, где человек ведет упорную и непрестанную борьбу с природой; одиночество способствовало сосредоточенности мысли и развитию фантазии; талант писателя окреп и сам он как-то закалился в суровой обстановке. На многие годы быт ссыльных, сибиряки-якуты и полуобякутившиеся русские питали его творчество. И любимой темой его бесед до последнего времени служили воспоминания о молодых годах, проведенных в Сибири, о встречах и знакомствах в той стороне. И одни за другими эти воспоминания отливались в художественные образы и картинки, с наибольшим мастерством отделанные автором, который именно в этих сибирских очерках и рассказах достиг высоты художественного развития.

Г Л А В А VI.

Возвращение. Приезд в Нижний-Новгород. Снова арест. Письмо к брату из дома предварительного заключения в Петербурге. Занятия в Нижнем. Женитьба. Первое свидание с Л. Н. Толстым.

По возвращении длительным путем, с долгими стоянками и остановками, из Якутской области в центральную Россию, в самом исходе 1884 года, В. Г. Короленко решил поселиться в Нижнем-Новгороде. Любопытно, что внешним поводом выбора именно этого города, как сообщал об этом через 11 лет сам Влад. Г., перед своим переездом в Петербург, послужила одна из многочисленных якобы «народных» надписей, которыми известный в свое время губернатор Баранов «украшал» город, щеголяя своим умением подлаживаться под простой говор толпы. На стене крутого под'ема, прилегающего к пристани было написано: «чалъ за кольцо, решетку береги, стены не касайся». И Короленко «причалил» в январе 1885 года.

Положение политического ссыльного, вернувшегося по отбытии «наказания», в совершенно чужом городе, при отсутствии связей и знакомства, конечно, было не из легких. И прежде всего возникал вопрос—чем существовать, так как прежнее мастерство, которым щеголял Влад. Гал. в глухих Починках, очевидно, не могло его выручить в губернском городе, изобилующем слишком опасными конкурентами, настоящими мастерами сапожного дела.

Но и месяца не прошло, после приезда в Нижний, как «заботливая» администрация снова заинтересовалась судьбой вернувшегося из ссылки политического «преступника» и вытребовала его в Петербург не обще-принятым путем проездов по жел. дорогам. Приводим письмо, написанное Вл. Г. своему брату Юлиану Г. из дома предварительного заключения, от 10-го февраля 1885 года:

Дорогіе мои Юліанъ и Маня. Не знаю удивляю ли я васъ этимъ посланіемъ или вы уже знаете о новомъ моемъ приключеніи,—во всякомъ случаѣ шлю вамъ привѣтствіе со Шпалерной. Не могу, конечно, сообщить причины моего ареста,—во всякомъ случаѣ, надѣюсь скоро повидаться съ вами и тогда мы вмѣстѣ посмѣемся надъ этимъ эпизодомъ, право напоминающимъ интереснѣйшія страницы какого-нибудь забористаго романа съ чертовщиной; пока же мнѣ еще не до смѣха, да и вы я думаю тоже немножко жалѣете «злодѣйскаго братца», котораго какой-то злой рокъ присудилъ, кажется, къ постоянной перемѣнѣ одной кутузки на другую.

Пока, впрочемъ, могу успокоить васъ: надѣюсь, потребуется не очень много времени, чтобы опровергнуть поставленное противъ меня обвиненіе; а такъ какъ оно имѣетъ совершенно опредѣленные формы и опирается на факты (сказать кстати, довольно вѣсные), то и бороться съ нимъ можно фактами, более вѣскими; а поеліку я въ дѣйствительности ничего не совершилъ, то ясно, что добродѣтель моя восторжествуетъ и невинность возобластаетъ, послѣ чего мы съ вами и увидимся... Напишите мнѣ оба

хоть по нѣсколько строчекъ. Знаете ли, такъ это бываетъ пріятно, когда въ длинные будни одиночной камеры ворвется, какъ свѣжій вѣтеръ, какая-нибудь вѣсточка съ воли. А тутъ, кстати, я буду еще знать, что у васъ все благополучно. Въ праздникъ можетъ быть Юліанъ удосужится и поспѣть меня. Впрочемъ, вставъ сейчасъ из-за своего столика, и взглянувъ на росписаніе, висящее въ камерѣ, и вижу, что свиданія бываютъ по понедѣльникамъ, вторникамъ, четвергамъ и субботамъ. Стало-быть, не придется повидаться. Ну да и это ничто: скоро, я увѣренъ, повидаемся и такъ.

Пока до свиданія. Обнимаю васъ обоихъ, а также Володю (сына Юл. Г.). Я не знаю адреса новой квартиры (сестры) Валіи. Пошлите ей это письмо: пусть также пока не хлопочетъ о свиданіи: гдѣ ей теперь при необходимости возиться съ ребятами. Да и незачѣмъ сентиментальничать: недавно видѣлись, скоро опять увидимся,—а пока довольно и того, что живемъ все въ одномъ городѣ!

Затѣмъ мнѣ ничего не нужно: денегъ у меня есть довольно, а траты здѣсь небольшія. Вашъ Владиміръ К—ко.

Ожиданія Влад. Гал. действительно оправдались, и онъ вскоре былъ отпущенъ на волю. Незамедлительно онъ вернулся въ Нижний-Новгородъ. Упорно держался онъ за кольцо, къ которому «причалил»!

Причину же своего ареста и поездки въ Петербургъ Вл. Г. сообщаетъ въ другомъ письмѣ тому же адресату, такъ какъ писать объ этомъ изъ дома предварительного заключенія не представлялось возможности, ввиду цензуры писемъ. Былъ обыскъ, при чемъ:

«...ничего у меня не найдено хоть сколько-нибудь компрометирующаго, а поведѣе отъ меня совершенно независимый. Кто-то со мной мало знакомый далъ кому-то, со мной совсѣмъ незнакому рекомендательное письмо ко мнѣ. Второй «кто-то» оказался нелегальнымъ, а первый «кто-то» въ письмѣ не подписалъ своей фамиліи. Вотъ и дѣло. Меня, впрочемъ, привлекали въ качествѣ свидѣтеля, для выясненія фамиліи писавшаго, которая, конечно, мнѣ тоже неизвѣстна; въ письмѣ такъ и говорится—«фамилію мою вамъ цазовутъ». Но письмо ко мнѣ не дошло».

О первоначальномъ устройствѣ въ Нижнемъ и о планахъ Влад. Гал. на счетъ литературнаго заработка мы узнаемъ изъ слѣдующаго его письма къ тому же брату Юліану Гал., отъ 19 апрѣля 1885 года:

«Мамаша уже говорила тебѣ, дорогой Юліанъ, что я поступилъ на пароходную пристань въ качествѣ кассира. Занятія эти въ первые дни отнимаютъ у меня почти все время; вотъ почему я не писалъ тебѣ такъ долго».

Далѣе идутъ соболезнованія по поводу смерти жены Юл. Гал., даются свѣденія о матеріальномъ положеніи, а потомъ сообщается слѣдующее:

«...дня черезъ два-три я мѣсто (кассира) думаю бросить, но это лишь потому, что могу заняться болѣе выгоднымъ дѣломъ. Вчера долго ожидаемый отвѣтъ изъ «Волжскаго Вѣстника» получился. Редакторъ разсыпается въ извиненіяхъ за долгое молчаніе и заявляетъ, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, что очень дорожитъ моимъ сотрудничествомъ и предлагаетъ высшую плату, какую вообще платитъ это небогатое изданіе (4 коп. со строки). Эту плату, говоритъ онъ, получаетъ только Маминъ (Сибирякъ). Такимъ образомъ, я легко могу заработать въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» 40 руб. въ мѣсяцъ, и у меня останется еще время для другихъ работъ, тогда какъ здѣсь я не могу рѣшительно писать ничего—дѣльный день приходится торчать у кассы на пристани»...

Как скромны были в ту пору авторы по части гонорара, да и вообще месячного бюджета! Итак, Короленко, по приезде, возвращается прежде всего к газетной работе, но в том же письме есть приписка относительно одного литературного очерка, при чем Вл. Г. выказывает определенную щепетильность по поводу выбора издания:

(Приписка карандашом). Сейчас узнал (миг пишут об этом из Москвы), что рассказ в «Нови» собираются печатать. Пожалуйста, возьмите его, миг этого сильно хочется.

(Вторая приписка, сбоку). Пожалуйста, **непременно** (подчеркнуто) исполните мою просьбу относительно рукописи. Теперь мы уже далеко не в такой крайности, чтобы обращаться к «Нови»... Прошу **непременно** это исполнить.

Однако, считая предосудительным выступить сотрудником «Нови» (чисто коммерческое предприятие фирмы Вольфа и К^о), Короленко в ту пору иначе относился к «Новому Времени», и через год пишет брату с просьбой поместить его корреспонденцию именно в этой газете (письмо от 9 апреля 1886 г.). Он настаивает на животрешущем интересе, который представляют сообщаемые им факты, «в особенности для Нижнего, и просит, если почему-либо «Новое Время» не согласится напечатать статью, то передать в «Новости», или вернуть ему обратно. «Ответственность за сообщаемые факты принимаю на себя всецело»,—пишет Вл. Гал., но, кажется, редакция не согласилась с этим доводом и корреспонденция направлена была в другое место, в одну из волжских газет.

Тем не менее к А. С. Суворину Короленко в то время относился с полным доверием, и когда зашла речь о первом издании сборника его рассказов, он пишет брату, сотрудничавшему в эту пору в «Новом Времени», что ничего не имеет против проекта передать Суворину свой сборник. Задержка произошла только из-за подбора материала. Сначала, повидимому, речь шла об издательстве Раппа *), против которого Короленко высказывается самым решительным образом (письмо без даты):

...«Очень может быть, что Рапп почтенный человек, но, право, поступает он очень не почтенно. Дело вовсе не в том, что я не желаю выступать с неизвестными или малоизвестными писателями. Я сам далеко не «известный» и тщеславия не люблю причинять. Дело в том, что Рапп очень громко заявляет, что это и есть «лучшие и наиболее известные». Этим, миг кажется, он положительно пресек возможность сколько-нибудь щепетильному человеку самому примкнуть к этим рекламируемым «знаменитостям». Наконец, как ни говорить Рапп о безпристрастии и отсутствии партийности, но в некоторых напечатанных им рассказах имеется такой букет «взглядов» и направлений, которые тоже отбивают охоту становиться в его ряды. При том же, признаться между нами, я сильно сомневаюсь, чтобы ему удалось войти в соглашение, например, с Гаршиным, иначе он бы уже о том объявил».

*) Вероятно это Евг. К. Рапп, не известный в свое время романист и публицист, в 1886 г. выпустивший серию книжек под общим заглавием «Романист» появилось 14 выпусков этого издания.

Ввиду этого я написал уже ему, что предложение его считаю по многим причинам неподходящим. Наконец, если придется издавать отдельное издание моих рассказов, то и тут представляются неудобства. Будь это издание действительно симпатичное и толковое,—я, конечно, не стал бы принимать в соображение плату и материальные расчеты; но для этого издания в настоящем его виде, я не дал бы даже за хорошую плату».

В другом письме, тоже без даты, Влад. Гал. возвращается к вопросу об издании своих очерков, ставя только вопрос о преждевременности такого предприятия, но не отказываясь от того, чтобы оно вышло в издательстве Суворина:

«...Что касается издания, то я действительно получаю обь этом съ разных сторон запросы. Думаю, однако, что еще раненько,—не обожждать ли хоть до будущей осени. Въ это время я постараюсь написать еще что-нибудь такое, что больше опредѣлило бы мою, весьма еще неопредѣленную литературную физиономію. Противъ изданія фирмой Суворина я, конечно, въ принципѣ ничего не имѣю, хотя ввиду отсрочки изданія, было бы преждевременно вступать въ какіе-либо переговоры. Кстати, почему это ты такъ уклоняешься отъ всякаго посредничества? Я понимаю еще относительно Рибченковъ и Рапповъ ты можешь не надѣяться на свою практичность, но вѣдь съ Суворинимъ беречись нечего,—это вѣдь не кулацкая фирма и «обойти» тутъ не могутъ. Мы съ тобой оба далеко не практики, и потому действительно, мнѣ пріятнѣе было бы вести дѣло, хотя не на особенно выгодныхъ условіяхъ, но съ людьми, отъ которыхъ нельзя ждать подвоха. А въ такомъ случаѣ—и ты и я одинаково можемъ вести дѣло».

Когда вспоминаешь Суворина позднейшей поры и то, чем стало «Новое Время» с 90-х годов, то приятно найти указание болѣе раннего времени о том, чем некогда была газета и ее все-ильный редактор-издатель в лучшую пору его деятельности. Однако, из одного позднейшего письма к тому же Юл. Гал., мы узнаем, что доверие Вл. Гал. к фирме Суворина отнюдь не оправдалось. Он пишет брату (письмо без даты):

«Съ Суворинимъ у насъ, очевидно, дѣло не складится. 300 рублей, не обращая вниманія на количество листовъ,—это очень мало. У меня вѣдь наберется листовъ 20. Это выйдетъ по 15 руб. за листъ, тогда какъ мы уже предлагали по 35 руб. Вообще, я кажется сойду съ однимъ московскимъ издателемъ (Карцевымъ), который предлагаетъ издать изъ половины (за вычетомъ, конечно, издержекъ). Это будетъ выгодно».

Даже странно читать теперь, что могли предлагать такую цену, при покупке издания, как 15 руб. с листа за беллетристику,—и это сделал Суворин по отношению к Короленко. Стало-быть, было все-таки желание «обойти», несмотря на твердую уверенность Короленка в том, что этого нельзя было ожидать от Суворина.

Мы немножко забежали вперед с этим письмом, чтобы до-сказать по вопросу об отношениях Короленка к издателям—о разборчивости и в тоже время скромности в самооценке, два качества, подчеркивающие его искренность и отсутствие всякого самомнения в преувеличенном масштабе.

В Нижнем Короленко поставил себя, прежде всего, простым газетным работником, по преимуществу «корреспондентом», но

и в этом скромном звании он сыграл огромную роль в общественной жизни города и сумел с особой силой выдвинуть значение провинциальной печати.

Об его литературно-художественной деятельности речь впереди, а пока пользуемся его письмом к брату Юлиану Г., чтобы осветить по этим документам два «события» в его жизни, связанные с поездкой в Москву, женитьбу и знакомство с Л. Н. Толстым.

В письме, датированном из Москвы от 1 февраля 1886 года, Влад. Гал. писал брату:

«...Так вот, братъ, и я совершилъ предѣлъ, его же не преидеши. Признаться, когда я ѣхалъ въ Россію, то и не подозревалъ, что черезъ годъ буду женатъ. Мое чувство къ Дунѣ—давнее, «застарѣлое» чувство, но еще до высылки изъ Петербурга я убѣдился было, что изъ этого чувства ничего не выйдетъ; затѣмъ я съ нимъ сладилъ и, вернувшись, думать встрѣтить въ ней просто друга и сестру. Вышло иначе и, когда я замѣтилъ, что въ ней пробудилось совсѣмъ другое отношеніе ко мнѣ,—тогда и во мнѣ старое воскресло съ прежней силой, насколько, впрочемъ, это допускаетъ солидный возрастъ *). Вотъ тебѣ, братъ, моя исторія, т. е. собственно моей женитьбы. Я, конечно, радъ, счастливъ и т. д., и, главное,—надѣюсь на мирное, спокойное счастье съ ней (конечно, я это говорю только о мирѣ и спокойствіи нашихъ взаимныхъ отношеній. Остальное въ рудѣ Божіей).

Вл. Г. приглашал брата приехать на свадьбу, с оговоркой, что—«мы ее справляем самым незатейливым образом». Как рассказывал В. Г. их «брачный поезд» разместился по просту в конке и молодые вернулись из церкви, как из какой-нибудь деловой поездки в город. «Однако»,—прибавляет Вл. Г.,—«если бы удалось приехать, то даже и я уже выпил бы и даже бы напился (мы ведь с тобой довольно быстро достигаем сего предела, напрасно ты бахваляешься...)». И тотчас переход к делам: «с оттисками опять затянулось: я написал об них Южикову, а он оказывается уехал в Одессу» и т. д... Через тридцать два года счастливой семейной жизни Вл. Г. вероятно не без удовольствия перечтет письмо сообщающее об его ожиданиях и надеждах при женитьбе.

В ту же свою поездку в Москву, после женитьбы, Короленко в первый раз посетил Л. Н. Толстого, при чем эта встреча не была из особенно удачных. Но так как впоследствии, правда, много лет позже, их отношения приняли другой оборот, то небезинтересно ознакомиться с впечатлениями первого свидания в близкой их передаче в письме к брату (письмо не датировано):

«Пока соберусь написать о Толстом подробно, передам общее впечатлѣніе: гора, говорятъ, всегда величественнѣе на разстояніи,—такъ и гора—человѣкъ. Толстой уже сильно старъ, но бодръ и крѣпокъ. Самъ онъ производитъ хорошее впечатлѣніе, но окруженъ онъ былъ въ то время, какъ я былъ у него (вмѣстѣ съ Златовратскимъ),—какимъ-то ужасно сумбуристымъ народомъ: тутъ былъ и какой-то неудавшійся реформаторъ на подкладкѣ не то религіозной, не то чистаго отрицанія, и старикъ Ге съ сыномъ (старикъ Ге—художникъ). Сынъ все молчалъ, но зато отецъ, какъ дятель, все твердить о непротіивленіи. Были еще оставшіяся мнѣ неизвѣстными

*) 31 год!

лица и, наконец, кто-то О***: между нами сказать, последний представляется просто сытого самодовольного шельму, который, кажется, громче всего говорить о «великих христианских идеях» Толстого, но сам, повидимому, имѣет свои планы, съ христианствомъ ничего общаго не имѣющие. Вообще, рѣчи О—ва меня сразу поразили такой подлой фальшивостью тона, что я удивляюсь, какъ такой знатокъ людей, какъ Толстой, можетъ выносить присутствие такого субъекта. Все эти лица болѣе толстовцы, чѣмъ самъ Толстой, и въ ихъ присутствіи съ Толстымъ разговаривать невозможно: они не даютъ ему и задуматься надъ чужимъ возраженіемъ, а тотчасъ же вываливаютъ готовые на всякій случай формулы и примѣры. Что касается до ученія Льва Николаевича, то, признавая многія стороны его замѣчательно остроумными, часто симпатичными,—я все-же не могу безъ досады читать постоянныя расшаркиванія передъ нимъ: гений, величія. А этотъ гений и валять не въ свою голову, толкуеть о вещахъ, въ которыхъ ни аза не смыслишь, и ни откуда не слышишь слова правды, или эти слова заглушаются расшаркиваніемъ и фиміамомъ приверженцевъ. Во время моего съ нимъ разговора, напримѣръ, такіе аргументы въ пользу полнаго отрицанія политической экономіи (не того или другого ученія, а просто сама наука отрывается въ корѣ): что мы встрѣчаемъ въ первыхъ главахъ этой науки? Раздѣленіе: трудъ, капиталъ и земля разсматриваются, какъ отдѣльныя категоріи. **Такимъ образомъ работники отъ земли отдѣлены наукой** (подчеркнуто въ подлинникѣ), и разные мерзавцы, пользуясь этимъ, раздѣляютъ ихъ въ жизни». Вотъ тебѣ и философія! Каково познание хода исторіи и исторіи науки! Вообще, признаюсь, просидѣвъ у Толстого до 2-хъ часовъ ночи (меня все удерживалъ Златовратскій),—я вышелъ отъ него, какъ угорѣлый отъ ужасной атмосферы взаимныхъ восхваленій, и игры словъ и формулъ. Таково мое впечатлѣніе.

Толстой вышелъ насъ провожать,—но я шелъ уже все время поодаль, чтобы не слышать этого ужасно утомительнаго повторенія все одного и того же на разныхъ ладахъ. Вдобавокъ, братъ, я теперь не замѣтилъ и тѣхъ тѣхъ нравственныхъ мученій, которыя такъ ясно сквозятъ въ его писаніяхъ. Наоборотъ,—ужасная уравнищенность и самодовольство.—Ну, крѣпко тебя обнимаю. В. К..

Впоследствии Короленко рассказывал, что первая фраза с которой его встретил Толстой, были слова: «Какой вы счастливый: вы пострадали за ваши убеждения». Потом он добавил: «Мне Бог не посылает этого. За меня ссылают. На меня не обращают внимания». Значение этих слов раскрылось Короленко позже*) но первая фраза его несколько покорила, так как он чувствовал себя счастливым, что вернулся из ссылки, а не тем, что был сослан. Затем Толстой в ту пору относился отрицательно к революционному движению, настаивая на принципе «непротивления», а Короленко уже тогда был усердным читателем и почитателем Н. К. Михайловского, идейного противника Толстого. Наконец, Толстой,—что подчеркнуто Короленком и в его очерке,—совершенно игнорировал этот средний, «между-полярный», как выразился Короленко, круг, т. е. «между барином и мужиком», круг, из которого составлялась почти вся интеллигенция, круг разночинцев и средней руки обывателей среди горожан.—Придворный штат «толстовцев», о которых упоминает Короленко,

* Собственно позже началось и усиленное преследование «толстовцев» и гонения на них.

тоже немало содействовал отчуждению от «великого старца», которому, кстати сказать, в ту пору, т.-е. в 1886 году, было всего 57 лет, так что эпитет «сильно стар» несколько сужен.

Отчасти ответом на проповедь Толстого о непротивлении явился несколько позже очерк Короленко «Сказание о Фроле», в котором он доказывал или указывал на «святость противления» в некоторых случаях.

Вообще, в своей первой встрече с Толстым молодому писателю, только что прибывшему из дальних краев, не легко было разобраться в сложном облике гениального творца «Войны и Мира», вступившего в новую полосу своей духовной жизни, значение которой определилось много позже *).

Прошло около 20 лет, раньше чем состоялось второе свидание (см. н.) и возобновленное или почти новое знакомство уже носило совсем другой характер. Вырос духовно и развернулся за это время Короленко. Толстой освободился от некоторого предубеждения, которое у него было и против беллетристических очерков Короленка, а главное, после написания «Воскресения», он иначе стал относиться и к революционным деятелям. Наконец, облик самого Толстого настолько возрос и просветлел в последние годы его жизни, что задержались пеленой все те «ереси», которые он раньше высказывал и по поводу науки и по разным вопросам, не смущаясь самыми парадоксальными формами выражения своих мыслей. Художник и моралист восторжествовали над наивностями экзегетика-дилетанта и не всегда удачливого критика. Короленко сам изложил в своих очерках о Толстом, что он об нем думает, как оценивает и какое громадное значение придает его деятельности и величавому образу подлинного гения, а не только по заверению некоторых почитателей, как это ему раньше казалось. Отметил он и пробелы в его творчестве при обрисовке разных слоев русского общества: мало внимания, уделенное Толстым «интеллигентской» среде.

*) Было еще одно обстоятельство, повидимому, повлиявшее на сдержанность Толстого к молодому «беллетристу» Короленку, при всей неизменной корректности, с которой Лев Николаевич относился ко всем своим посетителям. Дело в том, что незадолго перед этим свиданием, напечатанном в рассказе Короленко — «В ночь под светлый праздник» (в «Волжск. Вестн.», 1885 г.), вероятно сообщенном Толстому Златовратским, оказался некоторый lapsus; вопреки календарю, он в Пасхальную ночь допустил луну. Толстой это подхватил и назвал «выдумкой». Само собой разумеется, что описание ночи, хотя бы и приуроченной к Пасхе, автор мог сделать, не руководствуясь календарем и недосмотр — чисто случайный. Такого рода lapsus'ы отмечались и у Бальзака, и у Флобера, и у многих великих писателей. Но реалист до последней степени Толстой обобщил этот случайный недосмотр и, как мне рассказывал А. П. Чехов, долго не мог простить его молодому автору. Призвал он его вполне несомненный талант, лишь ознакомившись с очерками Короленка «У казаков», особенно оценив сцену в трактире «Плевна», которую и Чехов причислял к самым удачным художественным страницам в произведениях Владимира Галактионовича.

ГЛАВА VII.

Расцвет литературной деятельности. — Отношение к сверстникам и «учителям». — Оригинальные черты творчества Короленки. — От реализма к символизму.

Мы видели с какою скромностью Короленко отзывался о своих беллетристических очерках, когда возник вопрос об их отдельном издании. Между тем он уже привез с собой готовыми «Сон Макара» и «Очерки Сибирского туриста»; раньше уже напечатаны были «Временные обитатели подследственного отделения» (в позднейшей редакции «В подследственном отделении», наконец, просто—«Яшка»), «Чудная» (заграничн. изд.) и в течение двух лет, почти книжка за книжкой, и в «Русск. Мысли», в «Отечеств. Записках» и «Северном Вестн.», появились его лучшие художественные произведения, а «Слепой музыкант» уже с 1886 г. стал печататься в «Русск. Вед.», потом перепечатан в «Русск. Мысли» и, наконец, вышел отдельным изданием год спустя.

Успех был большой. Короленко как-то сразу попал в разряд «любимых писателей», пользуясь широкой популярностью в различных слоях общества. Его приветствует почтенный критик «Вестн. Европы», К. К. Арсеньев, посвятивший ему особый этюд *). Восторгается им Скабичевский, (Истор. новой русск. литературы) и вскоре, любопытным образом, встречаются в сочувственных отзывах о Короленке критики разных лагерей—и консерваторы, как Ю. Николаев (Говоруха-Отрок), К. О. Головин (Русский роман и русское общество) и «прогрессисты»—Гольцев, И. И. Иванов, И. Н. Игнатьев и т. д.

Остановимся несколько на выяснении литературного момента выступления Короленки и определении условий, содействовавших его успеху именно во второй половине восьмидесятых годов.

Вследствие особых обстоятельств своей жизни Короленко, будучи несколько старше годами наиболее выдающихся писателей своего поколения, Гаршина и Чехова, дал себя опередить этим почти что сверстникам, и яркий и привлекательный талант Гаршина уже начал даже меркнуть, когда имя Короленко стало впервые приобретать некоторую известность в литературном мире. Лучшие произведения Гаршина относились еще к концу семидесятых годов, так, что Короленко мог с ними познакомиться до ссылки; но как раз в год выхода в свет первого тома очерков

*) К. К. Арсеньев. Критич. этюды о русской литературе, т. II. Москва, 1888 г.

Короленка, Гаршиным вновь овладел душевный недуг, вскоре затем сведший его в могилу (1888 г.). Чехов уже пережил период беззаботного Чехонтэ и нахмурился. Сборник его рассказов «В сумерках» вышел почти одновременно с очерками Короленка—на расстоянии одного года. Наступила, вообще, «хмурая» полоса в русской литературе и в русской жизни периода реакции при Александре III.

На этом фоне яркими узорами показались очерки Короленка, бодрящие, необыкновенно жизненные, проникнутые высоко-гуманными идеями и светлым оптимизмом автора. За свои годы скитаний и ссылки, он миновал полосу неврастенического нытья, оторванного от жизни ухода в себя декадентского пошиба, а на модное в ту пору «я-чество» он как-бы ответил широкой и искренней любовью к миру и к человечеству. Настроение альтруизма, народолюбие, привлечение внимания к малым и обездоленным, было еще памятно русскому обществу по высокому подьему гуманитарных чувств в 70-х годах, но временно оно отошло. А тут снова как бы возродилось в новом, неизвестном доселе писателе, который сумел заразить своим настроением в особенности молодежь.

Незабудем, что двое из «великих»,—Достоевский и Тургенев, в то время уже скончались. Гончаров умолк, Григорович переживал себя, Щедрина мучил злой недуг, и только Лев Толстой продолжал быть властителем дум все новых и новых поколений. Но об отношении к нему Короленка мы уже говорили. В более близкие сношения с представителем старшего поколения писателей Короленко вошел с Гл. Ив. Успенским. От него он услышал ласковое слово, привет и одобрение его первым очеркам и, как описывает Вл. Г. в своих воспоминаниях об Успенском, почувствовал к нему сердечное расположение: «Это внимание любимого писателя к неизвестному и затерянному молодому человеку и та заботливость, с которой он старался переслать свой привет через разные посредствующие инстанции меня глубоко тронули и залегли в моей душе чувством особой благодарности не только к писателю, но и к человеку». На этой почве завязались дружеские отношения, длившиеся непрерывно до болезни Гл. Ив., как известно, выбившей его из строя жизни почти за десять лет до его физической смерти.

Близостью личных отношений не определяется, конечно, преобладание литературного влияния. Немного лишь общих штрихов можно найти между манерой писать Гл. Успенского и Короленка. Однако, несомненно общее влияние народнической литературы, и особенности Глеба Успенского, при чем в частности Короленко мог усвоить от него прием чередования публицистики и художественных картинок: внимательное изучение и описание самой действительности, как таковой, и, всплывками,—претворение этой действительности в художественные образы, слияние двух видов литературы: рассудочно-описательной, публицистического пошиба.

ба и эмоционально-творческой, как в настоящей художественной литературе, обще обоим писателям. Из отдельных мотивов можно отметить отражение любимой Гл. Успенским темы о «больной совести» в рассказе Короленка «Мороз», где речь идет о том, как у человека совесть «замерзла».

В большей степени «учителями», или литературными образцами для Короленка служил Гоголь и Тургенев, в последующую пору Достоевский. Родственное настроение сближало его с Гаршиным.

С Гоголем общего у Короленка—юмор, ощущение природы, лирические вставки, порой даже фантастика. Совсем в гоголевском стиле написан очерк «Иом Кипур», правда позднейшей поры (1891 г. *). Может быть тут играет некоторую роль общность происхождения, т.-е. принадлежность того и другого писателя к «украинству» по новой терминологии; но Гоголь родился и жил в Малороссии, а Короленко переселился в Палтаву лишь в возрасте около 50 лет. Волянь же, где он провел раннюю молодость, значительно отличается от настоящей Малороссии. Мы склонны больше придать значения литературному влиянию Гоголя, при сходстве некоторых свойств натуры у обоих писателей.

Влияния Тургенева никто не миновал из писателей-романистов, выступивших после этого титана в создании русского романа с 50-х по 80-ые годы. Короленко не пошел по его стопам в смысле обрисовки героев и героинь русского общества в смене нарождавшихся новых типов в русской действительности, но в описаниях природы, в языке, в мягкости письма в некоторых очерках, в целомудренной обрисовке женского образа Эвелины в «Слепом Музыканте», даже в изображении некоторых типов простонародья, чувствуется воздействие школы Тургенева, особенно «Записки Охотника». Мы бы назвали рассказ Тургенева «Бирюк», с которым поддается сближению очерк «Лес шумит», пропитанный, вообще, атмосферой тургеневского творчества. Правда, как уже было сказано, в основе поэтической рамки рассказа—шума леса—лежало реальное ощущение, которое автор сохранил по воспоминаниям детства, но сама фабула вымышлена, она отнесена к поре до освобождения крестьян, как и «Зап. Охотника», и обработка в тургеневском стиле. Она понравилась при своем появлении и была воспринята как нечто знакомое, уже изведенное, неизменно милое, легко усвояемое, как вариация именно на любимую тему. Сам Короленко не придавал этому очерку большого значения. Он пишет брату Юл. Г. из Москвы в феврале 1886 г.:

* Саму легенду, послужившую основой рассказа, Короленко слышал в юности и рассказывает ее в очерке «Ночь». Позже, очевидно, ему пришло в голову избрать ее сюжетом самостоятельной обработки—и он невольно впал в материю «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

«Ты, вѣроятно, уже получил отклик рассказа «Лѣсъ шумитъ» (въ «Рус. Мысли»). Это, собственно, художественная бездѣлка, которую, впрочемъ, московская публика встрѣтила очень радушно» *).

Воздействие Достоевскаго на творчество Короленка, странным образом, сказалось в значительно позднейшую пору: под его влиянием написан, правда в оригинальной обработке, рассказ «Нестрашное», появившийся уже в 1903 году, при чем воспринята целиком одна из основных мыслей Достоевскаго о взаимной нравственной ответственности друг за друга.

Отмечая литературное влияние великих предшественников Короленка на его творчество, мы отнюдь не подвергаем сомнению самостоятельности переживаний автора, — источник всякого подлинного вдохновения. Короленко вдохновлялся непосредственно жизнью, но в передаче пережитого подчинялся отчасти готовым образцам. Да и как было миновать молодому писателю влияния и воздействия, когда ему пришлось выступить в период, следующий за самым пышным расцветом русской литературы, поднявшейся на небывалую высоту и приобретшей мировое значение. В 80-е годы волна пошла на убыль и никогда столько не писалось и не говорилось об упадке нашей литературы, как именно в это переходное время. В 1893 году Мережковский как бы резюмировал эти симптомы в своих статьях — «О причинах упадка и о новых течениях современной литературы». Мы отметим здесь только одно характерное явление в направлении нашей литературы 80-х и 90-х годов. Вместо общенародных тем и сюжетов, вместо широкого захвата жизни общества в эпическом воспроизведении различных его элементов, вместо изображения отдельных индивидуальностей на почве синтеза основных человеческих свойств и характеристики специфических черт данного лица, вместо «романов», приобретших общечеловеческое значение, подобных большим полотнам великих мастеров живописи, — выделилась литература, так сказать, областная, по частным категориям общества, описывались «уголки жизни». За полосой писателей-народников типа Златовратскаго и Глеба Успенскаго, чисто народническая литература, правда, как-бы отходит на второй план и лишь за последнее время к ней возвращаются Чириков, Бунин и Муйжель. Но переворот в отношении к описаниям «мужика» произведен «Мужиками» Чехова, этим гениальным очерком, который вместе с рассказом «В овраге» представляется одним из главных художественных достижений Чехова.

Специализация нашей литературы сказалась и в других областях: вслед за Лесковым, бытописателем духовенства, выступают

*) Раньше по поводу этого же очерка «Лес шумит» Вл. Г. писал брату: «Рассказ этот написан совсем-таки по заказу: объявления об нем в городах появились, когда он еще не был кончен, и мне пришлось порядочно-таки себе испортить крови срочной работой. Если рецензенты его раскушат, то это будет не без основания»...

в тех же рамках Потапенко, Елеонский и др. Мамин-Сибиряк выдвинулся в особенности своими Уральскими рассказами и знанием быта горнозаводчиков; Станюкович приобретает главную известность своими морскими рассказами; за ним в той-же области следует Чермак. Значительное разнообразие типов и персонажей из разных слоев общества, но все же принадлежащих определенным бытовым условиям жизни среди степного хозяйства, в определенной географической полосе, захватывающей Воронежскую и Тамбовскую губернии, представил талантливый автор «Записок степняка» и «Гардениных»,—А. И. Эртель; в своем роде он тоже «областной писатель». Альбов специализировался на изучении «маленьких людей» в столичной обстановке жизни, и Баранцевич также ограничил круг своих наблюдений «мутной» атмосферой Петербурга в средних слоях общества и т. д. Литература раздробилась; широкая волна, спускаясь с гребня, разлилась струйками и ручейками, которые пробивались по отдельным заводам, захватывая, как сказано, отдельные уголки жизни.

Не миновал такой специализации и Короленко. Он выдвинулся в первые ряды деятелей нашей литературы и занял на долго особое положение, как знаток и мастер описания быта наших ссыльных в Сибири, поселенцев и туземцев в той же области, и на протяжении почти двадцати лет литературной деятельности, с 1885 г., появляются очерки из той-же «области», в мастерской обработке. «Марусина заимка» относится к 1899 году, «Сибирские рассказы»: «Мороз», «Последний луч», «Государевы ямщики», к 1901 г., «Феодалы», к 1904 г., а «Искушение» тоже из сибирской жизни автора, могло появиться в печати, правда, по цензурным условиям, лишь после нашей революции.

Итак Короленко прежде всего выделяется оригинальностью сюжетов, описанием почти неизвестного быта и яркой характеристикой таких типов, как Яшка в «Подследственном отделении», Соколинцев, Черкес, Убивец и т. д., и т. д., обогащая русскую литературу новыми образами в самостоятельной обработке. О других источниках его художественных характеристик речь будет ниже.

Чем отличались приемы его письма? Он примкнул к течению реализма, господствовавшего в нашей литературе, и стремился наивозможно к воспроизведению объективной правды образа. Но в отличие от Тургенева, все же смотревшего сверху вниз на «мужика», отыскивая и в нем обще-человеческие черты, Короленко подошел к нему ближе, как бы вплотную, настолько овладев народной психикой, что чувствовал себя вполне сродни с ней. Поэтому ему так и удался прежде всего «опыт» с Макаром, которого он водит по загробным странам в согласии с народными верованиями и представлениями. Объектом опыта, как рассказывал Вл. Г., послужил ему действительный мужичек, об-

якутившийся русский, по имени Захар, с которого впоследствии даже снята была фотография *). Но к той правде жизни, которая сообщает особенную жизненность рассказу, Короленко прибавляет красоту поэтического домьсла, особенно в описаниях природных явлений, как, например, великолепное изображение восхода солнца, перед приходом путников к жилищу Тойона. Умение органически сочетать данный образ с обстановкой, в которой он в сущности и сложился, составляет другую оригинальную черту творчества Короленка. Мы можем обобщить, напр., тип Тюлина, в очерке «Река играет», как это пытался сделать М. Горький, видевший в этом образе как бы олицетворение русского народа. Но нельзя терять из виду при этом обстановку, будь то тихая Ветлуга с жалкой лачужкой, в которой укрывался от непогоды беззаботный перевозчик, или однородные, столь же невзрачные, едва выносимые условия жизни, в которых поставлено огромное число работников на Руси. В примитивной среде, которую Короленко избрал объектом своих наблюдений и творческого воспроизведения, человек действительно не может рассматриваться отдельно от условий жизни, и Короленко достигает наибольшей жизненности и убедительности своих изображений именно благодаря умению чувствовать одновременно человека, его быт и природную обстановку.

Но от чисто реалистических изображений его рано потянуло в другую область, к которой он, так сказать, только прокладывал брешь, имея в виду «Слепого музыканта» и изображенную в нем теорию о соотношении звуков и красок.

В сущности вопрос сводится к условности, а следовательно и к символичности форм выражения переживаний и ощущений.

Доктрина реализма, усвоенная Короленко в молодые годы, сводилась к формуле Чернышевского: «большая полнота подробностей есть то, к чему в сущности приводится все превосходство поэзии над точным рассказом». (Эстетич. отношения искусства к действительности **). Конечно, этот тезис не верен и дело не в «полноте подробностей», которые зачастую могут даже вредить художественной целостности впечатления, а в умении их выбирать. К этому искусству «выбора» пришел и Короленко, хотя в своих ранних реалистических очерках он не скупился на подробности, зарисовывая тот или другой образ, и старался как бы невозмож-

*) С нее описан облик Макара в картине Ед. Бем, напечатанный в издании Сытина.

) Позже Короленко отошел от эстетики Чернышевского и в очень интеллигентном письме к Гольцеву возражает против доктрины Чернышевского, что «красота присуща явлениям природы, а художники только слабые кощисты», поэтому деятели всегда выше изображения. Короленко называет правильно художественное произведение **новым фантомом, «новым явлением вечно творящей природы». Но о приемах творчества он не высказывается. (См. Сборник «Памяти В. А. Гольцева», Москва, 1910 г.),

но больше уловить их в окружающей действительности. Между тем, еще в своих наблюдениях над Якубом, он из непосредственного опыта жизни пришел к другому положению, о том, что слово не всегда и не полно выражает ощущение, психическое переживание, даже мысль. Можно мыслить и без слов, так как не все процессы мысли выражаются посредством звуков. Слова, как орудия выражения наших дум и чувств, суть символы, следовательно они только одна из форм проявления наших восприимчивых способностей. На основании аналогии, устанавливаемой таким путем между слуховыми и зрительными ощущениями, между звуками и красками, цветами, можно прийти к выводу, что утрата одних ощущений восполняется другими, а затем и к установлению соответствий между звуками и цветами, к обобщению принятого и в народе выражения о «малиновом звоне», словом, к теориям символистов, о которых Короленко еще и не слышал, когда работал над своей повестью в Нижнем-Новгороде.

Весь рассказ носит символический характер и вложено в него очень много субъективного. Между прочим, за последнее время указывалось на неправильный исходный пункт автора в толковании психики слепорожденного. По свидетельству человека, которого постигла такая участь, пр.-доцента Московск. университета Щербины *), «в свете собственных его наблюдений», как раз обратный тезис справедлив: т. е. слепые от рождения или ослепшие в раннем детстве не чувствуют тяготы вечного мрака, между тем, как ослепшие в сознательном возрасте страдают от понесенной утраты зрительных впечатлений. Короленко, как и большинство зрячих, ошибочно представлял себе психику слепорожденного, поэтому весь рассказ основан на неверной гипотезе, которая не подтверждается фактическими данными. Это, конечно, жаль с точки зрения *действительности*, но не нарушает *правдоподобия* положения, потому что большинство зрячих склонно представлять себе таким же образом, как Короленко, ощущение слепых, и в художественном произведении оно может быть принято как *условность*. Символика «Слепого музыканта» построена на потемках души, параллельных утрате зрения, и

*) А. М. Щербина. «Слепой Музыкант» Короленко, как попытка зрячих проникнуть в психологию слепых. Москва, 1916 г. Полагаемся на показания Щербины именно потому, что они основаны на непосредственном опыте. Может быть его утверждения не лишены субъективности, но они кажутся убедительными, тогда как вполне нормальные и здоровые люди, вообще, склонны ошибаться в своих заключениях о самочувствии калек. И действительно, маловероятным представляется а priori, чтобы слепорожденный так мучительно ощущал гнет постоянной темноты, как это описано у Короленко, когда у него нет, вообще, представлений о мраке и о свете. Непонятные ощущения могут интересовать, но отсутствие их не причиняет мучений, как не страдает человек даже от атрофии тех или иных способностей. Короленко основывался на гипотезе, степень достоверности которой может быть проверена только непосредственными свидетельствами слепорожденных или утративших зрение в раннем возрасте.

психологический мотив душевного прозрения только внешним образом связан с физиологической слепотой. Поэтому мы можем помириться с погрешностью в отправной точке и все же поддаться душевным эмоциям, сочувствуя страданиям, озлоблению и перерождению маленького калеки-эгоиста, который становится, в результате особого приема воспитания и под влиянием женской ласки, отзывчивым к чужим страданиям. Значителен и другой мотив, как постепенно прозревающий душою мальчик,—от напевов простой свирели перешел к высшим формам искусства. Это общий путь органического развития, не допускающего слишком резких скачков.

Короленко подошел к символизму, но не стал писателем-символистом в настоящем значении слова. Таковым, очевидно, надо родиться, и вскоре Короленко вернулся к своей прежней манере реалистического письма, под непосредственным впечатлением живой действительности. Однако, он еще представил несколько попыток в обработке легендарных сюжетов прибегнуть к символической передаче личных переживаний и настроений. Таковы его—«Сказание о Флоре Римленине и об Агриппе царе» (1886 г.), «Тени» (1891 г.) и «Необходимость» (1898 г.). Мы сказали бы, что и здесь автор-человек оказывает деятельную поддержку художнику, досказывая и заражая субъективным настроением не всегда полную убедительность формы выражения. Легенды красиво рассказаны; есть местами подлинный пафос высокого душевного под'ема; есть, в последнем произведении, и добродушный юмор, вполне вяжущийся с намеченным положением. Но, например, во втором произведении—«Тени»,—имеется и многое к возражению. Автор как бы захотел повторить свой опыт с Макаром, применив его к античному преданию о Сократе. Но какой загробный мир изображает Короленко с точки зрения верований древних греков? Автор имел право оставить в стороне гомеровское представление об аиде, с его лишенными всякого сознания и мысли тенями, с полным отсутствием идеи возмездия на том свете и т. д. Но даже по Платону, Сократ, в виду двойственности поверий у греков, решал вопрос на двое: «или почивший не имеет бытия и не сохраняет никаких ощущений (как по Гомеру), или же—душа человека..., если справедливы народные верования, освободившись от здешних самозванных судей, найдет (в виде) истинных судей, которые по народной вере там судят,—Миноса, Радаманта, Экка и Триптолема, а также других *полу-богов*, которые стали *праведниками* в своей земной жизни» *). А у Короленко Сократ выступает перед самим Кронидом, с которым вступает в спор, как Макар с Тойоном, и описывается восхождение теней по каким-то скалистым ступеням, словно

*) См. Ю. Кулаковского, *Смерть и бессмертие в представлениях древних греков*, 1899 г.

прохождение по чистилищу. Заявление Елпидия, что кто-то должен был притти за его душой — «если не сам Гермес, то кто-нибудь из незначительных богов» — есть тоже смешение с христианскими легендами об исходе души, за которой прилетают либо ангел, либо демоны; указание, что при следовании Сократа и его спутников к свету из мрачной пустынной местности, где мелькают «синие огоньки», тоже придуманное и, наконец, автор произвольно переместил резиденцию богов Олимпа на тот свет, тогда как по представлению древних греков, они именно суть бессмертные в здешнем, реальном мире, как и гора Олимп — на виду у всех. Таким образом, автор весьма субъективно изложил древнегреческие представления о богах и о загробном мире, вложил в легенду, которой придал очертания в стиле христианских поверий, свое содержание. Это погрешности против археологической правды, но за всем тем — в характеристиках Ктезиппа и Сократа, в выдержанности стиля рассуждений Сократа, в описаниях хотя бы, скажем, и псевдо-классического характера видений на том свете, в возрождении Ктезиппа под влиянием проповеди своего учителя, — много внутренней правды и красоты, хотя бы и условной, несколько придуманной; чисто южным пейзажем пробуждающегося утра при ясном небе заканчивается видение и мы подчиняемся воле автора, когда он заверяет нас, что «тени» богов (?) уносятся в лазурное небо — «точно золотой узор на краях чьей-то ризы», а «вершина горы сияет как факел, над синею мглою долин», хотя мы и не можем дать себе отчета где это происходит: на том свете или в здешнем мире? *). Все же это красиво. И тем не менее Короленко был прав, когда и сам стал применять рекомендованный в «Слепом музыканте» прием «хождений» для того, чтобы набираться впечатлений реальной жизни, перерабатывать и воспроизводить их в художественных очерках, на что он большой мастер. В ряде вышеупомянутых произведений интересна устойчивость мотива, повторяющегося в разных формах, о возрождении, скажем словом легенды в «Сказании о Флоре», — «ангела неведения в ангелы скорбного познания». Соприкасание с действительностью больше всего оттеняют это «скорбное познание».

*) Восход солнца, описанием которого увлекся Короленко, уже, конечно, на этом свете и не мог Ктезипп видеть его в царстве теней.

Г Л А В А VIII.

**Общественная деятельность в Нижнем.—Новая роль «интеллигента».—
Научные приемы работы.—В голодный год.**

Экскурсии и, большей частью пешком, с котомкой, Короленко стал предпринимать с раннего времени. Мы видели, что он мечтал о них еще в Перми, по возвращении из первой ссылки, но неожиданно для него невольную «экскурсию» пришлось ему совершить уже очень далеко, на окраины Сибири...

В Нижнем он был, очевидно, в большей степени хозяином своих маршрутов и, каждое лето отправляясь в путь, он исходил и изъездил целый ряд местностей по Волге, по Ветлуге и Керженцу и т. д. В результате своих «хождений» он дал целый ряд превосходных очерков, как «За иконой», (1887) «На затмении», «В пустынных местах», (1890) «Павловские очерки», (того же года), «Река играет», и т. д. вплоть до «У казаков» (из летней поездки на Урал, 1901 г.). В последних очерках, написанных уже по переезде в Петербург, художественное воссоздание бытовых явлений жизни едва ли не доведено до наибольшего совершенства.

Но Короленко не довольствовался ролью художника-созерцателя-бытописателя. У него было стремление вмешиваться непосредственно в гуцу жизни и принимать в ней непосредственное участие. И вот, поселившись в Нижнем, он, окруженный несколькими близкими друзьями, из которых назовем Н. Ф. Анненского, А. И. Богдановича, А. И. Иванчина-Писарева, С. А. Елпатьевского, А. А. Савельева и др., с живейшим интересом относится к разным явлениям общественной жизни и энергично «воюет», изобличая злоупотребления, отстаивая право, правду и справедливость. В нем несомненно есть некоторый боевой темперамент, но «боевой», конечно, в смысле лишь отстаивания словом того, что он считает правым и правильным.

Нельзя не заметить, что в этой деятельности Короленко как бы утверждал особое значение интеллигента в жизни: не того типа интеллигента, который или носится с отвлеченными теориями, или подготавливает революцию, «пропагандируя» тех, кто, по его мнению, мог бы стать деятелем этой революции и т. п., а интеллигента-гражданина, ведущего борьбу с разного рода злоупотреблениями и неправдами, хотя он сам стоит вне какой-либо практической деятельности. Его орудие—слово; его средство воздействия—печать; его мечта—быть всюду допущенным к контролю над общественными делами путем признания широкой гласности этих дел.

Короленко высказывает эти взгляды, вмешавшись в дело об Александровском дворянском банке в Нижнем, хотя лично он,

конечно, ни с какой стороны не был заинтересован в расчетах этого банка. Он, просто, узнал, что там происходят какие-то злоупотребления, его заинтересовала боязнь гласности, проявляемая членами правления наперекор уставу, и он прежде всего настаивает на том, чтобы эта замкнутость была нарушена. Если «дескать и утверждают, что банковские дела вещь очень деликатная, то... ведь и самых деликатных детей выводят от времени до времени на свежий воздух, а гласность для таких учреждений (как банк)—тот же свежий воздух... К сожалению, предрассудок старых нянек еще во всей силе, и вот почему достаточно порой малейшего дуновения, чтобы бедное оберегаемое дитячко мгновенно рассыпалось прахом. Вы думаете—виновата струя свежего воздуха? Это ошибка: балованное дитяще захирело и зачахло в созданной вами затхлой атмосфере...»

Мы можем судить по ряду фельетонов, написанных Короленком об этом банке, собранных потом в отдельную брошюру «О нижегородском Александровском банке», чтобы добиться ревизии дел банка и пролить свет на темные операции. Он достиг положительных результатов, но и борьбу вел на почве строгой законности, как доброволец-адвокат стоящий на страже общественных интересов. Роль «интеллигента» приобретала положительно новое значение в связи с такого рода деятельностью чисто практического характера, но на базе принципиальных соображений.

Короленко никогда не прибегал к отводу—«моя хата с краю», но мы не имеем в виду здесь даже перечислять все те дела, которые он возбуждал путем печати, живя в Нижнем-Новгороде. Общая оценка его общественной деятельности за время пребывания в Нижнем, выразилась и в речах на прощальном обеде, при отъезде из Нижнего, и в сотнях адресов и приветствий, покрытых тысячами подписей, которые были присланы автору ко времени его пятидесятилетия. Нижегородская городская управа оттеняла общее благотворное влияние Вл. Г. Короленко на «общественную, нравственную и умственную жизнь города». Губернская нижегородская земская управа особо выделяла заслуги Короленка во время голода в 1891 г. Даже губернская архивная комиссия указывала на его «плодотворное участие в ее трудах» и т. д. Деятельность «интеллигента», вмешавшегося в практическую жизнь под лозунгом общественного контроля над всякого рода деятельностью, имеющей общественное значение, оказалась чрезвычайно плодотворной *).

*) Короленко помянул добрым словом и своего предшественника в Нижнем, в роли газетного работника и «корреспондента». См. его—«Очерк литературной деятельности А. С. Гайдебского и его значение для местной печати». (1894 г.).

Обзор сделанного В. Г. Короленком во время его пребывания в Нижнем представлен в очерке Ч. Ветринского—«Короленко в Нижнем», отдельные указания имеются в «Заметках о В. Г. Короленке»—С. Д. Протопопов. (Обе статьи напечатаны в «Нижегородск. Сборн.», 1905 г.).

Мы отметим только следующие черты общего направления работ Короленко, характеризующие и отличительные свойства его отношения к делу и вяжущиеся с эпохой общего критического пересмотра раньше господствовавших, принятых отчасти на веру огульных воззрений.

Короленко придает большое значение каждому отдельному факту, отдельному случаю, отдельному явлению. Это может показаться на первый взгляд неубедительным приемом, ибо сам по себе отдельный случай ничего не доказывает. «Un lait seul est corrompueur» — остроумно выразился Амиель, — ибо суть не в единичных явлениях на ряде фактов. Но как создаются обобщения? В редких случаях им предшествует строгая предварительная аналитическая работа. Они зачастую возникают путем априорных построений и принимаются массой на веру. И вот характерно следующее признание Короленко: — работая между прочим в архивной комиссии, он извлек целый ряд отдельных дел, которые наивозможно тщательно обработал, и высказывает положение, которое вполне отвечает задачам научной критики: «только кропотливый труд, только черная работа собирания мелких фактов бытовой и общественной жизни прошлого может дать тот материал, из которого вытекают затем новые широкие выводы и обобщения» (цит. Ветринского).

Короленко стоит на той точке зрения, на которой стояла вся историческая и филологическая наука в 80-х годах, подвергавшая пересмотру прежние общие положения путем собирания новых фактов и тщательной их проверке, подготавливавшей возможность новых обобщений. Но чтобы к этому придти, надо подвергнуть сомнению прежние общие положения и освободиться от приема огульных суждений. Увлечшись работой в архиве, Короленко не гнушается кропотливой работой над каким-нибудь отдельным эпизодом, хотя бы, например, исследуя дела: «о колечке», или «о слове и деле государевом в городе Балахне», или «о описании прежних лет — архивы сто лет назад и в наше время» и т. п. Он знает, что все это пригодится, что из частных фактов сложится нечто общее и послужит к проверке раньше принятых обобщений.

Но тот же прием может быть применим и к явлениям жизни. На чем основались прежние положения народничества и тот огульный культ народа, преклонение перед народом во всяком его представителе? Зачастую на смешении и неправильном обобщении отдельных явлений. Народ — это магическое слово, которое возбуждало какое-то полумистическое чувство единой величины, единообразной во всех ее составных частях, рисуется Короленке в ином виде, ибо он помнит и считает нужным напомнить, что — «мужика, единого и нераздельного, просто мужика — нет: есть Федоры, Иваны, бедняки, богачи, нищие и кулаки, добродетельные, порочные заботливые и пьяницы, живущие на полном

наделе и дарственники, с наделами в один лапотъ, хозяева и работники... В том-то и дело, что нам народ кажется весь на одно лицо, и по первому мужику мы судим о всех мужиках». С такими абберациями,—явными и все же свойственными большинству людей,—Короленко всячески боролся и прокладывал путь к надлежащему, верному взгляду на вещи. Оттого он с такой жадностью воспринимал отдельные случаи общественной жизни и анализировал детально тоже отдельные случаи бытовых явлений, что надеялся на основании наивозможно большего числа собранных конкретных фактов придти к вполне правильным выводам.

Наступил голодный год, или вернее ряд неурожайных годов, за которыми, при нашей общей беспечности и непредусмотрительности, отсутствии рационального хозяйничанья и общей примитивности условий жизни, в некоторых губерниях целые деревни стали в буквальном смысле голодать. Неудивительно, что Короленко принял участие в общем деле борьбы с постигшим население бедствием. Наоборот, было бы невероятным, чтобы он остался в стороне от движения общества оказать посильную помощь голодающим.

Благотворительность заразительна, но посвятив несколько месяцев зимой и весну 1891 года раз'ездам по Нижегородской губ., главным образом в Лукояновском уезде, и устройству столовых, Короленко написал книжку, приобретшую по праву более устойчивое значение, чем временная помощь населению. Всякое доброе дело кончается с достижением цели. Короленко же воспользовался поездкой, чтобы дать не только широкую картину тогдашней действительности, в определенной местности, но вместе с тем представить и критику на современное общество. Это не сатира, к которой мягкий и по сущности лирический талант автора не склонен. Это—описание, но в то же время и критика общества, изобличение и протест против всяких уродливых проявлений ложно-понятой общественности, протест против обскурантизма и эгоизма правящих классов, защита обездоленных, вдумчивый и внимательный анализ различных явлений, крестьянского быта.

Фактами отвечает Короленко на попытки отрицать наличие бедствия; иронией разбивает он поборников невежества массы; он приводит конкретные примеры, побеждающие своей выразительностью, в прояснении действительных отношений и положения крестьян; он показывает нам на самом деле и «Федоров» и «Иванов» и, наконец, в своеобразном толковании осмысливает и считающиеся в городах явным злом нищенство, которое в деревенском обиходе придает особое значение милостыне—и у просящих и у подающих ее: она—дескать уравнивает неравенство достатков.

Неудивительно, что книга выдержала чуть не десять изда-

ний и продолжает с интересом читаться и поныне: мы по ней узнаем о том, что было, и привело к тому, что наступило потом, с чем приходится нам теперь рассчитывать.

Г Л А В А IX.

Поездка в Америку.—«Без языка».—Судебные процессы.—Мечта о своей газете.—Переезд в Петербург.

Как ни глубоко втянулся Короленко в дела и жизнь провинциального города и отчасти целого края, которого он был бытописателем, и в нем же выступал активным участником разных начинаний, одновременно—художник, «корреспондент», исследователь старины и общественный деятель,—он несколько неожиданно отрывается от местных интересов, чтобы совершить поездку в Америку. Это было летом в 1893 года.

Почему его выбор для заграничной поездки пал именно на Америку? В одной из повестей Короленка, относящихся к его студенческим годам, есть указание, что Америка пользовалась особым фавором у студенчества в конце 70-х годов. Туда уезжает Урманов в повести «С двух сторон» и в первой редакции этого произведения сообщалось, что молодежь, вообще, мечтала об Америке, как о стране будущего, в которой уже теперь разрешены многие из набравших вопросов «старого света». Может быть эти воспоминания студенческой поры сыграли теперь некоторую роль при решении предпринять дальнюю поездку. Компаньон был налицо—С. Д. Протопопов, хорошо владеющий английским языком. Задумано, сделано. Надо было и отдохнуть и освежиться от злободневной кипучей работы в Нижнем. Всемирная выставка в Чикаго была подходящим предлогом.

С пути Короленко присылает брату Юлиану Г. открытки, как вероятно и многим другим лицам. Вот одна из них уже по приезде в Чикаго (10/22 августа 1893 г.):

Прибыли третьего дня. Наняли 2 комнаты. Ингуль писал, собственно, о Чикаго правду: город не очень оживленный. Наша улица тиха, против окон пустырь, заросший бурьяном, на пустырь—изломанная телега и играют дети. В центре—оживления больше. На выставках я еще не был: писал письма, записывал впечатления и ходил знакомиться.

А здесь газеты написали вздор, будто «novellist Korolenko» эмигрировал и будет жить в Америке. Чорт знает что такое. Вообще, американский рапорт ужасно безцеремонен и бьет все на сепсацию.

В шутовском тоне следующая открытка, обращенная уже племяннику, Владим. Юл.:

Дорогой мой тезка. Вижу здесь много любопытного, но увы, братья, настоящей Америки нет: индейцы хотя и есть (живые), но они шатаются по кабакам и просят милостыню, а знаменитый Кауль-бойс, предводитель пастухов и победитель индейцев, от нечего делать открыл балаган. Одним словом, испортили уже всю Америку и если бы вам с Борисом предпринять путешествие сюда, то пришлось бы не воевать, а разве продавать на улицах жареную кукурузу, чем занято здесь много молодых людей вашего возраста... А в Аргентину я не поеду. Далеко.

В одной из записок к брату упоминается о, повидимому, весьма обширной корреспонденции с матерью и Вл. Г. просит сохранить его письма. Будем надеяться, что его желание было исполнено и современем эти письма увидят свет.

Следуя своей обычной манере—давать сперва отдельные очерки по поводу отдельных поразивших его явлений по пути, Короленко и из своей заграничной поездки дает серию таких набросков: «Драка в доме» (Парламент в Англии), «Борьба с дьяволом» (Армия спасения), «Фабрика смерти» (Бойня в Чикаго).

Общее же впечатление своей поездки он выразил в рассказе, которому придана беллетристическая форма, «Без языка».

Исходный пункт—отчасти в субъективных переживаниях автора, который и сам, путешествуя по Америке, был «без языка». Но он воспользовался своим знанием психики простолюдина, человека в полумладенческом состоянии сознания, во многом первобытного, чтобы поставить такой тип в столкновение с высшей цивилизацией, на контрасте почти девственной природы и условий жизни в развитой, свободной и славящейся своими формами правления стране показать, что из этого сопоставления получится.

Отсюда сделали вывод, что Короленко вернулся к тезису Руссо. И. И. Иванов приводит основную мысль рассказа к положению о «неизбежности страданий «дикаря» в недрах культуры» и к глупости культурных людей, даже добрых, но *слишком цивилизованных* (курс. наш), чтобы понимать просто человека, независимо от той или другой культурной ливреи. «Цивилизация со всеми своими хитростями и завоеваниями весьма часто бездушна и глупа,—писал г. Иванов,—и, кроме сердечного тщедушия, беспрестанно обнаруживает удивительное тупоумие и близорукость». *).

Такое толкование вводит нас в заблуждение, ибо мысль автора иная. Слишком большое значение придал критик тем шуточным приключениям Матвея Лозинского,¹ «ни мужика, ни мешанина» из наших юго-западных окраин, приключениям, которые в юмористической окраске изображают недоумение американцев, теряющихся в догадках относительно намерений странного дикаря, ибо разве может жить человек «без намерений?»—чтобы на этом базировать свой тезис. Короленко и в этом рассказе, как и во многих других,—на что уже было указано,—приглашает нас по-

*) Ср. И. И. Иванов, Поэзия и правда мировой любви.

нять пробуждающееся сознание в некультурном человеке и его постепенное перерождение по мере того, как в душу ему западают лучи света.

Обвинение ложится не на цивилизацию, а на тот отпор, возбуждающийся именно среди малокультурных или вовсе некультурных людей против всего нового, непривычного и непонятного, без желания понять или усвоить необычное. Осуждается косность, «тупая вражда», порой даже озлобление невежества, именно против того, от чего избавляет нас цивилизация. «И Матвей со временем почувствовал, что ему нашлось бы место в этой жизни, если бы он не отвернулся сразу от этой страны, от ее людей, от ее города, если бы он оказал более внимания к ее языку и обычаю, если бы он не осудил в ней сразу, за одно, и дурное, и хорошее... А теперь между ним и этой жизнью встало бродяжество и даже, может быть,—преступление...»

«Бездушные и глупость» цивилизации тут абсолютно не причем, так как в конце-концов именно «цивилизация» и выручила Матвея и помогла ему встать на ноги самостоятельно.

Автор и в этом очерке щегольнул великолепным описанием моря и переживаний своего героя во время переезда через океан, а свое общее заключение об Америке он досказал во второй редакции рассказа, где вставляет новый персонаж—сын богатого, но впоследствии разорившегося помещика, Нилова, с которым у Лозинского и его односельчан тянулась долгая тяжба из-за земли. И вот Нилов встречается случайно с Матвеем в Америке, когда они опознали друг друга и разговорились, Нилов сообщает: «Не знаю поймете ли вы меня, но... за то одно, что мы здесь встретились с вами... и с другими, как равные... как братья, а не как враги... за это одно я буду вечно благодарен этой стране».

Между прочим, памятуя о своем звании «корреспондента» в Нижнем, Короленко присматривался и к работе американских корреспондентов, у которых задачи, однако, совсем другие, чем у русского «интеллигента». Не даром он отметил их «бесцеремонность» в погоне за сенсациями и в письме к брату. В рассказе он вышутил это свойство американских репортеров в юмористической форме, но сам, по возвращении в Нижний, вернулся и к продолжению своей деятельности вполне серьезно, отнюдь не заразившись приемами американцев. И вот, однажды, по рассказу Н. П. Карабчевского, пришлось ему именно в роли корреспондента присутствовать в зале суда на разбирательстве дела по обвинению нескольких вотяков в принесении человеческой жертвы. «В. Г. Короленко попал на это дело,—пишет Н. П. Карабчевский,—при вторичном его разбирательстве в качестве простого бытописателя. Он имел в виду лишь «изложить в печати свои впечатления». Второй обвинительный приговор его поразил как гром, и он тотчас же поведал в печати о том тяжелом чув-

стве, с каким был выслушан обвинительный приговор *). Это было в Елабуге, в октябре 1895 года, а само дело начато еще весной 1892 года, по поводу найденного в селе Старый Мудтан, Вятской губ., трупа нищего, с признаками ритуального убийства. Произошло ли на самом деле «жертвоприношение языческим богам», ради которого у нищего было вынуто сердце и отрезана голова, или имела место подделка под какой-то ритуал, чтобы отвести глаза и замести следы преступления—вот вопрос, который надлежало выяснить следствию и разрешить суду присяжных. Дважды присяжные выносили обвинительный приговор. Короленко отметил его неубедительность и тяжелое чувство, которое он вынес из зала заседания: на этом собственно роль корреспондента кончилась. Но взволновался «интеллигент» и затем во весь рост выступил человек. Для Короленки казалось недостаточным указать на неправду, надо было еще восстановить правду. Процесс его захватил. Экспертиза проф. казанского университета Смирнова, отстаивавшего верояние жертвоприношения, возбудила в Короленке полемический жар и здесь в особенности ему пригодились те приемы научного метода, о которых уже была речь. Другим оппонентом его оказался священник Блинов. Короленко весь отдался делу защиты тех семерых вотяков, которые по его мнению оказались без вины виноватыми. И взявши на себя это дело, он не останавливался,—по верному замечанию Карабчевского,—«ни перед тяжким трудом, ни перед самыми сложными и трудными «обстоятельствами», ни перед грозящими ему лично последствиями и неприятностями». В конце-концов, ему удалось отстоять правду, но это стоило величайшего напряжения и отняло массу времени. Процесс получил громкую известность. Жалобу защиты поддержал в своем заключении сенату А. Ф. Кони, указавший на исключительную важность обвинения, возбуждаемого против целой народности. Короленко оказался окруженным целым рядом помощников-единомышленников, в числе которых был и один из блестящих представителей нашей адвокатуры—Н. П. Карабчевский, но на суде слово защиты все же было предоставлено самому Короленку, и, по отзывам присутствовавших, его речь произвела потрясающее впечатление. Это не может быть передано текстом речи, ибо надо помнить, с каким напряжением ее тогда слушали и как важно было именно в данный момент победить силой аргументов, умением осветить вопрос, увлечь за собой слушателей *).

Не все обвиняемые дожили до своего оправдания, ибо дело тянулось несколько лет. Но Короленко в другом процессе отстаивал невинность уже казненного. В Мглинском уезде, где находилось, между прочим, имение тогдашнего министра юстиции

*) «Адвокат Honoris causa», собр. Иллюстр., 1913, № 7.

*) В приложении дается схема речи так, как она потом была записана самим автором.

И. Г. Щегловитого, впоследствии приобретшего печальную кличку «Ваньки-Каина», произошло убийство неких Быховских, а так как надо было отличиться перед высшим начальством, то следствие повели очень быстро, засудили обвиняемых еще быстрее, и один из них—еврей Глускер—был повешен. Между тем, из обстоятельств дела выяснилось, что Глускер не мог быть причастен к убийству, так как в то время, как оно произошло, он был на работе за сто верст от того места, где разыгралась катастрофа: его alibi было установлено. И другие обвиняемые пострадали незаслуженно, так как настоящие убийцы были розысканы позже. Короленко волнуется, негодует; тень невинно казненного его тревожит, как некогда Вольтера по делу Калласа. Конечно, и Золя прославился защитой Дрейфуса, и, может быть, Короленко слишком поспешно противопоставляет судебные порядки на западе и у нас: дело Дрейфуса возникло почти следом (через три, четыре года) после Мултановского процесса, но восприимчивость Короленки к возможным случаям «неправосудия» — показатель органического свойства его натуры. Процесс Глускера относится уже к более позднему времени (См. «Р. Бог.», 1910 г. № 7).

Итак, роль «корреспондента» у него постепенно расширялась в зависимости от его человеческих свойств. Но все же он ее считал особенно важной и значительной и даже возмечтал о том, чтобы иметь в Нижнем свою газету. Проект не удался, о чем повествует С. Д. Протопопов в цитированных его заметках, и причиной, конечно, явилась близорукая пугливость высшего начальства в Петербурге. Но и друзья Короленки не особенно сочувствовали тому, чтобы он весь посвятил себя работе. В одном из писем сохранившихся у Юл. Гал., но обращенном к другому адресату, Влад. Гал. писал:

«Я как-то был у губернатора, мы имѣли интересный разговоръ, въ теченіе котораго я сказалъ ему (очень радъ, что пришлось къ слову), что это я написалъ замѣтку въ «Русской Жизни», направленную противъ него («о расходованіи городскихъ суммъ»). Это не испортило нашихъ видимыхъ отношеній и еще вчера онъ считъ нужнымъ прислать мнѣ копію своего мнѣнія о выставкѣ (посланного министру), съ собственной припиской. Но... онъ все-таки сказалъ мнѣ въ концѣ-концовъ, что «сдѣлаетъ все, что отъ него зависить, чтобы содѣйствовать успѣху моей просьбы о газетѣ,—однако, будетъ лично радъ за меня, если мнѣ откажутъ». Вотъ видишь, голубушка, и онъ туда же, куда и всѣ. Гласъ народа—гласъ Божій и очень вѣроятно, что станеть также и гласомъ начальства. Хотя бы уже поскорѣе. Александръ Ив. (Иванчичъ-Писаревъ) очень меня склоняетъ къ участию в редакціи «Русскаго Богатства»...»

Уговоры А. И. Иванчина-Писарева, с еще большей настойчивостью повторенные Н. К. Михайловским, одержали верх, тем более, что уже в приведенном письме ссылка на глас народа свидетельствует о некоторых сомнениях и у самого Короленки относительно выбора между газетой и «толстым журналом».

Переезд в Петербург был решен, и В. Г. Короленко стал принимать более близкое участие в редактировании журнала, в

котором он уже раньше выступал сотрудником, с 1893 года *), когда журнал перешел в руки Н. К. Михайловского, заменившего и изменившего прежнюю редакцию при Л. Е. Оболенском. Отныне журнал принял новую, весьма определенную окраску.

*) Первыми статьями, помещенными В. Г. Короленком в обновленном «Русском Богатстве» были его очерки о голодном годе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Пребывание в Петербурге (1896—1900).

Короленко поселился, по переезде в Петербург (1 августа 1896 г.) в деревянном домике, на 5-й Рождественской, против Греческой церкви. Домика этого уже больше не существует: он заменен большим каменным домом, в котором Короленко вероятно почувствовал бы себя весьма неудобно. А деревянный домик-особняк, одноэтажный, с мезонином, со светлыми, на солнечной стороне окнами, с деревянным забором и служебными постройками на дворе, напоминал ему все еще милую его сердцу провинцию. Но жизнь потекла совсем другим темпом. Все же в первое время связь и сношения с Нижним еще были очень сильны.

Два лета подряд (в 1898 и 99 гг.) Короленко уезжал с семьей опять в Нижегородскую губ., где жил с родными и приятелями в деревне Растяпино, недалеко от Нижнего, на берегу Оки.

После сильного напряжения, которое потребовалось для завершения Мултановского дела (в мае 1896 г.) и под впечатлением недавней утраты одной из дочерей, которая скончалась во время отлучки Вл. Г., переезд в Петербург не принес Короленку нового подъема сил. Наоборот, он как-то захирел, стал страдать бессонницами; суетливый, свойственный петербуржцам строй жизни, при котором, как остроумно кто-то выразился, прежде всего каждому человеку все «некогда», что не мешает всем и всюду поспевать, пришелся не по характеру Влад. Гал-чу: в провинции, наоборот, у каждого слишком много свободного времени. Занятия в редакции, заседания, участие в разных литературных обществах—в только что возникшем тогда, и столь короткое время продержавшемся союзе писателей, особенно в составе суда чести при союзе, в комитете Литературного Фонда, наконец, постоянные приглашения выступать на литературных вечерах, прием всевозможных посетителей, необходимость работать по ночам, чтобы успеть что-нибудь сделать—все это не создавало благоприятных условий для творчества. А главное—длительная нервная болезнь, требовавшая систематического лечения, спокойствия и правильного образа жизни, трудно достижимого при создавшемся положении.

Я познакомился с Влад. Гал. через год по его приезде в Петербург, на почве чисто литературных отношений. Первым позво-

дом послужило обращение к нему, как и ко многим другим писателям, сотрудничать в русском отделе журнала «Космополис», который я в ту пору редактировал. Несмотря на предупреждения, что Короленко теперь ничего не пишет, что обращаться к нему бесполезно, я все-таки сделал эту попытку и Короленко, распросив о цели и характере издания, ответил не только согласием, но и обещанием вскоре дать статью.

Другой повод — приезд одной американской писательницы, miss Lilian, B. M., которая хотела непременно познакомиться с Вл. Г., так как знала о том, что он побывал в Америке, и очень интересовалась его личностью и «идеями». Любопытно, что по словам г-жи Лилиан Белль, американские читатели редко спрашивают даже с именем автора, когда читают беллетристические произведения, но если у писателя есть «идеи», которые он проповедует, то его имя сразу становится популярным. И Толстого они почти исключительно знают, как проповедника «идей», при чем большинство публики не читало его художественных произведений, а если и прочло, то не отождествляют их автора с «проповедником идей», о котором достаточно знать, что он писатель...

Я сообщил В. Г. Короленко о желании г-жи Белль и получил от него следующий ответ:

«Среди этого шального праздничного времени *) просто не сообразишь, когда можно выбрать время. Хотелъ сообразить, отбѣнить кое-что изъ предстоящей программы дѣйствій, такъ какъ мнѣ всего пріятнѣе было бы видѣть васъ и miss Bell у себя. Но, въ виду ея скорого отъѣзда, придется помириться на свиданіи въ редакціи. Завтра (въ пятницу) и въ субботу я буду тамъ отъ 2—4 часовъ. Боюсь, что свиданье будетъ для г-жи Белль мало интересно: я не говорю по-англійски и плохо объясняюсь по-французски. Надежда на васъ и на ваше посредничество».

Оказавшись, таким образом, случайным соучастником этого «интервью», я кстати и сам познакомился впервые с разными обстоятельствами жизни Короленка, которые и меня сильно заинтересовали. Вл. Г. постепенно разговорился, иногда впадая в шуточный тон, при чем предупреждал меня: «вы не все ей переводите, зачем ей все зантъ». Меня сразу захватило обаяние личности В. Г. и это было началом отношений, которые вскоре приняли тесный дружеский характер.

Возобновилось знакомство несколько месяцев спустя: я случайно встретил Вл. Г., ехавшим на велосипеде по одной из улиц в Петербурге: он спешил, подошел ко мне и стал спрашивать о делах журнала, осведомившись почему я не напоминал ему об его обещании дать статью. Я должен был сознаться, что издатель, француз г. Ортманс, накануне полного разорения, что иностранные отделы журнала уже прекращают свою деятельность, а русский мы доведем до конца года, так как за него отвечает фирма Меллье, перешедшая к А. Ф. Цинзерлингу, который желает лой-

*) Кажется, это было в пасхальное время или на Страстной.

яльно расчитаться с подписчиками, но вряд ли будет расчет с сотрудниками за последнюю книжку. Как же я мог напоминать об обещании, когда положение так изменилось? Но Короленко возразил: «вот тут-то я и мог бы вам пригодиться. Заходите ко мне, буду ждать вас завтра, потолкуем: может быть и дам вам что-нибудь для последней книжки вашего «Космополис».

В результате беседы на другой день, я получил два очерка: «Чудная» и «Искушение», которые по условиям цензуры тогда немисливо было печатать, но Вл. Г. предоставил мне хранить рукописи впредь до более благоприятных времен, когда изменятся обстоятельства и в России будет предоставлено больше места свободному слову. Он верил, что это должно наступить. Как известно, эти очерки появились в «Русск. Бог.» после революции.

Посещая от времени до времени Вл. Г., по его радушному зову, я был невольным свидетелем изнурявшей его бессонницы и, конечно, не мог не принять участия в изыскании способов ему помочь. Лечился он тогда у д-ра Черемшанского, к которому ездил в больницу на 11-й версте, по Московскому тракту, ездил преимущественно на велосипеде, и эти поездки доставляли ему и сами по себе некоторое облегчение. Кроме того, в Короленке и самостоятельно была жилка спортсмена, которой и я сочувствовал, так что весной и осенью мы совершали вместе большие экскурсии на велосипедах, а зимой катались с ним на коньках, по соседству с домом, где он жил. Другим развлечением и отвлечением от хандры, сопряженной с болезнью, были занятия рисованием. Вл. Г., как уже указано, с детства тяготел к живописи, прибегал к рисованию не раз и во время ссылки, а теперь, по совету докторов, я предложил ему заняться копированием красками с масляных картин, чтобы освоиться с некоторыми приемами техники. Некоторые авторитетные художники, видевшие рисунки Короленка, находили, что из него мог бы выработаться хороший живописец, если бы в свое время он занялся серьезно этой отраслью искусства. Теперь при «сеансах копирования» с лечебной целью от нервного переутомления, главный интерес заключался в бесконечных разговорах об искусстве, о задачах живописи, о разных течениях и направлениях художников новейшей формации, об отношении импрессионизма и модернизма к классическому искусству и к прежней полосе, когда у нас господствовали «передвижники» и т. д. Вл. Г. относился не без предубеждения к новым течениям, и немножко застыл в рано усвоенных формулах. Он ценил больше всего законченность в картине и обращал особое внимание на сюжет. Посещали мы вместе выставки и я замечал, как мало-по-малу Короленко отступал от прежних взглядов и стал втягиваться в понимание нового искусства. Но многое его все-таки отпугивало. Камнем раздора у нас служил особенно Врубель, на которого Короленко пытался изображать даже карикатуры. Нужно сказать, что в редакции «Русск. Богатства»,

очень прогрессивной в своих политических и социальных воззрениях, установился изрядный консерватизм в вопросах искусства. Короленко отчасти подчинялся взглядам своего кружка. Но вот, однажды, он встретился у меня за завтраком с И. Е. Репиным. Отнюдь не подозревая, что этот испытанный «реалист» в живописи склонен поддаваться каким-либо новшествам, Вл. Г. стал нападать на импрессионистов, продолжая спор со мной. Репин очень решительно сказал, что в импрессионизме есть несомненная правда и что трудность только в соблюдении этого принципа в большом масштабе. Короленко стал прислушиваться. Репин говорил горячо и убежденно, так что в конце-концов Короленко, как будто начал сдаваться и решил, что надо еще обсудить. Но эксцессы импрессионизма все-таки его отталкивали от напряжения.

Впрочем, он любил рассказывать, что будучи противником и символистов, как в живописи, так и в литературе, он все-таки подошел к новым формам в своем «Слепому музыканте», и ему передавали, что Верлэн, прочитав этот рассказ, кому-то высказал: пока мы еще спорим о символизме, а вот молодой русский писатель дал уже готовый образец. К символизму в поэзии он относился, вообще, с большим сочувствием.

Как раз по поводу «Слепого музыканта» я получил от него следующее письмо, после заметки о новой редакции этого произведения, о которой я дал отзыв в «Вестн. Европы». Я высказал несколько сомнений относительно уместности переделок через десять лет после написания произведения, и вот, что ответил на это Влад. Гал. (2 февраля 1898 г.):

«Признаюсь вамъ, я долго не рѣшался на переделку, но съ другой стороны совѣсть всегда мучила меня при всякомъ новомъ изданіи. Дѣло въ томъ, что «Слѣп.-музык.» первоначально печатался въ фельетонахъ «Русск. Вѣд.». Я совѣтъ не могу тамъ работать и на 2-й части повѣсти, по моему мнѣнію, это отразилось особенно сильно. Многое, что нужно было сказать образами,—было сказано формулами. Художественная совѣсть терзала меня за это очень сильно и первоначально я долго не рѣшался приступить къ отдѣльному изданію. Легкая переделка, произведенная надъ первоначальной редакціей, меня не удовлетворила, а затѣмъ прибавился эпизодъ на колокольѣхъ. Теперь во время болѣзни (не погнѣ—а первое разстройство), когда пришлось приступить къ шестому изданію,—я сталъ особенно чутокъ къ этимъ упрекамъ совѣсти, и потому, читая самъ корректуру и дойдя до второй половины,—я просто приостановилъ печатанье, къ которому типографія приступила еще въ ноябрѣ (а вышла книга 28 марта). Уже то, что я самъ читалъ съ нѣкоторымъ интересомъ 1-ю половину (я ее давно не читалъ) и прямо запнулся на второй, показало мнѣ, что тутъ есть что-то неладное. И я поэтому взялся за перо. Вы видите, что я долженъ (подчеркн.), былъ это одѣвать, ну, а какъ вышло,—дѣло другое. Мнѣ нужно было оформить, дать образъ тому внутреннему давлению, которое у звонаря сказывается непосредственно—раздражительностью и злобой, и которому мой Петръ придаетъ сознательность анализа. Непосредственная боль выливается у него въ форму протеста противъ своей судьбы. Я такой, потому-что и этотъ звонарь такой, потому-что мы все должны быть такие. Вы, кажется, напрасно не хотите признать естественнымъ сходство Петра со звонаремъ. Мнѣ тогда-же бросилось это сходство моего звонаря съ

однимъ слабымъ, которого я имѣлъ случай наблюдать ранѣе. Это не сходство чертъ, а сходство выраженія, какое можно подмѣчать часто даже и у горбуновъ. Есть несомненно вышніе черты, объединяющіи какой-то общей печатью людей, пораженныхъ общимъ недугомъ, и выделяющіи ихъ изъ остальной массы человѣческихъ лицъ.

Однако рисовался. Когда нибудь поговоримъ, если захотите.

Разговора этого я не возобновлялъ, так как было достаточно другихъ темъ, более животрепещущихъ.

Въ отличие отъ жизни въ Нижнемъ, какъ ее описываетъ С. Д. Протопоповъ, въ Петербургѣ Короленко жилъ болѣе замкнуто, принимая посѣтителей по преимуществу въ помещеніи редакціи. Конечно, многіе заходили къ нему и на домъ, но, ссылаясь на необходимость режима, вследствие продолжающейся бессонницы, Вл. Г. по возможности избѣгалъ стороннихъ посѣтителей или предупреждалъ, что можетъ принять лишь на самый короткий срокъ. Исключеніе дѣлалось только для близкихъ и въ первую очередь «своимъ» называлъ онъ Ник. Фед. Анненскаго, съ которымъ его связывала самая тесная дружба. Всегда веселый, живой, остроумный, горячій спорщикъ и неугомонный «кипятокъ», Н. Фед. вносилъ живую струю въ любое общество. Его жена, Александра Никитишна, урожденная Ткачева, сестра известнаго революціонера, сама пользовавшаяся известностью своими повѣстями и рассказами для дѣтей, наоборотъ, отличалась чрезвычайной сдержанностью и самообладаніемъ. Влад. Гал., величавшій ее въ шутку «теткою», неизменно прибавлялъ—«медленно, но четко». Своимъ человекомъ въ семьѣ Короленка былъ и А. Н. Богдановичъ, женатый на племянницѣ и воспитанницѣ Н. Ф. Анненскаго; несколько угрюмый по темпераменту, неопенимый работникъ и талантливый публицистъ, онъ какъ-то особенно благоговѣлъ передъ Вл. Г., который въ тяжелую минуту жизни еще въ Нижнемъ-Новгородѣ сумѣлъ благотворно повліять на него. Мягкую струю женственности и уменье завести и поддержать литературный разговоръ вносила Татьяна А., жена Богдановича, въ послѣдствіи выдвинувшаяся, какъ умелый и способный работникъ въ области журналистики. Хозяйка дома, ко всемъ приветливая и внимательная, создавала какую-то особую атмосферу уютливости и радушія. Дочери Влад. Гал., тогда еще подростки, дополняли картину этой дружной семьи на подобіе англійскаго home, и даже незамужняя сестра матери Короленко, жившая неразлучно съ племянникомъ, своей хозяйственностью и любезностью содействовала общему впечатленію ласковаго радушія, которымъ отличался этотъ гостеприимный домъ. Собирались часто и у Анненскихъ, сохранившихъ привычку болѣе широкихъ приемовъ, и поддерживающихъ обычаи *jour fixe*’овъ. Впрочемъ, и у Короленка еженедѣльно (помню — по-четвергамъ) обѣдалъ С. Н. Южаковъ, и Влад. Г. неоднократно звалъ умножить «четверговую компанію». У него въ домѣ впервые познакомился я съ Мельшинымъ, по его возвращеніи изъ Сибири; встречалъ тамъ С. Я. Елпатьевскаго, въ его наезды въ Петербургъ; виделся у Короленка и съ Горькимъ, съ которымъ недавно передъ темъ позна-

комился. Перечисляю этих «завсегдателей», ибо в общем их было немного, и Влад. Гал. стал дорожить некоторой замкнутостью приемов у себя, чтобы высвободить себе время для работы.

Понемногу здоровье его восстанавливалось; избрание в почетные академики содействовало даже некоторому подъему настроения в том смысле, что признание его литературных заслуг со стороны избранной коллегии побуждало его продолжать работу в том же направлении художественного творчества, от которого он временно как бы отошел; заверения некоторых его почитателей вернули ему веру в себя и в свои силы; но интенсивно работать в Петербурге он все же не мог.

Между прочим, маленький историко-цензурный курьез, о котором мне уже приходилось рассказывать в другом месте (Сборник по случаю юбилея Сытина), но без «документов», которые я здесь привожу. Влад. Гал. очень интересовался вопросом об иллюстрации своих произведений. Ему нравился рисунок, сделанный Елиз. М. Бем, к его рассказу «Приемыш» и не особенно нравились иллюстрации к одному из дешевых изданий «Сна Макара» (изд. Орехова). Хорошо зная Елиз. М. Бем и ее двух приятельниц, художниц В. П. и А. П. Шнейдер, я подумал, что возможно привлечь всех трех к иллюстрации «Сна Макара» в более приятном для Короленка стиле. Картина, матерьялом для которой послужили подлинные «документы» — фотография Захара — прообраза Макара в очерке, — и некоторые рисунки самого Вл. Г., приведенные им из Сибири (Якутская могилка и вид деревни Челкан), — вскоре была готова. Увидел ее Сытин и взялся издать, но пожелал иметь и текст, чтобы поместить его на том же листе, с несколькими сокращениями. Я послал Вл. Г. проект и получил от него из Растяпина, Нижегородской губ., следующее письмо:

«Этимъ дѣломъ я хворалъ жестокой инфлюэнціей и лихорадкой и, кромѣ того, впрягся въ срочную и потому самую для меня несносную работу для нашего сборника, которую и исполнялъ въ промежуткахъ между пароксизмами. Вотъ почему просмотръ «Макара» затянулся. Теперь просмотрѣлъ и нѣсколько измѣнилъ, какъ увидите изъ посылаемой мною заказнымъ (бандер.) рукописи.

Сытину прямо не посылаю, потому что, можетъ быть, вы не вполне согласитесь съ моими поправками и сокращеніями (мнѣ кажется, что я все-таки б. или м. прав). Кажется мнѣ, ирѣшный человекъ, что текстъ все-таки длиненъ и не вполне подходитъ къ такому рода изданію. Ну, да вѣдь замѣнитъ онъ дубки, значить — все-таки имѣетъ свое оправданіе.

Приписка: Сдѣлайте со своей стороны какія угодно измѣненія еще. Въ претензіи не буду... А съ Сытинымъ (о гонорарѣ) я ничего не говорилъ. Я хотѣлъ бы только, чтобы было определено: изданіе, два-три... Вообще, не хочу давать безапелляціоннаго разрѣшенія Сытину на вѣчныя времена. Это одно условіе, — а гонораръ такъ ужъ Богъ съ нимъ».

Когда все было уже подготовлено к выпуску в свет картины с текстом, возникло неожиданное препятствие с духовной цензурой, которая и давала разрешения. Миную разные пройденные мытарства, ограничиваясь приведением следующего любопытного документа: письма Н. П. Собко (секретаря О-ва поощрения

искусств), взявшегося было добиться разрешения путем обращения к всесильному тогда Победоносцеву и, после неудачи с Победоносцевым, поехавшего к митрополиту Антонию, слышшему просвещенным человеком:

«Митрополитъ принялъ меня,—пишетъ Собко,—сейчасъ послѣ какого-то заслуженнаго протоіерея, несмотря на то, что въ приемной была масса народа и даже синодальные чины. Былъ онъ со мной крайне любезенъ, до того, что предложилъ ножичекъ для разрѣзанія веревки, которой былъ завязанъ рисунокъ. Но за всѣмъ тѣмъ онъ мнѣ сказалъ все-таки далеко неутѣшительную вещь, а именно, что—«его благословенія для меня мало», что онъ не можетъ заставить цензуру разрешить, «что» учрежденіе всегда строже отдѣльнаго лица, такъ какъ, если послѣдній и ошибется, то ему можетъ быть прощена его ошибка, тогда какъ цѣлое учрежденіе должно относиться гораздо осмотрительнѣе къ своимъ обязанностямъ, чтобы не заслужить впоследствии упрека; что—«Короленко писатель молодой и онъ его не знаетъ, такъ какъ давно уже минули его университетскіе годы, а теперь онъ не слѣдитъ за бекетристикой», что «едва ли духовная цензура разрѣшитъ фантастическое воспроизведеніе Страшнаго Суда—на основаніи повѣствовательнаго разсказа», но, что—«я, конечно, могу обратиться въ Комитетъ, только не долженъ говорить тамъ, что меня послалъ митрополитъ». Въ концѣ-концовъ онъ сказалъ мнѣ: «да благословитъ васъ Господь Богъ, но онъ ничѣмъ не можетъ помочь мнѣ».—Видимо придется ждать Соловьева, который можетъ иначе взглянуть на дѣло, такъ какъ, по выраженію Побѣдоносцева, цензура такая барыня, что верблюдовъ пропускаетъ, а комаровъ задерживаетъ».

В конце-концов, удалось вырвать все это дело из веденія духовной цензуры и, благодаря вновь назначенному начальнику управления по делам печати кн. Н. В. Шаховскому,—добиться разрешения, впрочем, путемъ исключенія некоторыхъ фразъ даже из сокращенной редакціи «Сна М.». Эта уступка была сделана с целью, какъ выразился Шаховской,—гусей не раздражить и себе оставить оправданіе.

Грустно-забавная страница из недавняго прошлаго, когда изъ разсказа, давно всемъ известнаго, напечатаннаго уже въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, выдержавшаго несколько изданій,—приходилось только изъ-за иллюстраціи къ тексту обращаться къ митрополиту и обер-прокурору синода, и все же, наконецъ, добиться пропуска, обойдя все запрещенія, путемъ частныхъ переговоровъ и соглашенія съ менѣе «высокопоставленнымъ» лицомъ.

В то же лето 1899 года, В. Г. Короленко собирался проехать въ Румынію, къ брату своей жены, доктору Ивановскому, давно эмигрировавшему и пользовавшемуся въ новомъ отечествѣ репутаціей превосходнаго врача, деятельнаго и отзывчиваго человека. Такихъ людей Россія не умѣла удержать. По поводу своего предположенія Вл. Г. писалъ:

«Я хотѣлъ хоть немного наверстать потерянное лѣто и свѣздить на югъ (въ Румынію). Но вотъ здѣсь носятся слухи, что будто румынская граница закрыта вслѣдствіе чумы! А отъ насъ это секретъ. Чистые мы, россійскіе люди, страусы! Скрываемъ, скрываемъ, а между тѣмъ все наружу. Европа уже закрываетъ границы, а дома у насъ ничего не готово. Здѣсь извѣстно, что чума (форменная) уже ходитъ внизу по Волгѣ: созывали

председателей управ и секретничали с ними, чтобы, сохрани Богъ,—ни-ни! Прежде всего, чтобы чуму не называли чумой! А уже после—принимають мѣры! Потѣю я въ Румынію или итъ,—это рѣшится только завтра,—можетъ мнѣ все-таки скажутъ въ канцеляріи губернатора, когда стану брать паспортъ».

Русская жизнь в то время на каждом шагу, из-за малозначительных равно и из-за важных обстоятельств, давала повод удивляться, негодовать или в лучшем случае—недоумевать.

Однако на этот раз опасения оказались напрасными, и Короленку все-таки удалось съездить в Румынію. Уже раньше, после первой своей поездки в те местности, он привез прекрасный очерк «Над Лиманом», в котором с особой рельефностью и проникновением описан быт наших староверов, искавших приюта на чужбине, так называемый «Некрасовский Корень».

Рассказ же для сборника «Русск. Бог.», о котором идет речь в приведенном письме,—это «Марусина Заимка» (позже просто—«Маруся»), один из удачнейших сибирских очерков Короленки, мастерски обрисовавшего в рельефном контрасте два типа: хозяйственного, трезвенного и деловитого мужика-переселенца, и буйного «романтика», тоже из поселенцев, искателя более подвижной, сопряженной с опасностями, но более богатой впечатлениями бродяжнической жизни*). Любопытно, что критика в ту пору, подчеркнув рельефность образов, придралась к рассказу Степана (бродяги-романтика), сочтя его вымышленным, сочиненным. «Как раз то, что у меня было записано дословно, в моей записной книжке,—сказал мне по этому поводу Вл. Г. широко улыбаясь,—и что я воспроизвел не перерабатывая. Ну уж и критика!». — «Нужно было и подлинное сделать правдоподобным,—напомнил я Короленку известный стих Буало: *Le vrai peut quelque fois pêtre pas vrassemblable*». И старые истины на что-нибудь годятся.

Вернувшись к литературной работе, Короленко стал, по мере выздоровления, все более втягиваться и в общественные вопросы и всматриваться ближе в поднимавшуюся у нас волну марксизма. Примыкая к общему направлению «Русск. Бог.», Вл. Г. отнюдь не замыкался в теории народничества и стремился к более широким взглядам, обнимающим разные течения. У него же встречался я с двумя тогдашними вождями молодежи в направлении марксизма: П. Б. Струве и Мих. И. Туган-Барановским. Споры были горячие, но отношения самые дружественные. Свою точку зрения Короленко, под впечатлением этих бесед, высказал в статье «О сложности жизни» («Русск. Бог.», 1899 г., № 8). А затем он выражал такого рода опасения: как бы теперешние марксисты не повторили ошибки прежних народников, только в другом направлении? Народники считались только с крестьянством, совершенно не инте-

*) Контраст этих типов, вполне оригинально разработанных, соответствует противопоставлению Хоря и Калныча у Тургенева.

ресуясь рабочим вопросом, марксисты все основывают на рабочем классе, игнорируя крестьянство. Нужно-де думать о тех и о других.

Отчасти в ответ на теории «экономического материализма» и на значение, придаваемое детерминизму, написан очерк-легенда Короленка «Необходимость», вызвавший горячий отпор в лагере марксистов. Предположили, что Короленко нарочно «сочинил» его им в укор. Но Короленко так «сочинять» не умеет. Он искренне и давно уверовал в свободу воли, в психологическом значении термина, и еще в письме Гольцеву (1894 г.) сообщал,—«если допустить (а я в это глубоко верю), что вселенная не есть случайная игра случайных сил и явлений, что и «детерминизм» и «эволюция», все это ведет к признанию некоторого закона, который «необходимо тяготеет к чему-то, что мы называем «благом» во всех его видах (добро, истина, правда, красота, справедливость), то вывод ясен: мы не просто отражаем явления, как они есть, и не творим по капризу иллюзию несуществующего мира. Мы создаем или *проявляем* рождающееся в нас *новое отношение* человеческого духа к окружающему миру». Это положение применимо как при художественном творчестве, так и при всяком деле, где требуется проявление воли. Свободная воля вытекает из «нового» отношения человека к окружающей его действительности. Исходным же пунктом ее признания является именно та вера, на которую ссылается Короленко, что «вселенная не есть случайная игра случайных сил и явлений». На этом построена и вся религия Короленко,—как и всякая религия, признающая существование некоего высшего смысла жизни,—хотя Вл. Гал. и не договорился до окончательной формулы. Но беседовал он на эту тему часто, давая порой лишь ряд намеков; потом он как бы уходил в себя, чувствуя, но не договаривая того, чего выразить словами и не мог.

Короленко очень отчетливо помнил разные моменты своего духовного развития, когда, при каких обстоятельствах, где именно открылась ему та или иная мысль, которая потом крепко в нем засела. Словоохотливым он становился лишь при рассказах о разных внешних эпизодах своей жизни. Рассказчик он мастеровой; казалось, что он видит воочию то, что передает, хотя бы то были воспоминания за много, много лет назад. Одушевляясь, он вскакивал и представлял в действии то, что рассказывал. И даже не раз то, что потом появлялось в печати из его рассказов, казалось бледнее, чем его изустное изложение. «Уж это я давно знаю,—говаривал Вл. Гал.,—когда мозг словно горит и в голове все так ясно, рельефно,—примешься писать и многое постепенно меркнет, стирается, всего не передашь и не так передаешь; всякая запись не полная и неточная передача того, что ощущаешь и что видишь своим воображением».

Когда Вл. Гал. почувствовал, что ему стало лучше, бессонницы прошли, жажда работать усиленно возродилась, он реши-

тельно стал готовиться к отъезду из Петербурга. «Не тот климат,—шутя говорил он,—не те условия, не та обстановка. Мало красоты кругом, природы не вижу»... И после некоторых колебаний он остановил свой выбор на Полтаве, откуда родом был его отец. Что-то влекло его именно в Малороссию, к красивым берегам Псела, к родным «хибаркам», к простым отношениям среди простых людей. Были, конечно, и некоторые личные отношения и знакомства. Едва ли не главную роль при выборе Полтавы сыграл тов. головы М. И. Сосновский, хороший приятель Вл. Гал... Но раньше окончательного переселения в Палтаву, Короленко совершил поездку в Уральск, где провел лето 1900 г. Два слова сперва еще, об одном его очерке—«Смиренные», напечатанном в «Р. Бог.» в 1899 г. до отъезда. Этот очерк встречен был очень сочувственно революционно настроенной молодежью, безразлично в обоих ее лагерях. По существу, он представляется лишь художественно обработанной «корреспонденцией» по поводу одного случая в деревне, близ Нижнего-Новгорода (в рассказе место действия—дачи на поселке Раскатово, в которых не трудно угадать Растяпино, где жил Короленко): одного умалишенного мужика держали на цепи в течении десяти лет, при чем мать и жена, когда на него находил приступ болезни, жестоко избивали его веревками. Это дикое проявление невежества возмущает приехавшего на отдых в деревню корреспондента, Бухвостова, который с недоумением ищет виновника в этом деле: «неповинна деревня, миром приковавшая на цепь больного... не виновата мать... ни жена. Не виноваты врачи, земство, поля, перелески, бор, обступивший Раскатово, река, перевоз, мужики с телегами, монахи—о чорт!» И, наконец, корреспондент догадывается: «*смиренье* проклятое»...

И вот, перечитывая этот очерк почти через двадцать лет, невольно задаешься вопросом—так ли? Не придавали ли мы чрезмерное значение пресловутому «смиренью» мужика, и в положительном и в отрицательном смысле, принимая ошибочно за «смиренье» то, что было лишь невежеством, косностью, отчасти придушенностью, отчасти, в данном случае, проявлением бессознательной жестокости, при глубокой некультурности?

Смирением мы называем духовную победу, одержанную человеком над проявлением хотя бы законного с точки зрения индивидуальных чувствований протеста, но выражающегося в антисоциальной форме. Смиряются—непомерная гордость, заносчивость, даже чувство мести. Так, Аким, в «Постоялом Дворе» Тургенева, смирился, после попытки отомстить своему обидчику путем поджога и простил жену, сознав свою вину и перед ней. Но просто невежество—не есть смирение. Нас теперь возглас корреспондента не убеждает, ибо такая же тупая жестокость, как и в Пугачевщине, так и при современных погромах и убийствах, про-

является далеко не у «смиранных», в другой форме. Мы с большим удовлетворением вспоминаем другой очерк Короленка—«На затмении» и те выводы, к которым привели его тогда наблюдения печальной розни между интеллигенцией и народом.

ГЛАВА II.

Летняя поездка в Уральск (1900 г.).—«У казаков».

Еще во время пребывания в Нижнем-Новгороде, в одну из своих экскурсий в Поволжье, В. Г. Короленко набрел на уцелевшие следы пугачевщины. Помнится, он рассказывал, что это было в его заезд в Бугуруслан, Самарской губ. Мысль взять сюжетом для романа описание этого народного движения, в котором столько было и стихийного и социально-бытового, и на этом фоне вывести представителя интеллигенции, воспитанного в духе просветительской философии XVIII в., запала ему в голову. Об этом замысле писателя неоднократно упоминалось и в печати. Его заинтересовало и, вообще, явление «самозванщины», которое он сперва проследил в современных ее формах. Так, еще в 1896 г. *) были напечатаны его очерки о «Современной самозванщине», выяснение бытовых и психологических условий появления у нас «мнимых сборщиков, странников, калик», «самозванцев гражданского ведомства»—мнимых путешественников, и всякого рода типов с той или другой целью присвоивавших себе—«чужую личность и чужое звание». Автор при этом высказывает мнение, что самозванство—специфическая русская черта и прибавляет: «Всякий раз, когда я думаю о несчастном человеке, дерзновенно принявшем на себя звание царя Петра Феодоровича и потрясшем Россию смятением и ужасом,—я невольно вспоминаю о том, как тщательно этот человек, державший в своей руке громы и смерть, должен был скрывать от приближенных свою несчастную спину, навсегда исполосованную кровавыми рубцами плетей во время прусского похода»...

Это уже был прямой подход к Пугачеву. Материалы к роману подбирались исподволь, и раньше переселения в Полтаву Короленко захотел побывать в местностях, где было основное гнездо пугачевщины, и проследить путь Пугачева, чтобы напечатлеться видами местности, в которой более века назад развернулись грозные события. Он решил провести лето в Уральске, бывшем Яицком городке, приказом Екатерины II переименованном, дабы не оста-

*) «Р. Бог.», №№ 7 и 8.

вить среди жителей воспоминаний о народном возмущении. Первое письмо из Уральска датировано 21 июля 1900 г.:

«Пишу вамъ нѣсколько словъ изъ Уральска. Въ Саратовской губ. загостились мы дольше, чѣмъ предполагали и только 18 числа приѣхали въ Саратовъ, съ великими усилиями переправились за Волгу и двинулись изъ Покровской слободы въ степи. Почти сутки тянулись по узко-колейной дорогѣ: пара узенькихъ рельсовъ на низкой насыпи, линія телеграфн. столбовъ, кое-гдѣ маленькій станціонный домикъ,—затѣмъ степь и степь ровная, или слегка бугристая, но совершенно однообразная. Такъ до Уральска. Зато здѣсь—мы въ садахъ. Въ трехъ саженьяхъ отъ нашей хибарки—рѣка Деркулъ, въ которой я уже купался раза три. За рѣкой (чудесная рѣченка, въ плоскихъ зеленыхъ берегахъ, съ бѣлеснымъ ивнякомъ, склоняющимся къ водѣ) то же дуга и сады, съ колесами водокачекъ и желобами для орошенія. Тепло, даже вѣрнее жарко, тихо, уютно.

На всѣхъ насъ первый день нашего пребыванія произвелъ отличное впечатлѣнiе. А для меня вдобавокъ среди тишины этихъ садовъ и луговъ бродитъ еще загадочная тѣнь, въ которую хочется взглянуть. Удастся-ли,—не знаю.

Итак, на первыхъ же порахъ—«загадочная тень» Пугачева, которая и заманила Короленка в этотъ ныне мирный уголок, столь поэтично имъ описываемый. В дальнейшемъ даются сведения о семье Каменскихъ, у которыхъ Вл. Гал. поселился с женой и дочерьми, и разные поручения по велосипедной части, такъ какъ и в степи Вл. Г. экскурсировал на велосипеде. Другой забавой, к которой онъ пристрастился, была любительская фотография. Но в этой области онъ не особенно преуспевалъ.

Немного спустя произошелъ такой инцидентъ: в Петербургъ прибыло трое казаковъ-старообрядцев изъ окрестностей Уральска, в розыскахъ «Беловодского царства». Это было такимъ любопытнымъ пережиткомъ средневековой старины, что акад. С. Ф. Ольденбургъ позвалъ меня побеседовать с этими пришельцами чуть не XV в. и общими усилиями убедить ихъ в фантастичности того маршрута с легендарными городами и странами, которымъ они думали руководствоваться для достижения заповедного царства. Переубедить ихъ врядъ ли удалось, но все же казаки собрались домой и я далъ имъ поручение розыскать у себя на родине В. Г. Короленка, которому они могли послужить любопытнымъ этнографическимъ матерьяломъ. Для верности я далъ имъ небольшую посылку, чтобы потомъ удостоверить, что они лично были у Короленка. Оказалось, что посылку они передали, а Вл. Г. не застали. Немного спустя, я получилъ отъ него следующую записку (21 июля 1900 г.):

«Я сообщалъ вамъ, что вашу посылку получилъ, но при ней казаковъ не оказалось. Теперь спѣшу сообщить, что и казаки обнаружались и при томъ явнымъ произволеніемъ Божіимъ: вчера съ Н. А. Бородинымъ мы путались на одной станицѣ, не заставъ дома ни одного изъ его знакомыхъ. Увидя у воротъ кучку казаковъ и казачекъ, я предложилъ поѣхать прямо къ нимъ и попросить гостепріимства. Съ первыхъ же словъ мы начали переговариваться и шутить, после чего одинъ, присматриваясь ко мнѣ, спросилъ: «Чей я буду?» Узнавъ, что Петербургскій,—онъ спросилъ: «А не вамъ ли былъ посылочекъ отъ «Батюшкина?» Узнавъ, что «посылочекъ» былъ именно ко мнѣ, козакъ быстро раскрылъ ворота, ввелъ нашихъ лошадей и сталъ очень радушно хлопотать. Оказался Кудрявцевъ. Потомъ мы поѣхали

къ Сармину (у котораго знаменитая грамота), набилась полная изба казакѣвъ, въ шапкахъ съ красными околышами, въ валенкахъ и въ «изъямахъ», въ родѣ бухарскихъ халатовъ. Однимъ словомъ вышло превосходно. Станица, въ которой живутъ ваши пріятель—Круглоозерская, въ просторѣицѣ называемая Свистунъ, самая заматерѣлая,—«злые расколыники»... Я получилъ доступъ въ войсковой архивъ и нѣкоторое время еще пороюсь въ немъ».

В результате этой встречи и знакомства получилась брошюра, изданная В. Г. Короленко в «Зап. Имп. Русск. Геогр. Об-ва», по отделению Этнографии, т. XXVIII, вып. 1 (1903 г.): «Путешествіе уральскихъ казаковъ в «Беловодское царство» Г. Т. Хохлова, с предисловіемъ В. Г. Короленка.

Из другого письма, тоже полученного из Уральска, выписываю следующую фразу в стилѣ афоризма, не касаясь случайныхъ и мало интересныхъ обстоятельствъ, которыми она вызвана:

«И прежде всего человѣкъ, самъ познавшій, что такое мысль, навсегда останется терпимымъ къ чужой мысли».

Этимъ убежденіемъ неизменно руководствовался Вл. Г., поэтому всегда такъ легко знакомился и сходилъся съ людьми совсемъ иного склада мысли, даже верящими в «Беловодское царство», и умелъ внушать къ себѣ доверіе и расположеніе, заглядывая къ нимъ глубоко въ душу.

В началѣ сентября получилъ я следующее письмо, все еще из Уральска:

...«Я по уши загрязъ здѣсь въ «матерьялахъ». Прочиталъ и сдѣлалъ выписки изъ 8 огромныхъ архивныхъ дѣлъ (по 500—600 страницъ) и побывалъ въ нѣсколькихъ «Пугачевскихъ мѣстахъ», въ томъ числѣ совершилъ одну поѣздку по верхней линіи до Илека, шатался по хуторамъ, былъ въ Киргизской степи; недавно еще—не безъ нѣкотораго, признаться, волненія, стоялъ на той самой ядѣ земли, гдѣ былъ знаменитый «уметь» (на Таловой). Какъ вся русская исторія, уметь былъ сдѣланъ изъ весьма непрочныхъ матеріаловъ. Впрочемъ, въ началѣ еще этого столѣтія его развалины одиноко стояли, размываемыя дождями, на самомъ берегу рѣчки. Теперь тамъ—дѣлный поселокъ, и я снялъ его строеніе (не то, что Пугачевского, а прямо скифскаго стиля), снялъ уметь въ степи, снялъ внутренность такого умета (посмотрѣть, такъ и не разберешь, что это такое. Такъ и въ натурѣ!). Однимъ словомъ, оглядываясь назадъ, вижу, что и архивнаго и натурального матеріала набралъ не мало. Лѣтъ для моей задачи не потеряно: узналъ казакѣвъ (порой тоже скифскаго періода) и главное всѣ мелочи, всѣ сколько-нибудь выдающіеся «происшествія» за нѣсколько лѣтъ до Пугачева, во время и послѣ,—теперь у меня, какъ на ладонѣ».

Очень интересные данныя объ участіи въ этой борьбѣ киргизъ, до сих поръ, кажется, почти не тронуты. Интересно: прежде всего, оказывается, что гуманное русское начальство вызвало ихъ само и посовѣтовало кинуться на улусы калмыковъ, приставшихъ къ Пугачеву—«дочерей взять въ наложницы, а женъ въ есыры» (буквально). Киргизы хлынули на югъ и буквально затопили Уральскую линію и мѣста между низовьями Волги и Урала. На желтыхъ листахъ архива дела читается цѣлая трагедія: сначала частые, тревожные рапорты съ форинозъ, потомъ просьба о помощи, потомъ молчаніе... И уже въ это время вмѣшиваются пугачевцы. Потомъ, лѣтъ черезъ 5—6 еще начальство не могло разсчитаться съ послѣдствіями своего политическаго шага: на требованіе выдачи обратно «русскихъ есырей»—ханъ и солданы отвѣчали, что они дѣйствовали по приказу, изъ

усердія къ ея Величеству, и разбирать имъ было трудно. Сколько мнѣ кажется, эта страничка исторіи пока не была еще разработана. Когда-нибудь я напечатая этотъ матеріалъ, а пока берегу его для своей работы.

Въ Полтаву їду завтра. Третьяго дня около часу ночи досматрѣлъ и кончить выписки изъ послѣдняго дѣла, имѣющаго прямое отношеніе къ моему предмету. Теперь ѣзжаю изъ сада подѣ Уральскомъ въ самый Уральскъ. Здѣсь я «дорабатывалъ» подѣ чисто осенній шумъ деревьевъ. Сегодня у насъ температура градусовъ 7. Уже были шнеи...

Въ припискѣ: Принесъ я большія жертвы тѣни Пугачева: жена и дѣти въ уныніи на новомъ мѣстѣ... а я все здѣсь. Ну, да теперь лечу! Не доимокъ по журналу тоже куча, какъ у одного изъ героевъ Успенскаго: педомокъ и надо мною и кругъ меня сажени на три, да еще и въ землю на три сажени врослѣ.. Между прочимъ я теперь—коневладѣлецъ. «Маштанка» (мѣстн. выраженіе), на которомъ совершалъ поїздки, только завтра сдамъ. Возилъ онъ меня все лѣто рублей до 15 (разница въ покупкѣ и прод. дѣлѣ)...

Пока все еще «загадочная тень» покоится в портфеле Короленка. Мы не знаемъ насколько подвинулась его работа над романомъ, отдельно главы котораго им, кажется, уже написаны, но поездка в Уральскъ, во всякомъ случае, прошла не даромъ: через годъ появились мастерские очерки «У казаковъ», которые представляются одними изъ лучшихъ в серии повествовательно-бытовыхъ описаній нашего автора *). Вообще этотъ родъ описаній, художественно-реальныхъ, одна изъ удачнейшихъ формъ творчества Короленка. Онъ напоминаетъ качества письма Пьера Лоти, сохраняя всю индивидуальность собственной манеры писать. В очеркахъ неоднократно мелькаетъ тень «Пугача», котораго описанъ «дворецъ», рассказана судьба его второй жены, Устиньи, и приведены отголоски бывлыхъ воззреній на его роль у современныхъ «стариковъ». Нельзя не отметить в этихъ очеркахъ, параллельно сообщеніямъ объ экономической и социальной жизни, превосходное описание природы в степной местности и мастерская бытовая картинка в трактире «Плевна»: столкновение двухъ поколеній, «отцовъ и детей», соревнованіе в пении, неудачливое вмѣшательство русскаго,—все это очерчено сочно, правдиво, рельефно, и можетъ быть причислено къ лучшимъ образцамъ художественно-описательной литературы.

ГЛАВА III.

Короленко в Полтаве.—Экскурс «в лабораторіи творчества».—Письма Вл. Г. за границу.

«Полтава—славный городъ,—писалъ В. Г. Короленко, вскорѣ по приѣздѣ (письмо отъ 8 окт. 1900 г.):—тепло, довольно сухо, нѣтъ (почти) фонарей на улицахъ, а въ квартирахъ, по завѣту Акіма Простоты, нѣтъ удобствъ... Мнѣ лично это все напоминаетъ мое «Ровно» и потому нравится. Читать меня еще ни разу не просили (по крайней мѣрѣ прямо), зна-

*) Об обработкѣ этихъ очерковъ см. ниже, гл. V.

комых пока мало, квартира удобная (д. Старицкого, на Александровской улице), чувствую себя отлично и почему-то уверен, что прихварывание моих друзей и жены—временное недоразумение...

Итак, сразу по приезде Вл. Г. чувствовал себя бодро и хорошо, заранее предугадав, что его стоянка в Полтаве будет длительная, может быть на всю жизнь. Месяц спустя, он опять повторял: «Полтава мне продолжает нравиться, хотя осень уже вступила в свои права—пасмурно, холодно, но зато сухо». Но на этот раз Вл. Г. жалуется, что помимо него, об его участии на разных литературных вечерах объявляют и в Харькове, и в Киеве, и в самой Полтаве, несмотря на его категорические отказы. Он обещает твердо выдержать характер.

Выражая удовлетворение, что ему удалось освободиться от петербургской суеты, Короленко все же интересуется живо всем, что происходит в столице, особенно в литературном мире, и просит обо всем его осведомлять: «что и как у вас происходит в Петербурге? Жить в Петербурге не люблю, а знать все о Петербурге хочется. Пишите».

В конце декабря, в ответ на зов Короленка, я приехал в Полтаву, встретив там и новый год. Уже вокруг Вл. Г. стали собираться местные жители, земские и городские деятели, представители интеллигенции и у него, как в Нижнем, завелись приемные дни.

Однако, по возможности, он все же ограждал себя от чрезмерного наплыва посетителей и вел наивозможно правильный образ жизни. По утрам колол дрова, согласно данному ему совету кем-то из врачей, затем работал до раннего обеда, гулял, по вечерам же охотно проводил время в беседе, удаляясь к себе лишь когда его захватила начатая работа, которой он весь отдавался, пока не закончив хоть некоторую ее часть. Как раз во время моего пребывания в Полтаве он писал свой рассказ «Мороз», еще по сибирским воспоминаниям.

Закончив первую часть, он прочел нам ее вслух, а затем заверял, что с окончанием он справится легко. Однако, спустя несколько дней получил я от него следующее письмо, уже по моем возвращении в Петербург (от 6 янв. 1901 г.):

«После вашего отъезда я несколько опять впалъ въ безсонницу, на которую такъ разсердился, что, вставъ среди ночи, затопилъ въ гостинной каминъ, поставилъ у камина столъ и принялся копчаты извѣстный вамъ очеркъ «Морозъ». Вы были правы: конецъ занялъ гораздо больше, чѣмъ я предполагалъ, точнѣе—пришлось написать нѣсколько больше, чѣмъ уже было написано, и я поставилъ точку уже въ середине дня. Утромъ, еще въ сумерки, знакомая вамъ горничная Дуняша вошла въ гостинную убирать и смертельно испугалась, неожиданно паткнувшись на зрѣлище: огонь въ каминѣ, свѣчи и кто-то сидитъ. Она чуть не закричала; къ счастью, я во время повернулся къ ней..

Конецъ очерка уже отослалъ. Значить, на январь все, и я отъ этого ерока отбился... Во дворѣ у насъ почти готовъ катокъ и т. д.

Далее следует целая страница о том, как приготавлился каток и предвкушение удовольствия от возможности бегать на коньках

у себя на дворе. Душевное напряжение от творческой работы разрешилось почти детской радостью сознания, что сбыл к сроку очередную работу, и хоть на несколько дней можно чувствовать себя свободным и беспечным. Но любопытна и другая черта для психологии творчества: в рассказе «Мороз», как читатели, конечно, помнят, с удивительной силой передано ощущение холода, такого холода, что у человека даже «совесть замерзла» (в черновике рукописи эта фраза в нескольких местах записана, как лейтмотив рассказа). И что же? Для того, чтобы вызвать в воображении эти, вероятно, пережитые раньше ощущения, Короленко воссоздает их по противоположным чувствованиям: затопил камин, придвинул к нему стол, и в жаркой истоме у пылающих дров, он описывает пронизывающий человека холод, на 40-градусном морозе. И при этом автор достиг поразительной силы описания, так что при чтении очерка вас самого пробирает дрожь.

Вообще, не даром указывается, что для творческой работы надо отдаление от предмета наблюдений *). Чехов тоже писал, что нужно профильтровать впечатления раньше, чем передавать их. Непосредственно, «по натуре», писать нельзя. А тут выходит, что прояснению образа помогают даже радикально противоположные ощущения.

Завязывались у нас в переписке иногда чисто стилистические споры. Привожу несколько замечаний Короленка по вопросам стиля и степени допустимости тех или иных оборотов речи:

«Согласен... что «представлять представление» очень неудобно. Не столь решительно признаю свою вину относительно движения козы «отъ берега къ берегу» и, пожалуй, на счет слития словъ и улыбки. Думаю, что въ столь скромномъ видѣ—это слитіе еще возможно. «Да,—улыбнулася онъ... Я это считаю законнымъ. Ротъ участвует и въ звукъ и въ улыбку. А вотъ ужъ—«Да,—лягнувъ онъ ногою»—неудобно, какъ и «да,—заво-звися онъ на песокъ» **). Что касается многословия: «каждый прыжокъ приближалъ ее (рѣчь идетъ о дикой козѣ) къ одному берегу и удалялъ отъ противоположнаго, то тутъ извиненіемъ можетъ служить зрительное впечатлѣніе: видишь оба берега и отношенія движущагося предмета мѣня-ются къ обоямъ»...

Вл. Г. называл свой очерк—«торопливое детище» и требовал корректуру, что бы проверить и сгладить написанное на-спех. Он предпочитал даже некоторую придирчивость, чем банальные похвалы, но знал хорошо, когда действительно ему удавалось захватить читателя мастерством художественного произведения. В общем же он всего менее «священнодействовал», когда творил, и любил представлять свою литературную работу, как повинность,

*) За обработку своих очерков «У казаков», о которых была речь Короленко приступил лишь через год (см. н.).

**) Как известно, Тургенев пародировал этот прием некоторых романистов, желающих придать «эмоциональность» стилю в ущерб правильности языка, аналогичным образом: «Ах, я вас люблю!—подскочила она... Мне все равно!—почесался он... («Новь»).

которую он отбывает, чтобы потом отдаваться полнее ощущениям бытия, или новым замыслам, которым он предавался с радостью.

«Я работаю,—писалъ Вл. Г. (22 февр. 1901 г.)—и лишь по временамъ еще меня слегка прижимаетъ опять моя бессонница. «Ямщиковъ» своихъ отослалъ и теперь чувствую себя отчасти освободившимся отъ срочной работы школьникомъ. Такъ обрадовался, что взялся совсѣмъ не за то, что себѣ намѣтилъ прежде. Началъ нѣчто странное и для самого себя неожиданное (изъ совр. жизни и не Сибирь). На мартъ едва-ли успѣю, да и не тороплюсь.

Настолько Вл. Г. не торопился,—и, конечно, с полным основанием,—дописать на-спех то, что для него самого было неожиданнымъ, что задуманный в эту пору очеркъ он напечаталъ лишь два года спустя («Не страшное» «Р. Бог.» 1903 г., февр.). Идея очерка постепенно его захватила. Сперва он отмечает в письмах обыденность провинциальной жизни: «У нас зима исчезла: тепло, тает, дожди и туманы. Полтава непроходима и почти непроезжа. Событій почти никаких. Недавно были выборы в думе,—все осталось по старому»... Затем, в следующих письмах отмечаются кое-какие происшествія, странные, по обыкновению, распоряжения властей; жизнь течет в привычном русле и тут-то Короленко ощутил это страшное в «не страшном» и создал глубоко проникновенный психологический этюд, продумывая и вынашивая его почти два года.

Вернувшись к обработке сюжета через год, Вл. Г. писал мне (10 марта 1901 г.):

«Я работаю. Кончаю рассказъ (листа въ три). Заглавіе (пока)—«Не страшное» (изъ подслушанныхъ разсказовъ). Тема для меня самого неожиданная. Не знаю, что выходитъ, но меня захватило сильно. «Не страшное»—это то обыкновенное, повседневное, къ чему мы все присмотрѣлись и притерѣлись, и въ чемъ развѣ какая-нибудь кричащая случайность вскрываетъ для насъ трагическую и дѣйствительную «страшную» сущность. Кончатъ осталось немножко, только петербургскія событія разбили дѣльное настроеніе, подѣ которымъ я находился это время.

Лишь спустя год рассказ был закончен.

Не безынтересно, б. м., привести несколько курьезов из общественной жизни Полтавы, о которых сообщал Вл. Г. Так, между прочим, вице-губернатор Баясный, заменявший уехавшего в отпуск губернатора (Бельгарда):

испугавшись чего-то, вдруг воспретилъ празднованіе 19 февраля. Предполагалось распустилъ учениковъ отъ занятій, свести на панихиду, устроить чтенія объ Александре II. Все это воспрещено. Занятія были, на панихиду школьники не ходили. Дума заготовила для нихъ пироги. Пироги раздать позволили, но (ей Богу, правда)—молча, не упоминая по какому случаю! Такъ молча роздали и молча ѣли, а если кто-нибудь и говорилъ, что былъ на свѣтѣ такой императоръ Александръ II, который освободилъ крестьянъ, то развѣ шепоткомъ и партикулярно...

В виду того, что мне пришлось в середине зимы уехать в Ницу, с больным отцом, Вл. Г. писал мне туда, давая пространные сведения о разных событіях в России. Он описывал происшествія в Харьковѣ, во время демонстраціи по поводу 19 февраля,

сообщал по поводу убийства Боголепова Карповичем, на которого, дескать, «пал жребий», что наступило—«новое начало старой истории»:

История российская начала вертеться по круговой линии: через 20 лет опять вернулись к временам террора и покушений. Путаемся, точно в темную ночь по бездорожью!»

Сообщил он подробно о побоище студентов и протесте 44 литераторов от «Союза Писателей», после которого Союз был закрыт и т. д.

В другом письме (от 6 марта, 01) Вл. Г. пишет:

«Въ воздухѣ чувствуется тревога, а значить, и нѣкоторое оживленіе, хотя бы и тревожное. Въ Москвѣ аресты, въ Петербургѣ тоже. Не знаю, читали-ли вы «объявленіе» 69 московскихъ профессоровъ къ студентамъ. Разумѣется, трудно оставаться безучастными зрителями происходящаго и попытка «наставниковъ» обратиться съ «отрезвляющимъ» словомъ къ молодежи совершенно понятна. Но... ужасно много профессора написали пустяковъ, а много нужного... не сказали. Вышло совсѣмъ не то, что нужно и т. д.

Так в перемежку с некоторыми своими замечаниями, Вл. Г. давал в своих письмах как бы хронику русской жизни, во внимание к положению приятеля «за границей». Описываемые события, конечно, общеизвестны, поэтому излишне их воспроизводить, но не могу не вспомнить с душевной признательностью это деликатное внимание писателя, отрываясь от своих заятий, писать частному лицу, уже поистине вполне «бескорыстные корреспонденции», чтобы держать в курсе событий дня человека, на два-три месяца уехавшего из России.

Весною Вл. Г., вернувшись из побывки в Петербург, решил провести с семьей лето на Кавказском побережье, близ Геленджика, в местечке, именуемом Джанхот; мне удалось в течение лета навестить его и я позволю себе здесь воспроизвести, с некоторыми дополнениями, очерк, который уже был напечатан.

ГЛАВА IV.

В Джанхоте у Короленка.

(Летом 1901 и в 1902 гг.).

В 20-ти верстах от Геленджика, где некогда жил, по возвращении из ссылки в Якутскую область, декабрист А. А. Бестужев, более известный под своим псевдонимом романиста—Марлинский, и жестоко страдал там кавказской лихорадкой, есть горное ущелье, с выходом в небольшую морскую бухту. Называется оно Джанхот. Ныне условия жизни в Геленджике совершенно переме-

нились: о лихорадках уже не вспоминают, и город обратился в курорт. Джанхот стал тоже населенным дачным местом, но двадцать лет назад колонизация только началась и одним из первых пионеров в этом деле был брат Вл. Гал.—Иларион Гал. Короленко. К нему-то Вл. Г. и поехал провести лето в 1901 г. Постройка дома на участке Ил. Г. только еще началась, так что семья Короленка поселилась по другую сторону ущелья, в д. Протопопова, через речку.

Местечко красиво и из дома Протопопова открывался широкий вид на горы, леса и узкой лентой на горизонте виднелось море. У Влад. Гал. какое-то инстинктивное влечение к красивым ландшафтам и он природу чувствует ежечасно, и в разговоре, и в письмах передавая свои ощущения в метких, коротких, но выразительных замечаниях.

Случилась «оказия»,—писал В. Г. через некоторое время по приезде в Джанхот,—и я пишу вам маленький ответ на ваше письмо... «Оказия»—это я, Соня и Наташа (дочери В. Г.), придравшие в Геленджик из Джанхота пешком. Это первое отдаленное путешествие их пешком и я очень рад. Добавьте горы, ущелья, леса, заплетенные льянами, и отчасти—опасность промокнуть... Одним словом дьявцы мои в восторге. Теперь мы в Геленджик, в гостиницу почтенного пьюща Кордеса, отдыхаем от пути и пишем письма. В открытое окно видно море и, увы!—пароход, уходящий в Новороссийск, который мог бы ответить это письмо, если бы я послал рабле.

Пока еще только привыкаем к месту (Джанхот); наша щель узка, внизу речка, вся заросшая, в овраге, представляющем нечто в роде коряны, наполненной густой зеленью. Были дожди, днем жарко—и эта горячая сырость с примесью морских испарений—разслабляет. Неделя прошла вся в лжи и истоме. Правда—вечера свежи...

«Здесь хорошо», — пишет через некоторое время Вл. Г., освоившись с обстановкой.

Непрестанно спрашивая в своих письмах о разных новостях, Вл. Г. прибавлял:

«Мой горизонт закрыть горой Св. Нины с одной стороны, Щербинским склоном—с другой. А между двух склонов, как в чашке, синий кусок моря... Жарко, темно, лживо»...

Приехал я в Джанхот уже в начале августа. Либимое время провождения днем—купанье в бухте, купанье, длившееся иногда три-четыре часа, с лежаньем на берегу, на мелком гравии, плаваньем по бухте и опять лежанием, пока ленивая волна окатывала теплой влагой распаленное на солнце тело. В один день и я, по примеру других, наполовину обратился в краснокожего. Это не мешало беседе о разных событиях общественной жизни, и спорам об искусстве, и размышлениям на самые отвлеченные темы, при всей легкости костюмов, в которых велись эти беседы. Я приехал за два дня до того, как и вся семья Короленко, и гостивший у них доктор Б. с женой собирались уже в обратный путь в Полтаву. Предстояло выкупаться в последний раз, но погода изменила: дул сильный ветер с моря, покрывшегося барашками, и довольно

внушительные волны набегали на побережье. Местные жители нас предостерегали от купанья в такую погоду, но, несмотря на ветер, было так душно и море так манило, что все-таки все пришли на пляж. Дамы расположились в некотором расстоянии, а Вл. Гал. твердо заявил: купаться можно, только с выдержкой—не отплывать далеко от берега и, в особенности, избегать того места, где гравий сменялся крутыми скалами, с большими камнями у подножья. Я поступил несколько легкомысленно: увлекшись приятностью плавания против волн, то поднимаясь на гребень, то как бы летя в пучину, и полагаясь на то, что ветер с моря; стало быть, хотя бы я уплыл подальше, но волны сами принесут к берегу, я сделал несколько сильных взмахов, не оглядываясь, думая, что отплыл всего несколько сажен. Когда оглянулся, то к удивлению увидел, что берег далеко. Я повернул назад, но меня все уносило дальше в море. Оказалось, что в бухте образовалось двойное течение как в воронке: по сторонам оно шло к берегу, в середине уносило в море. Я понял, что, увы, попал в среднее течение и меня могло занести Бог знает куда. Однако, взяв наискось, я попал, наконец в то течение, которое заметно стало приближать меня к берегу, но так как я отошел в сторону, то передо мной был уже не плоский пляж, с мягким гравием, а высились скалы и камни, о которые неминуемо расшибло бы волной. Высоко взлетали брызги, а когда волна отходила назад—оголялись совершенно неприступные скалы. Я должен был опять отплыть, с трудом уже борясь с противным течением, не смея подплыть к берегу. Как я узнал потом, на берегу в это время произошел полный переполох. Собрались соседи, служащие на виноградниках, турки-рыболовы. Одному из них предложили за «премию» пуститься за мной на доске, за полным отсутствием лодок в бухте. Он уже стал привязывать веревку, прельщенный наградой, но потом заявил: «лучше пусть один человек погибнет, чем два человека, а спасти нельзя». Турецкая фелюга была вытащена на берег из опасения, что ее может разбить, но при противном ветре нельзя ею было и пользоваться. Владимир Галактионович не потерял присутствия духа. Он заметил мой поворот, догадался, что я попал в обратное течение, и стал следить лишь за тем, куда оно меня направит, приготовившись встретить меня. Он намотал длинную бичевку кругами и когда убедился, что хватит до меня, ловким движением кинул мне один конец, как раз в то время, когда я показался на верху гребня волны. В этом была вся суть дела. Когда я ухватил конец брошенной веревки, Влад. Гал. с братом и доктором, державшими ее другой конец, оттянули меня от опасного места и, как рыбу, вытащили на плоский берег.

Утром мы всей компанией двинулись пешком в Геленджик. Когда я сел на пароход, который повез нас в Новороссийск, пассажиры мне рассказывали о «происшествии», сообщенном и в местной газете: опасно купаться, когда волнение на море,—вот, де-

скать, накануне утонул какой-то приезжий «профессор» из Петербурга; хотел его спасти В. Г. Короленко, но чуть и сам не погиб; и неизвестно, куда тело утопленника принесет... Я поспешил отрекомендоваться, как живой «утопленник», и указал на сидевшего невдалеке В. Г. Короленка, который выручил меня из беды. «Но как мог он это сделать, когда турки, опытные плаватели по этим берегам, заверяют, что нет возможности спасти, если подхватит течение»... «Да, турки не сумели этого сделать, а Вл. Г. сделал очень просто, не слушая их, а сам догадавшись, что надо было сделать, проявив лишь присущие ему качества—самообладание, выдержку и находчивость...

Через год я снова побывал в Джанхоте. Вл. Гал. жил уже тогда во вновь отстроенной даче своего брата, которая, при всех удобствах большого помещения, лишена была одного преимущества дачи Протопопова: широкого вида *). Дом был весь окутан высокими деревьями и примостился к скале у горы Св. Нины с одной стороны, а с другой купола деревьев заслоняли вид на противоположный берег речки. Моря совсем не было видно. Короленко переехали на новоселье уже в конце лета, а июнь и июль они провели еще в доме Протопопова.

«Вот, в какую глушь мы, наконец, забрались,—писал В. Г. (16 июня 1901 г.).—Письмо ваше от 2-го июня имейте литемпель «Геленджикъ 12-го»! А получил я его «съ оказіей» 15-го. Теперь сразу отвечать, опять «до оказіи». Когда вы получите его—Богъ знаетъ.

Живемъ все въ томъ же, знакомомъ вамъ, Протопоповскомъ домѣ. У Иларіона еще штукатуруютъ, кладутъ полы и т. д., и т. д. Впрочемъ, и здѣсь хорошо. Гостить у насъ теперь Гориновы изъ Илжяго. Помѣщаемся отлично.

Погода чудесная, особенно къ вечеру: прохладно, звѣздно, и среди темной зелени вереницами и хороводами летаютъ свѣтляки. Образъ жизни ведемъ легкомысленный и даже въ одеждѣ соблюдаемъ легкость; дома почти все ходимъ босикомъ. Въ остальномъ все по старому, какъ было при васъ. И даже сѣрый жеребецъ не измѣнилъ основныхъ свойствъ своего характера: въ тѣлѣжкѣ не ходить. Впрочемъ, это явно идетъ ему на пользу. Дѣвочки заключаютъ, что онъ не хочетъ признатъ себя рабомъ человѣка и относится съ нѣкоторымъ сочувствіемъ къ его протесту...

Особых происшествий в этот приезд не было. Совершали мы большие экскурсии в горы, при чем присоединялся к нам одновременно со мной приехавший молодой беллетрист и публицист Е. А. Ганейзер; по соседству была Толстовская колония **) с представителями которой у В. Г. завязались отношения, но он несколько скептически относился к их организации. Был поселок крестьян-колонистов из Полтавской губ., с которыми В. Г. вел

*) Только с вышки, в третьем этаже, был более открытый вид. Впоследствии Короленко там поселился, как он в шутку писал,—«на чердак». Но без открытого горизонта он не мог работать в охотку.

**) Известная «Криница», Еропкина. См. о ней книгу Г. Василевского Интеллигентная земледельческая община Криница. К истории исканий общественных форм идеальной жизни. Ки-ство «Посев», СПб., 1908 г.

длительные беседы. Как бы резюмируя свои впечатления общественных явлений за лето, Короленко писал мне из Джанхота в этот год: «все особы раз'езжают по свету при общем затишьи и благополучии...

Заинтересовал меня только циркуляр о прекращении статистических исследований: разумеется в такие «опасные» времена прежде всего надо закрыть глаза и не смотреть на опасность. В «Моск. Вѣд.» напечатана прекрасная статья, доказывающая, что крестьянство разорено совершенно. Но, конечно, это не за тѣмъ, чтобы приняться за улучшение этого положения. Очевидно, начинается походъ противъ «экономической политики», т. е. противъ Витте. Любопытно, что по этому поводу пишетъ Мецкерскій?..

Короленко всей душой стоял за «зрячесть» и по каждому поводу приходил в негодование, когда усматривал проявление системы закрывать глаза на действительное положение дел, замалчивая либо факты, либо значение явлений, пряча головы, как страус. И сколько последующих бедствий можно было бы предотвратить, если бы тогдашние власть имущие прислушивались к предостережениям этого скромного, но дальновидного «корреспондента», еще устами Сократа в «Тенях» настойчиво твердившего: «не спи, не спи, бодрствуй, ищи правду, афинский народ». Но неутомимый «искатель правды» в свое время дорого поплатился за свои стойкость и «бодрствование». Теперь он вкушал заслуженный отдых, ощущая, что «все сие теперь от меня далеко», но в то же время набираясь сил для новых выступлений, поводов к которым оказалось даже слишком достаточно в русской действительности.

Возвращаясь к своему прежнему замыслу о Пугачеве, Короленко писал мне в то же лето из Джанхота:

«Въ Оренбургъ еще не ѣду. Здѣсь я сдѣлалъ меньше, чѣмъ предполагалъ (какъ всегда лѣтомъ, да еще въ такую жару) и теперь возлагаю надежды на оставшіяся 2 педѣли и на «секретъ» въ Полтавѣ (т. е., что не узнаютъ объ его возвращеніи). Въ Оренбургъ ничего и зимой, тѣмъ болѣе, что вѣдь въ сущности тамъ дѣло происходило именно зимой».

Однако, поездка эта не состоялась; запросы активной жизни отвлекли в другую сторону, а к этим запросам Короленко всегда был особенно чуток.

ГЛАВА V.

Симптомы нарастающего общественного движения. — Прогноз Короленко. — Отлучение Толстого от церкви. — Еще судебный процесс. — Исключение Горького из почетных академиков. — Второе свидание с Толстым. — События за зиму в Полтаве. — Осенняя тоска и просветы.

(1901—1902 гг.).

Студенческие истории в 1901 г., побоище на Казанской площади, массовые исключения и аресты служили показателями поднимавшейся новой революционной волны в русском обществе перед началом русско-японской войны, послужившей толчком к перевороту, закончившемуся манифестом 17-го октября 1905 г.

Короленко то спрашивал об участии П. Н. Милокова, которым живо интересовался, то сообщал об арестах Струве, Туган-Барановского, Агафонова, студентов и курсисток... «Да, тяжелые времена, — писал Вл. Г. (10 марта, 1901 г.). — Мрак. Несомненно, это все вызовет новые покушения, вызванные безмерным возмущением и отчаянием»... И он многое верно предугадал. А вот еще симптом:

«Если прочтете в заграничных газетах известие об отлучении Толстого от церкви, — писал В. Г. (26 февр. 1901 г.), — не считайте это уткой. Истинная правда. Urbi et orbi это оглашено телеграфным агентством (25 февр.). Русскому телеграфу, кажется, приходится в первый раз еще со времени своего существования передавать такое известие. «Отлучение от церкви», передаваемое по телеграфной проволоке! Парadoxъ, изготовленный историей к началу XX века! Во всяком случае в этом хоръ 7-ми святителей (подъ дирижерством Побѣдоносцева, вѣроятно) есть что-то мрачное. Мережковский постарался (случайно, конечно) прибавить элементъ комическій... Одновременно съ «отлученіемъ» синода съ точки зрѣнія православія — газеты цитируютъ громы Мережковского съ точки зрѣнія декадентской. Можно себя представить, что изъ этого выходить! Еще парadoxъ: оппонентомъ Мережковскому (въ религіозно-философскомъ обществѣ) выступилъ молодой священникъ. Говорилъ на тему: есть люди, исповѣдующіе христіанство и не исполняющіе заветовъ Христа, и есть не исповѣдующіе, но исполняющіе!»

А вот по поводу ареста издателей Линда и Быкова, в Москве:

«На допросахъ у нихъ спрашивали, чѣмъ они руководствуются при выборѣ книгъ для изданій. Чортъ знаетъ, что такое! Цензура пропускаетъ послѣ самаго микроскопическаго изслѣдованія, да еще послѣ этого исповѣдуются передъ полиціей въ своихъ литературныхъ вкусахъ. Анекдотъ, да и только. А между тѣмъ известіе вполне доступное».

Упомянутое отлучение Толстого вскоре отразилось некоторым общественным «скандалом» и в самой Полтаве:

«Представьте, уже и наша тихая Полтава вступила на стезю опасныхъ приключеній — пишетъ В. Г. (11 февр. 1902 г.). — Демонстраціи, аресты».

сты и бунты. Правда, пьеса эта разыгрывается при весьма талантливомъ и дѣятельномъ участіи администраціи, которая сумѣла найти наилучшіе способы, чтобы изъ комара сдѣлать слона, но все-таки...

Дѣло происходило вотъ какъ: 5-го февраля въ театрѣ, при эффектной полутьмѣ, передъ 2-мъ дѣйствіемъ «Власти тьмы», вдругъ раздалися рукопесканія и посыпались листки съ портретомъ Толстого и съ надписью: «Да здравствуетъ отлученный отъ церкви борецъ за свободу!» Полиція растерялась. Когда опять освѣтили,—осталось только поднять нѣсколько листовъ и... кину прокламацій, ляпнутыхъ къ-то при семъ удобномъ случаѣ. Прокламаціи, говорять, глупыя и явились контрабандой для самихъ устроителей манифестаціи.

Это начало. Дальше уже выступаетъ тактъ и умѣлость администраціи. Въ ночь на 8-ое (кажется) число три роты солдатъ оставляютъ подъ ружьемъ, солдатамъ выдаютъ по 15 боевыхъ патроновъ. Вы легко себѣ представите, что въ небольшомъ городѣ это мгновенно становится извѣстно всѣмъ. Затѣмъ производится сразу масса обысковъ (грубо, безцеремонно, нагло) и до 60 арестовъ (въ томъ числѣ одна гимназистка). Ихъ отвозятъ въ тюрьму. Кое у кого кое-что найдено, большинство—совершенно зря.

Затѣмъ,—раздраженные арестомъ и наэлектризованные общимъ настроеніемъ арестованныхъ сначала требуютъ (совершенно правильно) объясненія причинъ ареста. Имъ отказываютъ. Тогда они выбиваютъ окна и объявляютъ голодовку. Къ нимъ пристають уголовные арестанты, начинается звонъ стеколъ, крики, собирается огромная толпа народа, которая,—представьте!—выказываетъ явно сочувственное демонстрантамъ настроеніе. Когда же съ одной изъ заключенныхъ случилась истерика, то арестанты, подумавъ, что это «бьютъ студентовъ»—выбиваютъ двери и являються къ нимъ на защиту. Площадь занимаютъ войска, останавливаютъ всякое движеніе, и теперь, чтобы пройти къ себѣ домой,—гимназисты, живущіе на той же улицѣ,—идутъ подъ конвоемъ солдатъ! Сегодня утромъ это еще продолжалось (вчера—весь день), но съ половины дня стихло. Предводитель дворянства Бразоль и князь Эристовъ ѣздили къ губернатору просить свиданія для родственниковъ, что, конечно, одно и могло бы нѣсколько успокоить раздраженную молодежь.

Любопытно, что простой народъ (подъ вліяніемъ извѣстій о Кіевскихъ безпорядкахъ, гдѣ студентскіе мундиры идились среди массъ рабочихъ) единодушно становится на сторону «студентовъ», создавая своего рода мифологию,—странную, фантастическую, но сочувствующую... «Студенты за чернь», «студенты за бѣдныхъ людей». Вотъ!..

Настроение въ широкихъ слояхъ общества начинало принимать определенную окраску, но все это еще была только прелюдия. Короленко прислушивается къ ней, регистрируетъ симптомы, но пока еще онъ остается совершенно в сторонѣ отъ движенія. В. Г. засѣлъ вплотную за литературную работу. Еще въ сентябрѣ (6-го) 1901 г. онъ писалъ:

«Чувствуя себя хорошо,—работаю: пишу теперь свои путевые очерки по Уралу и двинулъ ихъ настолько, что уже сообщилъ въ редакцію (Ник. Кошк. Михайловскому), о томъ, что пришлю ихъ на октябрь. Это просто безцѣлостное изложеніе впечатлѣній, встрѣчъ, картинъ степной природы, вообще-то, о чемъ я много рассказывалъ въ разговорахъ. Работаю съ удовольствіемъ и чувствую себя такъ, какъ будто продолжилъ себѣ лѣтніе каникулы и опять ѣду по степнымъ дорогамъ, бесѣдуя съ сѣдыми казаками и сплю подъ открытымъ небомъ на возахъ. Большая половина готова, будетъ на 2 или даже на 3 книжки. Мечтаю о томъ, что къ концу сентября доѣду до конца и тогда—до января, на 3 мѣсяца свободенъ, какъ птица, и возьмусь за другія темы, а также за подготовку изданія».

Но ожиданія Вл. Г. не оправдались: два мѣсяца спустя (2 ноября) онъ пишетъ, что его очерки «У казаковъ» затянулись и веро-

ятно самый хвостик (на декабрь) придется оканчивать в Петербурге или Куоккале»... *).

Об этих очерках мы уже говорили. Отрывают от рабочего настроения автора все неблагоприятные известия о надвигающейся грозе:

«До насъ доходятъ скверные слухи,—пишетъ В. Г. (ноябрь):—то объ упраздненіи земства, то объ уничтоженіи суда присяжныхъ. Провинціи только ждуть да ежятся, ожидая, что еще придумаютъ въ столицахъ. Всюду толки о томъ, что реформа продовольственного устава оказалась чортъ знаетъ чѣмъ: все нерасчитано, не прилажено, глупо и непрактично. А тутъ на всѣхъ порахъ летятъ новые проекты еще болѣе важныхъ глупостей... Просто не хочется вѣрить, да ужъ время-то такое особенное: всему поверишь.

Провинция в целом еще не проявляется, по крайней мере, наружно. Тогда как вести о том, что сбежал за границу редактор «России» Сазонов, «смирненно некогда посещавший четверги кн. Мещерского и печатавший недавно лакейские аполлогии Сипягину», слухи о дерзком фельетоне Амфитеатрова, *Old gentleman* из «Нов. Врем.», который-де сослан административно на каторгу (?), озадачивают Короленка: «Как это могло случиться? что это такое? И какая под этим психология? Между тем,—пишет Влад. Гал.:

«У насъ-то все тихо и смирно... Какъ будто хочетъ начинаться зима (письмо отъ 22 янв.). Все побѣгло и снѣгъ порхаетъ въ воздухѣ. На улицахъ тихо и даже не вѣрится, что люди пишутъ дерзкіе фельетоны, убѣгаютъ за границу и пр. и пр. Вообще же что-то въ Россіи заваривается...

Поставив правильный прогноз нарастающим событиям, Короленко, как указано, еще стоит в стороне от движения. Остается он верен своему пристрастию к судебным процессам, когда в них затрагивают или национальный вопрос, или вопрос веры, и вот, через неделю, он уже в г. Сумах, Харьковской губ., на разбирательстве дела «павловцев», разгромивших церковь, вняв иступленной проповеди на тему о «разрушении церквей» какого-то фанатика Тодозіенко или Федосіенко. Однако, в зал суда ему не удалось проникнуть, а от роли защитника он отказался. Приехали талантливые прис. пов. Маклаков, Муравьев и др., так что Короленко не счел нужным вмешиваться, тем более, что поведение этого Тодозіенко показалось ему сразу подозрительным, его

*) Однако, В. Г. предпочел все-таки закончить работу на месте, чтобы в Петербург «явиться уже «бесхвостным» и свободным». Таким образом, его приезд несколько задержался, и в Петербург он приехал лишь в конце ноября; направился он прямо в Куоккала, где в ту пору жил Н. Ф. Анненский, лишенный права въезда в столицу. Арест и затем высылка Ник. Фед. относятся также к числу «курьезов» распоряжений администрации, которая не предъявила никаких обвинений и неизвестно за что заставила Анненского переселиться всего на полтора часа езды от Петербурга. Короленко пробыл с месяц; в новом году он уже вернулся в Полтаву, где, между прочим, в эту пору у него гостила Е. К. Бреншк-Бреншкская: «человек интересный, обломок старого движения (70-х годов), товарища Прасковьи Семеновны (сестры жены Вл. Г.) по Забайкалью».

роль—чуть что не провокаторской. Впечатление на него произвела лишь поразительная «темнота» увлеченных проповедью Тодозienко и фанатизм толпы. Загипнотизированные этим странным человеком крестьяне села Павловки:

«шли разбивать церкви, как на праздник. Женщины поднимали на руках детей, мальчики и девочки хлопали в ладоши и кричали: «правда идет, правда идет». Очевидцы рассказывают изумительные вещи: переломанными руками они все еще трясли решетку и бегали по сломанным ногам, пока не происходило полное смещение костей. Очевидно боли не чувствовали. Загадочным представляется то, что этому Тодозienко начальство позволило фанатизировать павловцев, собирать собрания, ходить по селу толпой и т. д., в то время, как до тех пор им запрещали собираться в одной избе даже по 4 человека—сейчас составляли протокол и земский начальник штрафовал на 50 руб. Таким образом, их фанатизировали с двух сторон. Сначала страшными сценками, потом внезапной и необъяснимой свободой проповеди Тодозienко. Темнота тоже изумительная..

Процессом «павловцев» Короленко не зажегся», как некогда мултановским делом. Думается нам, что форма, в которую вылился иступленный фанатизм толпы, слишком претила его натуре.

В большей мере взволновал его инцидент с Горьким по поводу неутверждения его в звании почетн. академика при разряде изящной словесности Академии Наук. С А. М. Пешковым-Горьким у Короленка были давние отношения, еще по Нижнему-Новгороду. Начинаящий писатель из «босяков», с задатками яркого дарования, но еще не «нашедший себя», не справлявшийся с формой и в содержании выказывавший свойственную многим молодым талантам неуравновешенность, привлек внимание Короленка, который руководил его первыми опытами. Горький впоследствии и сам признал значение Короленка в его литературном воспитании. Один из ранних удачных очерков Горького—«Чалкаш»—был принят Короленком для «Русс. Бог.», несмотря на то, что идеи автора не совсем вязались с общим направлением журнала. Но художественные достоинства рассказа брали верх над «тенденцией» писателя. Горький оценил и те замечания и поправки которые были предложены Короленком. Личные отношения не играли, впрочем, никакой роли перед фактом кассированных выборов «автономной коллегии» по царскому приказу. Короленко не мог пассивно отнестись к акту совершенного произвола. Он телеграфировал мне с запросом, как реагирует Академия, прежде всего желая сговориться с коллегами. Вслед за телеграммой шлет письмо (11-го марта 1902 г.):

«Поразило меня (газетное известие об инциденте с Горьким) чорт знает как. Прежде всего—«дознание» не есть законный повод для неутверждения каких-бы то ни было выборов. Значит, это незаконное вмешательство «административного порядка» со всем его произволом в дела уже академич. Я убежден, что то чувство, какое испытал я, разделяют и многие академики и, значит, будет экстренное собрание. Если да, то я, по получении известия, немедленно їду в Петербург, чтобы участвовать в заседании. Конечно, нужно ждать более подробного сообщения... но... Господи, какая это большая глупость! Как будто нарочно,

чтобы придать факту как можно больше огласки и шума. Почета, оказанного Горькому выбором, все равно не устроишь; но к этому прибавлено мелочное раздражение «правительства», незаконный акт и оскорбление ведем нам, выбиравшим...

Одним словом, вышло чортъ знать что и, по моему, заседание академii необходимо. Неужели его не будетъ? Мнѣ сейчасъ, по моимъ дѣламъ, ѣхать неудобно, но я рѣшилъ все бросить и ѣхать, какъ только получу извѣстіе о засѣданіи. Въ противномъ случаѣ—придется подумать о томъ, какъ же выйти изъ этого глупаго положенія уже сепаратно.

То, что правильно квалифицировал Вл. Г., как прежде всего «глупость», а потом и хуже, представлялось в ту пору довольно обыденным явлением нашей внутренней политики. С другой стороны характерна была и та пассивность, с которой даже высшие представители образованного класса общества относились, вообще, ко всяким актам административного произвола, в частности—такое же отоншение проявили академики и к данному случаю. Никакого экстренного заседания не состоялось. Короленко написал обстоятельное письмо академику А. И. Веселовскому, досказывая его необходимость, но запрос остался без ответа. В этом письме, Вл. Г., главным образом, напирал на два аргумента: во-первых,—писал Короленко,—«участвуя в выборах, я имел право быть приглашенным также к обсуждению вопроса об их отмене, если эта отмена должна быть произведена от имени Академии. Тогда я имел бы возможность осуществить свое неотъемлемое право на заявление особого мнения»; во-вторых,—«мы рискуем что нам могут быть диктуемы те или другие обязательные взгляды и что о перемене наших взглядов на те или другие вопросы (жизни и литературы) может быть объявлено от нашего имени, совершенно независимо от наших действительных убеждений»... Аргументация не помогла и оставалось только действовать «сепаратно». Но он не хотел дешевой демонстрации и предварительно пытался испробовать все средства, чтобы отстоять «достоинство» разряда изящной словесности при Академии Наук. Он приезжает в Петербург, видится с сочленами по отдел. русск. яз. и слов., пытается убедить Веселовского, но академики утвердились на позиции игнорирования акта об исключении Горького и решительно отказывались от какого бы то ни было публичного заявления. Короленко возвращается в Полтаву, еще медля действовать единолично *), а затем на Пасху едет в Ялту на свидание с Чеховым и с Толстым.

«Я съездила въ Ялту,—пишет В. Г. отъ 28 мая 1902 г.,—частью чтобы повидаться съ Чеховымъ, частью по телеграммѣ брата. Былъ у Толстого. Поѣздкой чрезвычайно доволенъ. Чеховъ, вѣроятно, отложитъ свое заявленіе до осени и это, по моему, хорошо. Я «выйду» на-дняхъ, это

*) Несколько позже (в апреле) Короленко, получив уведомление о торжественном заседании II отделения Акад. Наук в память Жуковского и приглашение участвовать в нем, писал мнѣ: «прикрыть маленькое публичное заурядное лачкомъ торжественного собрания и—коней! Чехов пишет, между прочим, что совершенно согласен с моимъ заявленіем. Значит, нас двое, во всякомъ случаѣ, будетъ».

дѣло, по многимъ причинамъ, необходимое. А академіи все-таки придется еще вернуться къ вопросу. Съ Толстымъ объ академіи почти не говорили (я этого не хотѣлъ), но очень интересно провели часа три. Удивительный старикъ. Тѣло умираетъ, а умъ горитъ пламенемъ. **Теперешній Толстой** и Толстой, котораго я видѣлъ 13 лѣтъ назадъ,—два разныхъ человека. И, между прочимъ, отъ «непротивленія» едва-ли остались и слѣды. Онъ писалъ недавно письмо государю, которое начиналось обращеніемъ «Любезный братъ». Письмо было передано. Толстой ждалъ отвѣта съ страшнымъ нетерпѣніемъ, но не дождался. Въ письмѣ онъ предупреждаетъ, что Россія готова вступить въ революціонный періодъ своей исторіи и что на государя лежитъ ответственность. Еще можно остановить все это, но скоро будетъ поздно.

Здоровьемъ онъ слабъ, хотя теперь ничего особеннаго нѣтъ. Графиня мечтаетъ, что можно будетъ перевезти Льва Николаевича 10-го мая въ Ясную Поляну. Но это именно мечта.

Послѣдовавшіе затемъ заявленія Короленка и несколько позже Чехова об ихъ выходе изъ составахъ почетн. академиковъ общезвестны.

Возвращаемся къ некоторымъ событіямъ общественной жизни в Полтаве, за эту зиму 1901—02 г., о которыхъ сообщаетъ Короленко в своихъ письмахъ.

В началѣ января онъ принималъ деятельное участіе в организаціи чествованія памяти Гоголя в Полтаве, будучи избранъ председателемъ комиссіи по устройству этого празднованія. «Ладья сего чествованія двигалась между двумя полюсами,—писалъ по этому поводу Короленко (22 января 02 г.):»

«Дума хотѣла устроить «для школьниковъ». Я возразилъ, что Полтавѣ неудобно сдѣлать изъ годовщины Гоголя только школьный праздникъ. Со мной согласились. Тогда чехъ-учитель Коваржикъ предложилъ пригласить представителей «славянскихъ земель». Съ нимъ тоже всѣ согласились. Тогда я, со вздохомъ позволилъ себѣ обратить вниманіе на то, что вѣдь **пригласить** значитъ и **принимать**. А въ распоряженіи комиссіи на все—1075 руб. (отъ города, отъ губ. и уѣздовъ земствъ). Второе засѣданіе случайно состоялось безъ меня и тамъ опять вернулись къ чисто школьному празднику, при чемъ для расширенія его значенія рѣшено (какъ было предложено и раньше)—пригласить нѣсколько ученыхъ для прочтенія лекцій»...

О самомъ чествованіи Короленко **рассказалъ в печати** *), по этому мы на этомъ эпизодѣ не останавливаемся.

Между прочимъ, хотя Вл. Г., какъ уже не разъ указано, держалъ себя в сторонѣ отъ революціоннаго движенія и ни в какихъ «конспираціяхъ» в ту пору не принималъ участія, за нимъ устроена была «слежка» и некоторое негласное наблюдение. Еще в Петербургѣ даже ко мнѣ заходили какие-то загадочные лица, справлявшіеся о немъ (в одинъ изъ своихъ приездовъ в Петербургъ Короленко останавливался у меня). Такъ, приходила какая-то девица, очень путанно и сбивчиво рассказавшая мнѣ, что ей очень, очень нужно видѣть Вл. Г. и не хотела верить, что его в данное время не было

*) Къ Гоголевскимъ днямъ в Полтавѣ, «Русск. Ведом.», 1902, № 52.

в Петербурге. Я посоветовал Бог», но на всякий случай верке и то и другое оказал Новую Деревню!). Приходил в цилиндре, который сидел на вая мне какие-то выразительные знаки, где скрывается (?) I нами»... Разумеется, я его этих случаях вспоминал К слухи о его мнимом аресте зывается, у дверей его дом записывал приходивших к субботам, вечером. Короли и «собирались по этому «властей», чтобы они своей. Когда-то, по поводу т с директором департа. полиции. Теперь история начинается снова, и так будет, вероятно, до конца моих дней»...

Между тем в эту пору Короленко стремился действовать во всем вполне лояльно и скрыто, и его «вина» заключалась лишь в том, что он ясно видел ошибки и порой преступные погрешности системы управления в России и предугадывал результаты, к которым это неизбежно должно было повести.

Весна в Полтаве 1902 г. ознаменовалась двумя событиями — надвигавшимся голодом и приходом Плеве.

«Пишу на второй день Пасхи. У нас все спокойно, — произносит Вл. Г. (15 апр. 1902 г.), — только по улицам ходят патрули из солдат, да, говорят, выписана сотня извощиков. Разумеется, все слухи, как и можно было ожидать, оказываются пустыми: никто на Полтаву не идет. Движение в уездах оказалось довольно широким, построенным на фантазиях, составляющих обычную подложку крестьянского мироздания, но еще более — на голоде. Меры Сивилева относительно «народного довольствия» достигли цели: никто и не знает, что подкрадывается голод; т.г. земские начальники считают все благополучным, а мужикам нечего было ни есть, ни спать.

И как всегда, — жестокость усмирения во много раз превзошла жестокость бунта. Крестьяне (и не только «запорожцы») в одном месте ранили управляющего или приказчика. А крестьяне несколько убили, несколько привезли раненных в больницы и пороли, пороли. Оболенский в своей укротительской ревности вторгся в пределы чужой губернии и порол полтавцев. О нашем Вильгельме говорят, что он действительно «умиренно» и все-таки передавать, что запорожь на смерть старосту, который сказал, что его еще не взяли (у него были медали и кресты, и он думал серьезно, что закон что-нибудь значит). Передают, что он не явился на зов губернатора. Ему сначала дали 80 ударов, потом еще 40. Так действовали «умиренные» и благоразумные люди.

Да, мне все вспоминается на первый взгляд парадоксальное мнение мое, — что «сводворители порядка» всегда почти по сумме жестокостей превосходят «бунтовщиков». И были-то же усмирители, т.е. без надобности, отличившая за свой испуг. Страх — ужасно плохое чувство, рожающее жестокость.

ей обратиться в редакцию «Русск. й записал адрес и фамилию. По про- алось вымышленным (адрес был дан в пл еще какой-то молодой человек, в цин- нем, как седло на корове, и, подмигива- ельные знаки, внушал, что я, конечно, Короленко и что это останется «между выставил без всяких объяснений. Об Короленко в своих письмах, сообщая ш о пропаже многих писем. Даже, ока- а приставлен был городской, который В. Г. гостей, в его приемные дни по- нко вступил в объяснение с городским по поводу поговорить с кем-нибудь из «тайный надзор» производили потонь- аких же историй в Нижнем, я говорил ции (тогда был Дурново), и это устра- няется снова, и так будет, вероятно,

И вот, стало-быть, волнение и хотя бы даже «бунты», возникшие на почве голода и нужды, возводятся в революционное движение, против которого принимаются не только строгие, но жестокие меры. Это приводит к тому, что недовольство растет, углубляется и действительно вскоре должно будет принять формы настоящей революции. В Полтаву приезжает министр внутренних дел Плеве.

«Он говорил довольно сладкия речи,—пишет В. Г. (29 апреля 1902 г.),—земцамъ, а потомъ уѣхалъ. И велѣлъ за этимъ предложено выйти въ отставку А. А. Руссову, завѣдующему статистическимъ отдѣленіемъ. Въ прошломъ году онъ произвелъ небывало широкое обследованіе съ очѣночными дѣлами, на которое затрачено сотни тысячъ. Все это безъ него можетъ просто пропасть. Затѣмъ, говорятъ, будто въ совѣщаніи съ мѣстными людьми Плеве призналъ важнѣйшей причиной безпорядковъ—нужду. Теперь по селамъ расквартированы военные постои, которые раззоряютъ въ конецъ, а г.г. судейскіе юристы (особенно прокуроры) распорядились арестовать какъ можно больше народа. Хватаютъ и наполняютъ тюрьмы. Это—«мѣра пресѣченій»—какъ будто мужики разбѣгутся отъ суда. И все это—въ разгаръ весеннихъ работъ! И мы кричимъ о вѣрствахъ англичанъ съ бурами, о томъ, что англичане раззоряютъ фермы!..»

Короленко возвращается к рассказам об экзекуциях Оболенского и Бельгарда, которого уволили за то, что он будто бы не принял достаточно суровых мер, хотя и он сек беспощадно. «Интересно, прибавляет В. Г.,—даже не подумали о том, что ведь крестьянская масса объяснит отставку губернатора, конечно, не тем, что он сек мало, а тем, что усмирят, вообще!».

«Любопытная маленькая подробность: знаете-ли кто пустил эту смуту и бунтъ? Конечно, «студенты», потомъ какіе-то генералы, разбѣжавшіе по селамъ и еще... В. Г. Короленко! На-дняхъ былъ здѣсь Яковенко *), сообщилъ мнѣ, что ему говорилъ въ Миргородѣмъ уѣздъ мужикъ: есть въ Полтавѣ такой Короленко. Все отъ него! (Мужикъ сказалъ становой приставѣ). Затѣмъ тотъ же разговоръ на жел. дорогѣ слышала другой мой знакомый. Неожиданная, неправда-ли, версія? Откуда могъ это слышать миргородскій приставъ? Впрочемъ, пристава слышать очень многое, «чего и не снилось нашимъ мудрецамъ!»...»

Немного спустя, Короленко, сообщая (от 22 мая, 02), что,—«здесь пока все спокойно, слава-те Господи», прибавляет: «Только горя пропасть: мужиками наполнены тюрьмы, семьи голодают, просто ужасно...» Так постепенно увеличивалось недовольство в народе и «начальство» деятельно способствовало, под видом репрессий и «укрощения», под'ему революционного брожения, которое через некоторое время принесло свои плоды.

О летней поездке и в этот год Короленка с семьей на Кавказ уже была речь.

Возобновлялись у нас споры в письмах и по чисто художественным (о Врубеле) и литературным вопросам, главным образом, о Метерлинке, к которому Короленко продолжал относиться с

*) Валент. И. Яковенко, известный литератор и издатель, один из душеприкащиков Павленкова.

некоторым предубеждением. И даже книга о «Пчелах» его не совсем удовлетворила, а по поводу «Монны Ванны» он заметил: «Метерлинк поставил (в этой пьесе) огромный вопрос и увильнул от его решения».

Возвращается он (п. от 16 ноября, 02) к событиям, о которых рассказывал весной, и с повторяющимся не раз вступлением: «в Полтаве у нас тихо», сообщает далее:

«Комитеты» ведут (за рѣдкими исключениями, напр., Лохвицкаго и Миргородскаго) совершенно незамѣтное существованіе. Бунтовщики осуждены, изрѣдка производится болѣе или менѣе неосновательные обыски и аресты... Однимъ словомъ, все такъ сказать, въ порядкѣ, т.-е. въ порядкѣ обычномъ. Удивило меня, признаться, и удивило очень пріятно письмо кн. Оболенскаго (по поводу ходатайства Качуры). Чѣмъ бы оно ни объяснилось,—оно хорошо и умно. Меня удивляетъ только, какъ примирить этотъ тонъ и это настроеніе съ безобразными порками, которыя тотъ же Оболенскій допускаетъ по отношенію къ населенію, къ массѣ... А насилія самыя безобразныя дѣйствительно были...

Недавние грозные происшествія понемногу заволакиваются плесенью обыденщины. Короленко о нихъ помнитъ и вспоминаетъ, но не видно движенія; безобразные порки замазываются «хорошей» речью, а параллельно идутъ обыски, аресты... все «въ порядкѣ». И вотъ вскоре на Короленка нападаетъ тоска, но рядомъ и просветъ: что-то новое зарождается и это новое чревато послѣдствіями. Онъ усиленно зоветъ приехать къ нему и прибавляетъ:

«а то—правду сказать—тоска здѣсь непроходимая. Допосады до насъ отголоски какой-то гдѣ-то жизни, а у насъ сонно и глухо. Помѣщикъ напуганъ, осовѣлъ и ожесточился; земское собраніе прошло вяло и тускло. Подъ конецъ, между прочимъ, случился инцидентъ: гласнымъ было прислано въ закрытыхъ конвертахъ воззваніе отъ «группы освобожденія». Члены управы Саранчевъ и Малама, прочитавъ свои экземпляры, тотчасъ же обобрали всѣ конверты, даже не церемонясь ни мало съ тѣмъ, что они адресованы не имъ,—а председатель отвезъ ихъ губернатору. Такимъ образомъ, земцы были ограждены отъ яда, хотя... содержаніе, конечно, стало извѣстно очень быстро. Тѣ же Саранчевъ и Малама охотно разсказывали о томъ, что они прочитали. Говорятъ, записка составлена хорошо...

Какъ дальний звонъ прогуделъ этотъ первый призывъ «группы освобожденія». Короленко еще не въ курсѣ—изъ кого она состоитъ, какой текстъ присланъ—онъ объ этомъ судитъ лишь по наслышке. Но онъ уже сочувствуетъ почину, а спустя некоторое время, В. Г. ближе сходитъ съ членами группы, посылаетъ статьи П. Б. Струве въ организованный имъ за границей журналъ «Освобожденіе» и дѣтельно пропагандируетъ его, а также те идеи, которые одушевляли вновь возникшую въ средѣ русской интеллигенціи «группу освобожденія».

ГЛАВА VI.

«Юбилейный год» (1903).—«Огоньки». —
Раз'езды и «хождения» Короленка. — 4
в Москве.

В феврале 1903 г. Короленко решил на более долгий срок, с заездом в Лохное чувство, испытанное им осенью, жетом, что происходит в столицах, наконные дела—все это в совокупности побуменно с Полтавой, которую ранее он ровье его было не совсем удовлетвори-чаться. Между тем уже начинались ра-шие в провинциальную печать, об устр-чествований в разных местах по случа-ния летом. Влад. Гал. не приписывал с-которое придавали его имени, но, так-пить, чтобы дать возможность людям с-пожелания и надежды, имеющие общес-привязываясь к его имени. Он против э-дал точную справку о дате рождения, т-бросовестности, когда чествования нача-сроки.

Действительно, нужно признать, чт-Короленка служило общим лозунгом дл-слящих людей без различия партий. И о-году его коротенький очерк «Огоньки», и повторяемый бесчисленное количество Любопытно напомнить, что эта странич-ческом образе задушевные чаяния авто-мизм, была первоначально написана в-одной писательницы (Мар. Вал. Ватсон) характер интимного признания, не для-попало в печать и оказалось, что Коро-строение огромной массы русских инте-ный возглас очерка—«все-таки... все-так-быстро крылатым словом. В тоне настр-и его другой очерк «Мгновение».

Пока В. Г. относился пассивно к при-и только твердо решил на время «исчезну-в Петербурге осенью ему не удалось из-кета, о чем речь ниже.

Кончина матери В. Г. —
ествования в Петербурге и

и-лся поехать в Петербург-лицу и в Москву. Тоскли-вание узнать подробнее о-ец, очередные редакцион-дило его расстаться вре-только расхваливал. Здо-гательно и пришлось поле-зговоры, отчасти проник-ойстве юбилея, т.-е. ряда-50-ти летия его рожде-ебе лично того значения, сказать, готов был усту-обираться и высказывать-венный смысл, формально-того не возражал и если-о скорее из простой до-лись с весны в разные

о в данный момент имя-ия всех прогрессивно-мы-обую роль сыграл в этом-облетевший всю Россию-раз почти всей прессой.а, передававшая в поэти-ра и его светлый опти-1900 г. просто в альбом-и, стало-быть, носила-печати. Но оно вскоре-ленко чутьем угадал на-плигентов. Заключитель-и... впереди огни»—стал-оения того времени был

готовлениям чествования-ть с горизонта»; только-ежать юбилейного бан-

Между тем в эту весну ему пришлось перенести тяжкое горе— смерть матери. Я побывал у Короленка в Полтаве на Пасхе и застал Евелину Иосифовну, когда, видимо, дни ее были сочтены. Вл. Гал-чу казалось, что может быть она еще поправится, хотя вскоре и он дал себе отчет в неизбежном приближении конца. С наступлением теплых дней ей, действительно, было как-будто лучше, но при горловой чахотке эти симптомы, как известно, очень не надежны. Ее вывозили ежедневно в сад, в большом кресле на колесах и Вл. Г. писал мне, после моего отъезда из Палтавы (24 марта):

«Я ее сажаю в кресло, как ребенка.. Часа по 4 она проводит в саду. А погода у нас чудесная, жарко, тихо, не пыльно, сад распустился, достаточно тени—и яблонь все в цвету. Нет сомнений, что все это хоть отчасти действует на ее настроение, хотя силы все падают».

И Вл. Г. усиленно работает, усаживаясь рядом с дорогим ему человеком:

«Забираю с собой чернильницу, портфель с бумагами и ухожу в сад, вывозя туда же и мамашу. У меня есть там отдельный стол, в тени, работать отлично. Наши все сидят обыкновенно тоже в саду за круглым столом. Все было бы хорошо, если бы не состояние матери: силы падают, боль горла, слабость, вообще, жизнь тает... хотя сама она не сознает своего положения».

Евелина Иосифовна скончалась 30 апреля, ранним утром, скончалась «тихо, точно заснула», как сообщал мне Влад. Гал., присутствовавший при ее последнем вздохе. Ее засыпали цветами и венками и тело предано земле в Полтаве, ставшей почти что родным городом Владимира Галакта. и его семьи.

Прошло около трех недель и Вл. Г. все еще находился под впечатлением тяжелой утраты. Он пишет (от 20 мая 1903 г.):

«Все, связанное со смертью матери, теперь уже как бы ликвидировано, только осталась, и думаю на всю жизнь с одинаковой свѣжестью, болящая пустота. Конечно, мы были подготовлены и горечь этого сознания, распределенная на продолжительное время, притупилась. Но только, когда все это кончилось, я почувствовал, сколько горя в этом, ставшем совершенно неизбежным конце. Я удивлялся, как могла она дорожить этой мучительной жизнью, но теперь часто, глядя на ее кресло, которое и теперь стоит в ее комнате, я чувствую острое сожалѣніе, что не могу опять поднять ее изстрадавшееся, измученное тѣло, посадить в кресло и вести в сад... И теперь, кажется, готовъ бы вернуть хоть эту степень жизни, хоть на несколько мѣсяцевъ, чтобы еще договорить с ней многое, что осталось недосказаннымъ...»

Теперь приходится только заканчивать похороны, т. е. ставить решетки, памятникъ и т. д.»

В эту пору Вл. Г. все же усиленно работал и над «Путешествием казаков», и над очерком «Феодалы», законченным им лишь осенью, и над рядом публицистических статей. Но работу он скоро прервал, чтобы ехать через Бендеры в Кишинев.

Известие о происшедшем там еврейском погроме сильно взволновало его и он захотел осмотреть лично следы происшедших событий. В результате поездки получился очерк «Дом

№ 13», на конкретном, выразительном примере передающий весь ужас попроба. Но корреспонденция Короленка на эту тему и в «Рус. Вед.» и в «Рус. Бог.» не могли быть напечатаны по условиям тогдашней цензуры.—«Хотя я, таким образом,—писал Вл. Г.—убил зря 2½ недели дорогого времени, польза одна: я все равно не мог ни о чем свободно думать, пока не отдал эту—малую и плохую—дань болящему вопросу» *).

Почти все это лето провел Вл. Г. в разъездах и переездах, возвращаясь в Полтаву и снова уезжая. В самой Полтаве состоялся его переезд на другую квартиру (д. Будаковского), на крутом обрыве, покрытом садом, в конце города, с широким видом на Псел, что так ценил Короленко, для которого красивая местность—почти необходимое условие для жизни и творчества. И в это лето он приобрел участок, близ Миргорода — в Хатках, тоже соблазненный красивым местоположением, и стал на нем строиться. А пока происходили его чествования по разным городам, Вл. Г., с котомочкой за плечами, совершал «хождение» по Тамбовской губ., привлеченный картиной скопления народа по случаю открытия мощей Серафима Саровского. С пути еще, добираясь до места по жел. дороге, он пишет открытку: «Зной стоит тропический. В вагоне 30°, несмотря на открытые окна. К своему удивлению, я не особенно страдаю от жары и не испытываю отдышки. Может быть, благодаря заступлению св. Серафима и благочестивой цели моего путешествия»... Но вот, наконец, он спешился и пишет из Дивеева, «куда пришел вчера с двумя товарищами:

«Чтобы еще точнее определять свое местопребывание, скажу, что в данную минуту я нахожусь на сеновале у одного из Дивеевских жителей. Это четвертый день нашего пешеходного путешествия. Сегодня сдвинул себя дневку, главным образом потому, что я набил себя жестоко мозоль, благодаря неудобному сапогу. Во остальных отношениях чувствую себя превосходно и путешествием очень доволен. Некоторые моменты оставили во мне глубокое впечатление. Почевал то в монастырь (Понятаевском), то в полупустых деревнях и селах. Идем втроем: со мной еще муж А. С. и случайный спутник—мелкий торговец из Аткарска, человек очень непосредственный и богомольный. 15 июля провел в дороге. С начала под палящим зноем, потом ливнем в полдн, наконец, в небольшой деревушке в избу, наполненной мужиками из «охраны». Завтра идем в Саров ранним утром, чтобы к вечеру выбраться оттуда: там пришлось бы почевать под открытым небом, а мы очень налегк. Поча же холодныя...

Из Тамбовской губ. Короленко отправился снова в Румынию, где любопытным образом «заблудился», попав не в то место, куда ехал, однако, разумеется в конце-концов добрался до цели. Только в сентябре, вернувшись в Полтаву, он принимается за просмотр «юбилейной литературы» и очутился «среди хаотической кучи телеграмм: их более 300, кроме писем и адресов»—сооб-

*) Очерк был напечатан отдельной брошюрой в Харькове, два года спустя.

шил Влад. Гал. Особенно его тронуло приветствие Чехова, который, — «кроме общей телеграммы с «Русск. Мыслью», прислал еще особо от себя три строчки, душевных и хороших. Я его очень люблю и это была одна из тех телеграмм, которые я отнес не только к писателю-юбиляру, но и лично к себе. Вообще же, — не мало есть искренних и душевных, читая которые видишь, что люди писали не фразы... И становится немного страшно: заслужил ли и заслужишь ли?»... И тут же кстати Вл. Г. сообщает, что своими «корреспондентскими поползновениями, обидел некоторых из полтавских думцев, с головой во главе», — указанием на постыдную боязнь слов «самодеятельность» и «самоуправление». «Этой корреспонденцией я сунул палку в колесо своим полтавским друзьям, собиравшимся как раз в это время поднять в думе вопрос о моем «чествовании»... Ну и, конечно, поднялась маленькая буря... считаю себя, впрочем, совершенно правым». Разумеется, Вл. Г. был прав и очень характерно, что он устроил этот «скандал», как он выразился, именно в то время, когда сочувствующие ему благоприятели хотели устроить чествование. Он напомнил, на какой позиции он сам стоит, чем дорожит и как высоко ценит права и обязанности независимой, свободной личности, ни перед чем не поступающей своим достоинством.

Имя Короленка, как мы говорили, стало лозунгом для всей передовой интеллигенции того, чем должен быть и к чему стремится всякий гражданин, в лучшем значении слова: вскоре в нем признают и наилучшего выразителя требований общественной совести. Пускай идеалы эти во многом элементарны, но в этических вопросах суть не столько в отвлеченных принципах, как в умении согласовать слова и дела, в цельном человеке, действующем и мыслящем согласно душевным побуждениям, верящим в человека, и знающим к чему эта вера обязывает. Вот что в особенности, помимо чисто художественного значения произведений Короленка, привлекало к нему сочувствие представителей самых различных профессий и объединяло всех престижем высокого нравственного характера и безупречной деятельности.

Обо всем этом пришлось Короленке услышать на банкете, устроенном в его честь в Петербурге, в октябре, где, по формальному поводу, чествование было приурочено к дате 25-летия литературной деятельности. Объявленное дневное заседание в зале Тенишева не могло состояться, по внезапной отмене этого чествования распоряжением полиции. Но публика собралась в ресторане Контана: кроме трехсот лиц, записавшихся на банкет, было, пожалуй, не меньше число тех, которые шли на дневное заседание, но пришли в ресторан послушать речи и приветствия, ибо, к счастью, распоряжения не было дано закрыть ресторан. Не догадались... Празднование все же состоялось, без ведома и участия полиции. И в общем, какое-то удивительно бодрое и

светлое чувство оставляло это собрание, на котором также как и в телеграммах, о которых писал Вл. Г., искренние чувства брали решительно верх над часто шаблонными и надуманными юбилейными фразами. Повидимому, искренность тоже заразительное чувство.

В ноябре (29) чествование В. Г. состоялось в Москве, в Литературн.-Худ. Кружке, с участием В. Ф. Коммисаржевской, В. И. Качалова, П. И. Вейнберга, М. М. Подарина и друг.,—даже Собинова и Тартакова. Оно носило более артистический характер, а общественный элемент был предусмотрительно отстранен распоряжением администрации, выключившей из программы всех ораторов, которые могли и должны были оттенить общественные заслуги Короленка.

Г Л А В А VII.

За работой в Полтаве.—Третья поездка в Джанхот.—Смерть Чехова.—Отношение к Русско-Японской войне.—«Внепартийность Короленка».—Возвращение к беллетристике.—«История моего современника». (1904—1906 г.г.).

По возвращении в Полтаву Вл. Г. засел за литературную работу. Он пишет (8 янв. 1904 г.):

«Я здоров, принялся довольно плотно за работу. Пишу новый рассказ, который меня очень интересует и идет хорошо. Кроме того, в видъ отдыха написал двѣ-три рецензіи, которыя появятся, вѣроятно, в январьской книжкѣ. Вообще,—чувствую себя хорошо».

И в другой раз он сообщал, что чисто литературная работа теперь его особенно влечет. Но не мог он на ней сосредоточиться. Беллетристика все отходит на второй план и чисто художественные очерки становятся все реже. Захватывали события дня и разные мелочи жизни. В одном письме он высказывал мне пожелание—«избавиться от лишних мелочей, разбивающих настроение и мешающих главной работе».—«Вполне достигнуть этого нельзя, прибавлял Вл. Г., но достигать необходимо» (10 янв. 1904).

«В Полтаве было тихо, но—я совершенно понимаю,—писал Вл. Г. (21 янв. 1904 г.), почему на Петербургских и Московских с'ездах такой шум: это намолчавшаяся провинция буянит от непосредственного побуждения, при удобном случае расправляя голосовые связки. Здесь приходится только глядеть и действительно молчать...».

Вскоре заговорили и на местах; началось движение и среди земцев и когда делегаты от разных земских собраний с'ехались

в Петербурге и произошла встреча—в буквальном и переносном смысле—земских деятелей с литераторами и, вообще, представителями интеллигенции, Короленко председательствовал на собрании, долженствовавшем объединить стремления разных партий, при общем направлении к возрождению общественной жизни.

Не долго на этот раз Короленко пробыл в Полтаве: в марте он снова приезжает в Петербург, через месяц возвращается домой и едет на лето опять в Джанхот, надеясь там в уединении и облюбованной обстановке выполнить хотя часть намеченной работы. Но на этот раз красивое ущелье на Черноморском побережье не оправдало своей репутации: В. Г. жалуется в письмах, что все лето дул невыносимый норд-ост, который совершенно выбивал из рабочей колеи и действовал угнетающе:

«Сижу на своем чердаке и слушаю, как завывает норд-ост в нашей щели. Надоело всем: все нервы, даже «вяучка», обыкновенно жизнерадостная, раздражается и часто плачет. Работать трудно, и когда это кончится—Бог знает. Стекла в дверях моей вышки ветром выбило и я ночью сплю среди фантастического движения: врывается (теплый, правда) ветер, шумит, стучит, шелестит бумагами, носить по воздуху клочки газет, полотенца, жилетки... Я уже успел привыкнуть и сплю среди хаоса жарко».

Потом начались лесные пожары и Короленко с другими принимает участие в их тушении:

«Теперь на местах пожара сосны стоят бурыя и печальныя. А зрелище было красивое, особенно ночью: сосны охватывало сверху до низу, и от горѣли, как свѣчки. Огонь добирался до аула, а съ другой стороны грозилъ горѣ Св. Нины...»

И в следующих письмах такие же жалобы, что—«лето проходит малопродуктивно. Кроме журнальных пустяков ничего не сделано. Возлагаю надежды на осень и на нашу новую журнальную конституцию, которую пока я еще не почувствовал в полной мере» (27 июля 1904 г.). Те же сетования и в августе (18): «лето промчалось незаметно и малопродуктивно: во-первых, текущая работа по журналу, во-вторых, норд-ост... Сейчас, когда пишу вам, он воеет в темноте и сотрясает мой чердак. А днем в жару, расслабляет и не дает работать: на то, что сделал бы в час-два, нужно часов пять. Так и ушло лето... Настоящего, своего—ничего».

Предугадывая и под'ем народного недовольства по окончании войны и отпор, который русское общество должно дать как можно дружнее против расслабивших Россию непорядков прежнего строя, Короленко сожалеет о продолжающейся расправе политических партий и даже о той полемике, которая велась на страницах «Русск. Бог», которого он считался редактором, но, конечно, руководство журналом было распределено, согласно выработанной «конституции». Он писал еще (3-го сентября 1904 г.):

«Къ некоторому моему огорченію,—у насъ опять завязывается полемика съ «марксизмомъ». Не могу не признать права П—ва на этотъ отвѣтъ,

но в общем, это совершенно не к чему. Я, признаться, считал 1-го больше серьезным человеком. Общая нота полемики—десять «Р. Бог», готово помириться на «просвещении» и т. под. А вот мы—много радикальнее. Удивительно нужно и своевременно».

А нужно было, по мнению Вл. Г., сплотиться интеллигенции для дружной работы. Реакционеры не дремали и в феврале 1905 г. Короленко сообщал, что перед 19 февр. и в Полтаве ходили разные толки и слухи и даже, говорят, разбрасывали «прокламации»: бить жидов и учащихся... «Кое-где были и забастовки, два дня не выходили газеты, а затем все осталось спокойным. Рабочие кое-чего добились, а разумные цели забастовок совершенно парализовали стихийную неразумность толпы». (25 фев. 1905 г.):

«Манифест и рескрипт здесь, в Полтаве, произвели некоторое волнение и шум сразу в двух разнородных направлениях, точно сода и кислота, слитые в один стакан, после некоторого шипения, нейтрализующие друг друга. А вот у нас теперь должно быть очень тревожно после лопнувшего пузыря рабочего парламента».

Действительно, в Петербурге становилось все более и более «тревожно» и после выступления рабочих 8-го февраля, и первой пролитой крови на улицах Петербурга, и этого неожиданного движения, с пресловутым Гапоном во главе, и растерянность интеллигенции и т. д. и т. д.

Обо всех этих событиях, вплоть до манифеста 17 октября, я не переписывался с Вл. Г., ибо и в ту пору доверять почти не представлялось особенно надежным способом общения. Весной же 1905 года Короленко работал над беллетристическим очерком, о котором сообщал (20 мая, 1905 г.):

«Послал статью из своих провинциальных воспоминаний (холерный карантин на девяти футовом рейде), а теперь сижу за небольшим рассказом «Он» (из рассказов о встречных людях). Это—попытка наметить коллективный тип (понимаю неправильность выражения: всякий тип коллективный). У меня речка идет об одной черте, встречающейся в разных индивидуумах, при которой кажется, что это опять «он». Кажется, кончу скоро, но в печать отдам осенью. *)».

Отложу в черновик и тот-час же примусь за другое. Вообще теперь меня больше всего тянет к беллетристике и на май ни одной «случайной заметки» не послал, благо этот отдых, повидимому, у нас усталости и пойдешь без меня».

В связи с этой «тягой к беллетристике» стоит и предпринятое Вл. Г. летом путешествие, которое он уже совершил в обществе двух своих дочерей:

«Направляемся в Светлояр, а оттуда, может быть, если будет хорошая погода и все будем здоровы,—еще куда-нибудь. Там безвредно и без всякой определенной маршрутов, пользуясь всеми средствами передвижения»...

Очерк о Светлояре—одно из удачайших произведений Короленка, в этом роде, появился лишь четыре года спустя, в Юбилейном

*) Рассказ появился позже под другим заглавием: «Рыбак Ничипор» (1907 г.).

сборнике Литерат. Фонда, (1909 г.). Накопляя впечатления и собирая материалы и «сюжеты», Вл. Г. уже с этого года стал ездить для работы в Хатки, во вновь выстроенный дом, где в мезонине у него был обособленный от других жилых комнат свой кабинет: единственное удовлетворение—с'езд родных и старинных приятелей, с которыми довелось опять провести некоторое время.

В это лето получено было известие о смерти А. П. Чехова в Баденвейлере. Оно очень изволонвало Вл. Г.: «Как неожиданно и как печально, (письмо от 4-го июня, 1904 г.). Еще на-днях я прочел в «Русск. Вед.» успокоительные известия об его здоровье. Не хочется верить, но... На всех нас здесь легла точно какая-то тень». Короленко принимается писать очерк о Чехове. Спустя некоторое время он сообщает (3-го сентября, 1904 г.): «Я не вполне доволен заметкой о Чехове. Кажется, сказано правильно и, пожалуй, индивидуальность Чехова отчасти отразилась в изображении, но все это очень не полно, и я теперь вижу, как и чем нужно дополнить в отдельном издании». Разошлись мы с Вл. Г. в оценке последнего произведения Чехова, его «Вишневого Сада». Оспаривая мою оценку, он писал мне, что на его взгляд, в пьесе чувствуется—отсутствие ясного художественно определенного рисунка, основной ноты, что-ли. По-моему, вы ошибаетесь: Раневская—дворянская кликуша, ни к чему негодная, благополучно уезжающая к своему парижскому содержателю. А Чехов все-таки затушевывал ее, окружил каким-то чувствительным облаком. Точно так же для меня облезлое «лучшее будущее»,—что-то непонятное и не натуральное. Ох, уж оттенки и полутоны! Хороши они, когда верны и сильны основные ноты... Жизнь стучится, нужна определенность и в приемах ее отражения».

Положим, В. Г. не переубедил меня по отношению к высказанному уже мной мнению о «Вишневом Саде», но его выражение «жизнь стучится» очень характерно, как показатель его требований, между прочим, и от художественной литературы, которая им подчиняется запросам жизни и придается ей несколько служебная роль.

А «жизнь стучалась» в ту пору во все щели и дальние раскаты катастрофической для нас японской войны были чреваты последствиями. Короленко не раз отзывается на известия с Дальнего Востока:

«Говорять, съ Портъ-Артуромъ плохо,—писалъ онъ 27 июля, 1904 г.—и говорить, будто министромъ внутреннихъ дѣлъ назначаютъ Витте... Но вѣроятно послѣднее не вѣрно... Все это очень волнуетъ нашу маленькую колонию и мысль, сколько гибнетъ людей и какъ безмысленно гибнетъ—въ то время, какъ мы здѣсь кунаемся въ морѣ и гуляемъ,—просто иной разъ кидаетъ въ дрожь. А должно быть тамъ очень-таки плохо: Немировичъ-Данченко рѣзко измѣнилъ тонъ и перешелъ отъ описанія «красивыхъ атакъ» къ обличенію военныхъ порядковъ. Очевидно,—это теперь тонъ и вошной среды на Дальнемъ Востоке».

Почти год спустя (20 мая 1905 г.), Вл. Г. писал:

«Признаюсь такой срамоты съ флотомъ я и не ждалъ. Что выйдетъ срамота, это чувствовалось, но такая... совершенно сверхъ смѣты. А между тѣмъ опять и Рождественскій, какъ и Куропаткинъ,—лишь одинъ изъ виновниковъ (подчеркнуто), а не главные виновники. Они—видныя спицы въ негодномъ механизмѣ, и они же—жертвы общаго порядка. Во всякомъ случаѣ—ужасно».

И, наконец, уже в марте (16-го того же 1905 года):

«Да,—война идетъ, можно сказать, какъ по писаному. Что насъ разобьетъ,—это предвидѣть было не трудно, а вотъ когда я стану гордиться своимъ «предвидѣнiемъ», это—если исполнится и вторая половина моего предсказанiя, а именно: японцы захватываютъ полуостровъ съ Портъ-Артуромъ и Кореей (это уже случилось), и вѣроятно и Сахалинъ. Затѣмъ, они опредѣляютъ сѣверную границу своего захвата, гдѣ-нибудь по линiи Харбинъ—Владивостокъ (это, конечно, угадать трудно), а затѣмъ объявляютъ, что имъ дальше идти незачѣмъ. Сѣверную границу они укрѣпляютъ, море ихъ, китайская граница имъ дружественна. Остается только одна защитная линiя... Я полагаю, что они ее укрѣпятъ и—отпустить часть войскъ на отдыхъ въ Японiю. А Россiя можетъ дѣлать видъ, что собирается воевать заново...

Таким образом, Короленко пускался в догадки и в области иностранной политики, заранее, впрочем, оспаривая мысль, чтобы японцы когда-либо вздумали отобрать у нас и Владивосток. «А впрочем...», заканчивает Вл. Г.,—«неспособность нашей армии превосходит самые преувеличенные пессимистические ожидания». И как, действительно, эта печальная неспособность проявила себя в полной мере уже в другой, грозной мировой войне с Германцами!

«Мезонин мой—роскошь,—писал В. Г. из Хатков (18 июня 1905 г.), с чудеснейшим видом на луга, с излучиками Псла и купами рош...».

Он неизменно оставался верен своему «чувству природы» и потребности ощущать близость красивого местоположения. Пока все же указанное тяготение к чисто литературной работе не выводило Короленка из области небольших, хотя и прелестно написанных очерков. Но вскоре он взялся вторично за большую, на много лет, работу: художественную автобиографию, начатую им в начале 1906 года, и теперь, 12 лет спустя, все еще незаконченную. Приступил он к ней еще в 1905 г., а в начале 1906 года, приехав в Петербург, он уединяется в м. Мустомяки, в Финляндии, чтобы продолжать ее без помех.

Живемъ въ тихой дачкѣ въ Мустомякахъ, въ лѣсу,—писалъ онъ 6 февр. 1906 г.—Тихо, свѣжно; узкая лѣсная дорожка—мѣсто нашей ежедневной прогулки. Работа у меня здѣсь пошла и я надѣюсь черезъ день или два сдать матерьялъ моихъ «воспоминанiй» уже на мартъ, а, можетъ, заготовить частью и на апрѣль. А числа 10, 11-го или 12-го... мнѣ предстоитъ свиданiе со слѣдователемъ, такъ какъ дѣло о ноябрь—декабрьской инижкѣ («Русск. Богъ») все-таки возбуждено... «Въ газетахъ появилось извѣстiе будто въ Полтавѣ меня тоже привлекаютъ, и—именно, за писемъ».

Филозову вместе с редактором «Полтавск. дѣла» Ярошевичем... У насъ еще «семейная новость»: арестовать въ Одессѣ Иларіонъ...» *).

Вот она жизнь, которая «стучится» повсюду, сразу с трех сторон, и трудно пенять на автора, что так долго и с такими перерывами выполняет даже зрело обдуманную работу, для которой надо было только сохранить соответствующее настроение и дело бы быстро пошло на лад. Правда, вернувшись к «воспоминаниям» через несколько месяцев, Вл. Г. писал мне из Хатков (9 июля 1906 г.):

«Моя «исторія» подвигается туго. Лѣто, жара, лѣнь... Въ прошломъ году было тоже: сначала даже приняться не могъ, а потомъ (июль—августъ) работалось хорошо. Это меня утѣшаетъ и теперь. Во всякомъ случаѣ, очевидно, что въ этомъ году не закончу. Рассчитываю провести гимназію, потомъ два года студенчества. Это и будетъ первая часть. Вторая начнется уже прямо съ ареста и ссылки. Кое-что написалъ здѣсь, но еще мало».

«История моего современника», как назвал Короленко свои воспоминания, есть, конечно, крупное явление в современной литературе, которое останется на долго по своему субъективному значению,—именно как автобиография выдающегося писателя и общественного деятеля, также и потому,—что это ярко написанные страницы характерные и для истории быта и умственного движения русского общества данной эпохи, и переживаний представителя поколения, с 70-х по 90-е годы м. века. В этом отношении Короленко прав был, назвав своего героя просто «современником», хотя временами он сбивается, и его современник то он сам—Владимир Короленко, которого историю рассказывает кто-то другой, то рассказ ведется непосредственно от лица автора. Это, конечно, не существенно, он придает некоторую искусственность общему построению. Лучше было бы «современника» окрестить и другим именем, соблюдая последовательно эпиче-

*) В том же письме добавлено: «Послал я Л. Ф. Пантелееву ответ на его письмо в «Правое». Кажется, целую статью написать было бы легче, чем это коротенькое письмецо». Дѣло в том, что Л. Ф. Пантелеев в открытом письме на имя В. Г. Короленки (см. № 12, от 27 марта, 1905 г., «Правое») возбудил совершенно правильно вопрос о необходимости подготвить население к предстоявшим выборам в Госуд. Думу. Он предлагал организовать издательство для начатаия популярных брошюр с разъяснением основных черт конституционного строя. Вскоре, в том же журнале «Правое» (№ 18 от 8 мая) напечатано было письмо одного рабочего, обращавшегося к «Л. Ф. Пантелееву, В. Г. Короленко и всему русскому обществу» с просьбой разъяснить недостаточно образованным и мало сведущим людям, преимущественно рабочего класса,—что такое учредительное собрание? Что означает «четырехсотка» при выборах? Какие налоги наиболее справедливы? Как составляется государственный бюджет? Какие имеются политические партии? Как выяснить надлежащее отношение церкви и государства? и т. д. и т. д. Короленко признал, конечно, весьма нужной такого рода литературу для подготовки массы населения к сознательному отношению при исполнении своих гражданских обязанностей, но не решился взять на себя организацию этого дела. Как известно, такие брошюры со временем появились в изобилии, а в нынешнем году Короленко и сам в своих «речах к простым людям» отчасти пошел на встречу запросу, который был сделан еще в 1905 году, как «представителем интеллигенции», так и самими рабочими.

ское изложение, или весь рассказ вести от своего имени, по образцу, так назыв. *Ich-romane*, согласно терминологии Шпильгагена.

Во всяком случае автор заверяет нас, что, он излагает не только поэтическую, но и фактическую правду, ограничиваясь пределами личного наблюдения и внутреннего опыта: «Я пишу не историю своего времени,—сообщает он—(гл. 8). Я просто всматриваюсь в туманное прошлое и заносу вереницы образов и картин, которые сами выступают на свет, задевают, освещают и тянут за собой близкие и родственные воспоминания. Я стараюсь лишь об одном: чтобы ясно и отчетливо облечь в слово этот непосредственный материал памяти, строго ограничивая лукавую работу воображения...».

Таким образом, хотя это произведение отнюдь не беллетристика, по содержанию, но форму ему автор придал беллетристическую, поскольку «непосредственный материал памяти» облечен в живые и красочные картины прошедшего. В сущности тот же прием,—в бытовых очерках «с натуры», только на этот раз натурой для автора послужили его личные воспоминания и обстоятельства его жизни.

Наиболее выпукло и интересно в вышедшей части очерчены школьные года, учителя и товарищи, особенно—учителя, первые чтения и те задатки, из которых складывается миросозерцание, когда наступят более зрелые годы молодости. Это почти прошлое действительно целого поколения, с теми или другими особенностями, но в общем сходное для целого ряда «современников», типически-нормативное. Судить по этим очеркам мы можем и о свойствах автора, о которых мы, правда, можем узнать и по другим его произведениям и по его деятельности, но он тут полнее и откровеннее раскрывает себя именно, как, человек.

ГЛАВА VIII.

Репрессии и гонения.—В ожидании еврейского погрома.—Выборы в госуд. думу.—Снова чествования.—Смерть Н. Ф. Аненского.—О славянах и внутренних расприх.—Недомогание и поездки за границу.—Общее направление публицистических работ Короленки и их основные принципы.

И так, Короленко принялся за большую работу, которая оказалась на многие годы. Он как бы подводил итоги своей жизни, но вместе с тем жизнь продолжалась своим чередом, и если обзор пройденного раньше пути затянулся, то именно вследствие того, что Вл. Г. непрестанно отвлекался, отзываясь на явления

современности. Уже в цитированном письме—с известием о привлечении к суду и по делу «Р. Бог.», и за письмо Филонову, мы имеем определенные указания на то, как запросы действительности захватывали Вл. Г., задерживая его литературную работу.

«Письмо к Филонову», прошумевшее на всю Россию, в связи с жестокой, увь—не беспримерной, и теперь повторяющейся только в другом направлении расправой «карательного отряда», мстящего побежденным, должно было возбудить против Короленка сторонников беспощадных репрессий. Случайное убийство Филонова было в их глазах обыкновенным актом против Короленка и следствие по этому делу начато. Однако, как писал Вл. Г. (от 24 окт. 1908 г.):

«Мое «дѣло» здѣшнее, повидимому, рѣшительно направляють къ прекращенію. Сегодня мнѣ уже объявили объ окончаніи слѣдствія. Я потребовалъ, чтобы былъ допрошенъ мѣстный цензоръ Ахшарумовъ по вопросу о подлинности «открытаго письма Филонова Короленку». Теперь уже всѣ здѣсь знаютъ, что письмо это—подлогъ, приготовленный въ добавокъ ко дню похоронъ. Препроводительное письмо въ редакцію при подложной рукописи написано именно этимъ Ахшарумовымъ. Теперь послѣ приобщенія къ дѣлу рукописи и послѣ допроса вдовы Филонова и Ахшарумова—въ подлогѣ не остается ни малѣйшихъ сомнѣній. Тотъ же Ахшарумовъ долженъ былъ признать, что въ Кривой Рудѣ Филоновъ дѣйствовалъ такъ, какъ было описано въ газетѣ. И они тянули дѣло 7 мѣсяцевъ, дѣлая видъ, что меня привлекають... И это называется правосудіемъ! Болѣе всего меня въ этомъ дѣлѣ возмущаетъ именно холопская готовность судебныхъ властей приходить на помощь администраціи такими, якобы судебными, передержками. Между прочимъ: у прокурора Окружнаго суда, а также у прокурора Судебной палаты есть донесеніе: тов. прокурора, присутствовавшій при первомъ моемъ допросѣ,—призналъ въ разговорѣ, что такое донесеніе есть, но это—дѣскать секретъ. На мое требованіе—приобщить это донесеніе къ дѣлу—они 6 мѣсяцевъ молчали, а теперь на мои настойчивыя повторенія—отвѣчали, что такой—переписки нѣтъ. Это заѣдшая, официальная ложь. Тутъ ужъ имъ, конечно, не до суда,—на которомъ я гласно могу все это вывести. Они и торопятся какъ-нибудь это ликвидировать...

Газету у насъ закрыли. На-дняхъ, вѣроятно, появится моя статья: «Слова министра, дѣла губернаторовъ»...

Статья появилась *) и послужила поводомъ для новыхъ притесненій «беспокойному корреспонденту»... А между темъ он стоялъ на вполне законной почвѣ и только имелъ такую же наивность думать, какъ одинъ изъ персонажей его очерковъ, что «законъ» означаетъ что-то стойкое, безусловное и что он призванъ ограждать права людей.

Летомъ того же 1906 года, Короленко сообщаетъ, что он приехал экстренно изъ Хатковъ въ Полтаву по следующему случаю: (от 30 июня, 1906 г.):

«29, 30 іюля въ Полтавѣ происходить торжества съ иконами. По этому поводу, разумѣется,—тревога: гдѣ ходить христіанскія иконы тамъ «добрыя чувства» возбуждаются до такой степени, что всѣ ждутъ погрома. Много толковъ, дума приглашаетъ гласныхъ быть въ толпѣ, обращается къ

*) В «Русск. Вѣд.», 1906, № 265.

благомыслящимъ людямъ и т. д. Рабочіе заявили, что они организуютъ «мирную оборону»,—найдется ли ихъ достаточно, и какъ отнесется полиція и войско. Губернаторъ—новый, Князевъ, ручается за порядокъ и не прибѣгаетъ даже къ совѣщаніямъ съ предсѣдателями общества. Онъ здѣсь лишь нѣсколько дней, и это съ его стороны, пожалуй, отчасти самонадеянно.

Казаки, разумеется, только и ждутъ случая пограбить, да и казаки у насъ—команда дикая: кромѣ донцовъ, еще осетинцы, терцы—въ старыхъ алиматахъ, съ длиннымъ оружіемъ, но съ дикими бѣгающими глазами, жадно выглядывающими добычу. Вчера одинъ актъ этой трилогіи прошелъ благополучно: перенесли мѣстную икону снизу въ соборъ. Сегодня она пойдетъ на встрѣчу своей знаменитой тезкѣ, которую встрѣтитъ у кладбища на окраинѣ города. Тутъ двѣ иконы прикладываютъ другъ другу, онѣ какъ бы цѣлуются и затѣмъ торжественно идутъ въ монастырь, черезъ весь городъ. Тутъ-то моментъ наиболѣе удобный для провокаторовъ. Исторія эта будетъ сегодня, днемъ, часа въ 4 до 6-ти. Когда вы получите это письмо, то по газетнымъ телеграфнымъ извѣстіямъ или по ихъ отсутствію будете знать, прошло ли у насъ все благополучно или нѣтъ. Общее мнѣніе—что все пройдетъ благополучно, такъ какъ губернаторъ, несомнѣнно, не желаетъ погрома и выразилъ это весьма недвусмысленно. Кромѣ того настроеніе ельцевъ (ельскаго полка) повидимому, не только антипогромное, но и оппозиціонное, и отъ значительной группы солдатъ печатались въ этомъ смыслѣ письма въ «Полтавщинѣ». Газета разоблачила, кромѣ того, двусмысленныя донесенія и продѣлки полицейскихъ, какъ бы впредь объяснявшихъ будущій погромъ. Лица упомянутыя въ этомъ «секретномъ» донесеніи, какъ источники полицейскихъ свѣдѣній отъѣхали, что они ничего подобнаго не говорили полицмейстеру, который, наоборотъ, самъ приглашалъ ихъ бить евреевъ. Полицейстеръ (Нв-въ погромщикъ изъ Кременчуга)—сконфуженъ. Вчера распространились слухи, будто въ одной еврейской квартирѣ найдена бомба. Слухи идутъ отъ полиціи (полицейстеръ говорилъ это «по секрету» городскому голову и члену управы и «по секрету» же это напечатано въ «Полтавск. Вѣстникъ»). «Полтавщина» получила отъ полиціи же свѣдѣнія, что бомбъ при обыскѣ не найдено. Разумеется, одинаково возможно и то, и другое, такъ какъ евреи, конечно, вооружаются для самозащиты. Однимъ словомъ, настроеніе напряженное, масса евреевъ вышла изъ города, улицы вчера были пусты, сегодня—тѣмъ болѣе... Я все-таки почти увѣренъ, что погрома не будетъ, и завтра утромъ уѣду обратно къ себѣ: завтра уже останется самый неэффективный актъ трилогіи, въ которомъ участвуютъ лишь небольшое количество городской публики. Сегодня валить деревня, но деревня, по моему, больше гадаетъ о «думѣ», чѣмъ о погромѣ евреевъ. Весь вопросъ въ провокаціи, а на рѣзкую провокацію, пожалуй, не рѣшась. Говорятъ, пом. полицмейстера чловѣкъ порядочный и уже арестовалъ нѣсколько мелкихъ агитаторовъ.

Ну вот я, вамъ написалъ цѣлую корреспонденцію...

Действительно, получилась настоящая «корреспонденція», поэтому мы привели письмо почти целиком. А по условіямъ того времени, такіе корреспонденции не могли быть напечатаны со всеми указаніями на роль и деятельность администрации, от усмотрѣнія которой зависило допустить или не допустить погромъ. Короленко выступилъ, такъ сказать, в роли добровольца-милиционера, и если бы начался погромъ, то его положеніе оказалось бы весьма рискованнымъ. Но онъ на это шелъ, в сознаніи долга заступаться за обижаемыхъ, и приложилъ все старанія отговорить возможныхъ обидчиковъ, что ему и удалось сделать.

Придерживаясь программы скорее всего общегуманитарной, безъ определенныхъ политическихъ лозунговъ, В. Г. продолжалъ дер-

жаться в стороне от активного участия в политических партиях. Он не вошел и в состав «народно-социалистической» партии, которую образовал кружок наиболее ему близких людей, и, между прочим, писал мне по этому поводу (9 июля 1906 г.):

«Я думаю, что основное ядро «партии» само еще не разобралось—кто они: бойкотисты или не бойкотисты? Фактически бойкот сошел со сцены, но бойкотистское настроение остается во многих. И, конечно, оно-то и производит пертурбации. Это—одна из причин, почему я не вошел в «партию», которую основывают мои товарищи».

Однако, когда наступили выборы в Госуд. Думу, Короленко согласился поставить свою кандидатуру в выборщики, заранее, впрочем, предвидя, что эта кандидатура не пройдет. В январе (30) 1907 г. он писал: «После завтра выборы в Полтаве, где выбираюсь и я, от (частичного) левого блока... Вчера у нас было предвыборное собрание, устроенное по инициативе «кадет» (прогрессивные избиратели). Это второе и последнее пред выборами. Народу было масса (одни «избиратели» впрочем). Черная сотня сделала попытку сорвать собрание, но, благодаря такту председателя, Г. Е. Старицкого, и терпимости большинства, попытка решительно провалилась. Обнаружено, что обструкцией руководили два заведомых сыщика». Затем была сделана и со стороны администрации попытка «отвода» Короленка, для чего придумано было привлечение его по 129 ст., в связи с его участием в делах Полтавской общественной библиотеки. Кто-то принес в склад несколько десятков брошюр «Об Учредительном Собрании», приняла младшая служащая, никто об этом не знал, но,—пишет В. Г. (14 февр. 1907 г.),—«этот пустяк показался удобным поводом для привлечения меня грешного по 129 ст. и для устранения от выборов. Меня не было в городе, и потому, пока что, привлекли комитет библиотеки. Потом спохватились, что это страшная чушь и даже скандал и потому дело приостановили. Я так и не привлечен даже к допросу». За то поплатилось было другое лицо,—одна учительница на 22-м году службы, и В. Г. усиленно хлопотал об ее реабилитации, ибо «не могу спокойно думать, что человеческая жизнь может быть так жестоко разбита лишь за то, что учительница не отказывалась работать в библиотеке». Самоценность «человеческой жизни»—предмет неустанных забот Вл. Г., ибо он устойчиво в нее верит. Что же касается «политической карьеры», то к факту своего неизбрания Вл. Г. отнесся не только равнодушно, но писал: «после своего «провала», чувствую себя превосходно».

И тем не менее общество настойчиво стремилось группироваться вокруг имени «любимого писателя», так горячо реагирующего на всякие неправды в жизни, и искало поводов для новых чествований, чтобы при этом высказать и общие пожелания. Хотели привязаться даже к сроку исполнения серебряной свадьбы (в 1911 г.), но Короленко опять на время исчез и писал мне, что

всячески хотел избежать—«полтавского торжественного обеда»: «Мне писали, что записалось на сей обед уже что то около 300 человек... Представьте себе—«серебрянную свадьбу», т. е. семейное событие, празднуемое в такой обстановке. Вот я и прибеж к абсентеизму и к предварительным переговорам с полтавцами. Вернулся после заключения трактата: никаких торжественных обедов! В ближайшую субботу у меня было несколько больше народу—знакомых и друзей,—вот и все. А теперь разбираюсь в телеграммах и письмах»...

Через два года наступил другой повод к чествованиям: Вл. Г. исполнилось 60 лет. И опять таки он прибеж к «абсентеизму»: «Да, действительно, писал он 21 июня 13 г., мне было бы чрезвычайно неприятно всякое вперед организованное «торжество», с организованными комитетами, с предварительными приглашениями «прислать приветствия по такому-то адресу и прочим тому подобным»... Чествование все же состоялось заочно, в Полтавском театре, и было описано в статье, напечатанной в журнале «Голос Минувшего». Широко отозвалась печать о вступлении В. Г. в седьмой десяток жизни, и почти во всех газетах появились статьи и заметки, с выражением сочувствия его деятельности.

И опять таки, как в год первого юбилея, 10 лет назад, Владимиру Гал. пришлось и на этот раз испытать тяжелое личное горе: тогда умерла мать, теперь скончался его близкий друг, товарищ и сотрудник, в течении почти тридцати лет не только шедший рядом с ним, но сообща и работавший с ним в одном направлении. Это был Н. Ф. Аненский, известный статистик, экономист и член редакции «Русск. Бог.», в котором появились многие статьи и заметки на злобы дня при общем сотрудничестве с Короленком, так что и подписаны они выразительным псевдонимом «О-б-а» (оба), Ник. Фед. скончался в Куоккала, куда приехал и Короленко. Пришлось на скоро составить обязательный некролог—«памяти такого-то», но утрата была настолько чувствительна, что В. Г. долго не мог приняться за настоящий очерк, посвященный характеристике личности и оценке деятельности Аненского. Он озаглавил свою статью—«Третий элемент», коснувшись в ней деятельности Ник. Фед. в голодный год, сообщил о роли статистики в этом деле, и значении Аненского, как ее руководителя, и истинного представителя «третьего элемента» в земстве. Далее В. Г. писал мне (21 июня 13 г.):

«А вот о болѣе систематических «вспоминаніяхъ» я как-то сомнѣваюсь. То, что я писалъ въ «Русск. Бог.», въ значительной степени теперь потеряло значеніе: вѣдь я сообщалъ тамъ біографическія черты, которыя теперь такъ превосходно даны въ изложеніи Ал-дры Ник. (вдовы Н. Ф. Аненскаго *). А когда я думаю о томъ, чтобы написать въ этомъ

*) Воспоминанно А. Н. Аненской печаталось в «Русск. Бог.», затем вышло отдельной книжкой.

родъ (т. е. какъ моя статья въ «Русск. Бог.»), то вижу, что ничего не могу. Я еще не въ состояннн выпустъ его, такъ сказать, изъ моей жизни выдѣлать въ особый образъ...

В свои неоднократные наезды в Румынию, Короленко имел случай приглядѣться къ взаимнымъ отношенiямъ славянъ между собою и отчасти изложить свои наблюденiя в статьѣ «Турчин и мы», напечатанной в «Русск. Бог.» 1913 г., май.

«Думаю, что если не болгары и не сербы, то бѣднiки македонцы не разъ вспомнятъ «милягу турчина», когда ихъ начнутъ осербливать и огречивать. Въ своей статьѣ я это, хотя и условно, предвидѣлъ. Славяне другъ для друга настоящiе воины. Сходство дополняется еще тѣмъ волчьимъ обычаемъ, съ какимъ они рвутъ въ клочья ослабѣвшаго собрата. Ф—ъ писалъ какъ то въ «Русск. Словѣ»... о борьбѣ креста съ полумѣсяцемъ». Теперь вонъ какъ «кресты» расправляются другъ съ другомъ,—только щепки летятъ. Положительно начинаешь по челоуѣчеству радоваться за бѣднягу Турчина въ числѣ славянской драки, глядишь, онъ и поотдохнуть немного».

Поотдохнуть не пришлось, но какъ намъ ни кажется почти-что противоестественнымъ и возмутительнымъ союзъ, заключенный между Болгарией и Турцией, при посредствѣ Германии, нельзя не признать, что онъ не столь неожиданъ, какъ казалось, именно вследствие той внутренней непримиримости, которая существовала между славянами балканскаго полуострова, и на которую указывал Короленко.

С 1913 г. Вл. Г. все чаще жалуется на состоянiе своего здоровья. Еще в сентябрѣ, после летняго отдыха, когда, обычно, силы восстанавливались и онъ с удвоенной энергiей принимался за работу, онъ теперь пишетъ, что чувствуетъ себя «плоховато» (28 сентября 1913 г.):

«Все лѣто то поправлялся, то опять заболѣвалъ. Не могу еще привыкнуть къ новому режиму: нельзя то одного, то другого. Велосипедъ копецъ, рубка дровъ тоже (копчеца). Не хватаетъ сообразительности и вниманiя запрещать себѣ разныя занятiя «по аналогiи». Примеешься за что-нибудь по старому—стонъ!»

Пришлось прибегнуть къ болѣе энергичнымъ мерамъ леченiя, чемъ воздержанiе отъ прежнихъ спортивныхъ привычекъ, в которыхъ былъ и источникъ силы. Короленко едетъ на воды, в Наугеймъ, а затемъ, вследствие новыхъ завязавшихся отношенiй с южной Францiей, в виду того, что его младшая дочь, по выходѣ замужъ поселилась в Тулусѣ, начинаютъ его поездки с болѣе или менѣе длительными стоянками во Францiи. В 1916 г. дочь приезжаетъ в Полтаву, с двухлѣтней девочкой, совершивъ путь из Ниццы черезъ Лондонъ, Бергенъ, Торнео, Петербургъ...

«Я кетати, на строгомъ режимѣ,—продолжаетъ В. Г.,—котораго не сумѣлъ бы выдержать: періодъ полной бездѣятельности. Теперь это выпущенная пустота заполнена запятнымъ мельканiемъ маленькой вички... Харьковскiе доктора хотѣли упрятать меня въ какой-нибудь дальнiй финляндскiй курортъ, куда бы «никто не заносилъ волнующихъ извѣстiй». Я отпросился сюда. Гдѣ теперь найдешь такую страну, гдѣ волнующiя вѣсти не рѣзали бы черными птицами? Здѣсь—лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было,

и я понемногу оживаю, так что надеюсь к 24 октября быть в состоянии явиться на суд в Москву... Отрывка для Бейлиса. Как это старо и глупо, просто поразительно».

Короленко был безусловно прав, что и «старо и глупо», даже независимо от соображения, которое ему не могло прийти в голову, что дни царского режима уже сочтены и всего через три-четыре месяца наступит в России эра новой жизни, хотя и обремененной новыми невзгодами.

Но действительно дело Бейлиса стало для нас далеким прошлым. И многие из других дел, на защиту которых выступал Короленко с огромной затратой сил и здоровья, тоже представляются нам теперь, по его выражению, «отошедшими» и сохраняют свой интерес только с точки зрения истории русского общественного быта за минувшие годы. Но если изолированные факты, которые так волновали Короленку, привлекая его особенное внимание, теперь для нас утратили свой живой смысл, то ценность сохраняет общее направление его деятельности, те принципы, которые он отстаивал, те лозунги, под знаком которых сложилась вся его жизнь.

Если перечислить их подряд, то как уже было замечено, они все сводятся к довольно элементарным идеям истинного правосудия и справедливости, свободы совести и свободы национального «самоопределения», как теперь принято выражаться, достоинства человека и его неотъемлемого права на самостоятельную деятельность и самоуправление, равенства всех перед законом и серьезное, добросовестное отношение к закону, нормирующему жизненные отношения. У Короленки нет, или очень мало так назыв. «субверзивных идей». Он революционер лишь постольку, поскольку явления жизни, во всем их несовершенстве, зачастую и полной уродливости, несоответствуют некоторой идеальной норме общего блага. И значение публицистической деятельности Короленки, его выступлений и многочисленных статей на разные злобы дня, определяется главным образом именно тем, что он стоял на страже вековых идей и напоминал людям, что отклонение от них есть гибель смысла жизни. И в настоящее время, при общем ретроспективном взгляде на его деятельность, более чем когда-либо убеждаешься в необходимости и плодотворности именно такого отношения к явлениям жизни, при индивидуализации каждого отдельного случая. Стало быть роль Короленки остается значительной при каждом режиме, и анализ сделанного им в прошлом, утверждает значение того, что предстоит делать в настоящем, и, вероятно долго еще в будущем.

Между прочим, Короленко ставит в особую заслугу Толстому — «изумительное искусство говорить общеизвестные истины». «Да, — прибавляет он, — именно общеизвестные истины говорить очень трудно, т.-е. говорить так, чтобы они приобретали свежесть, оригинальность и жизнь, а им в этом особенно нуждается

наша современность». Можно добавить, что Короленко и сам выказывает это искусство в значительной степени в своих публицистических работах. Конечно, степень практического воздействия писателя на жизнь вообще, очень трудно поддается учету. Писатель и публицист указывает и предупреждает—в этом показная сторона его деятельности. Как воспринимается написанное—это другой вопрос. Есть произведения и вполне художественные и условно «художественные», которые принято связывать с актами чрезвычайной государственной и общественной важности. Напр., по поводу освобождения крестьян у нас неизменно вспоминают и «Антон Горемыку» Григоровича и «Записки Охотника» Тургенева, также как «Хижине дяди Тома» Бичер-Стоу приписывают существенную роль в деле раскрепощения негров. Короленко отстаивает безусловно права на нормальную человеческую жизнь малых и обездоленных, но значение его беллетристических очерков, в общем, я бы связал скорее всего с движением в пользу просвещения народа, человеческого отношения безразлично ко всем людям, культурного подъема полусознательной массы, ибо это один из лейтмотивов целого ряда его произведений. В области публицистики он подходит и к вопросам, получившим особенно острое значение именно теперь. Помимо отстаивания принципов национальной терпимости и свободы вероисповедания, он затронул в целом ряде статей взаимоотношения общества и военного сословия, стремившегося и у нас к некоторой кастовой обособленности, с весьма сомнительной, с общей точки зрения, этикой. Короленко берет самый, так сказать, специфически военный «обычай»—дуэль, и рассмотрению его сущности посвящает несколько статей, привязываясь к отдельным случаям отказа от дуэли, прослеживая ее роль в прошлом, особенно для русского склада жизни, значение «предразсудка» и т. д. Это вряд ли поведет к полному упразднению дуэли, но может заставить многих призадуматься над уместностью ее применения в том, или другом отдельном случае. Но вот история Ковалева, распорядившегося «выпороть» врача,—какими бы мотивами личного оскорбления, ревности, обиды, он при этом не руководствовался,—зажигает Короленка негодованием и он подбирает, по газетным сведениям, целый ряд фактов возмутительного насилия со стороны представителей «военной касты» над обывателями. Было ли это разжиганием вражды против военной среды? Конечно, нет. И Короленко с достаточной ясностью это внушает. Он подчеркнул вывод, который состоит в признании,—«что военные должны стать гражданами своей страны, что закон должен быть один для всех, что профессиональная нравственность не может стоять в противоречии с началами, которые признаны всем обществом» и т. д. И если бы своевременно эти «общепонятные истины, которые, однако, не казались истинами для тех, кто шел в разрез с ними, были широко усвоены, то, может быть, мы теперь не были бы

свидетелями тех отвратительных и гнусных расправ, которые произведены над офицерами, в отместку за прошлое, без различия правых и виноватых. Статьи Короленки служат истории и не заключая в себе, конечно, оправдания насилий возмездия, они объясняют нам как это подготовлялось и чем обусловлено *).

Есть еще вид литературы, в которой Короленко—один из многих у нас писателей-беллетристов, уделивших ему внимание,—выказал оригинальные свойства. Имею в виду литературные портреты и характеристики. На западе этот жанр очень распространен, особенно у французов за последнюю четверть 19-го в. Золя, Бурже, Жюль, Леметр, Анатоль Франс и т. д. все выпускали, под тем или иным названием, томики очерков о своих современниках, или живых, или недавно умерших. Короленко пишет воспоминания-портреты, и, не исчерпывая в критическом анализе сущности творчества того или другого писателя или общественного деятеля, он умеет на нескольких страницах дать живой образ, обрисовать контур духовного облика писателя, отметить несколько рельефных черт, которые для него характерны и указывают на его действительное значение в жизни. Серию этих литературных портретов Короленко начал, если не ошибаюсь, с воспоминаний, о Чернышевском, Глебе И. Успенском, о Чехове, о Гаршине, о Толстом, о Н. К. Михайловском, о А. И. Богдановиче, о Н. Ф. Анненском, о С. А. Южакове и т. д. Портреты не все равного значения и представляются в различной степени обработки, но почти в каждом из них вложены индивидуальные черты, которые сообщают рисунку особую выпуклость. Правда, выдвинуты на первый план черты личности, свойства человека, но уже дело читателя связать их с значением созданного, а иной раз одной фразы достаточно, чтобы охарактеризовать и все направление деятельности. Напр., в очерке об Успенском, его слова: «Смотрите на мужика... Все-таки надо... надо смотреть на мужика». Это быстро стало крылатым словом, благодаря Короленку.

Воспоминания и характеристики встреченных им на жизненном пути людей занимали и, вероятно, займут еще более места в «Истории моего современника». Эта книга, независимо от первоначальных намерений автора, есть не только автобиография, но порой обращается в действительную «историю моего времени», и в этом, конечно, худа никакого нет, а наоборот, одно лишь углубляет ее интерес. Уже в одном письме по поводу Н. Ф. Анненского, которое мы цитировали, В. Г. указав, что в своей статье он далеко не полно очертил облик своего друга и выдающегося деятеля, прибавляет: «Еще много раз придется говорить о нем, но все это сплетется тесно со всякими другими моими воспоминаниями». Такому расширению рамок этих воспоминаний можно только порадоваться.

*) В полном собрании изд. «Нивы», упомянутые очерки объединены под общим заглавием: «Честь мундира и нравы военной среды», т. 4.

ГЛАВА IX.

Человек и писатель.

В своем очерке о Гл. И. Успенском Короленко, между прочим, высказал следующее общее замечание о взаимоотношении человека и писателя: «Нужно с грустью признаться, что реальная личность писателя, художника, артиста,—редко совпадает с тем представлением, какое мы составляем по их произведениям. Во время творчества идей, звуков, образов мы становимся несколько выше нашей средней личности. Мы как бы уходим в маленькую горную часовенку, отгороженную от наших будней. А затем, «когда не требует поэта к священной жертве Апполон», мы опять спускаемся с этих вершин, которые,—велики ли они или малы,—все-таки составляют высшие точки нашего личного существования. Иной раз этот обычный уровень очень удален от вершин». «Но бывают дорогие и редкие исключения»,—продолжает Влад. Гал., переходя к оценке Гл. Успенского уже как «реальной личности».

К таким «исключениям»,—буде приходится признавать их таковыми,—несомненно должен быть причислен и Короленко, моральный образ которого, как человека, вполне покрывается идеальным представлением о личности писателя. О человеке мы судим по делам его, а за Короленком слишком много именно таких «дел», так что вполне возможно по ним судить об его душевных качествах человека и ощутить значение его заслуг, как общественного деятеля и гражданина. И трудно сказать,—хотя автор и называет вершины «творчества» высшими точками нашего (писателей) личного существования,—где эти «вершины» в жизни Короленка; там ли, когда он создавал беллетристические произведения, или когда осуществлял в жизни внушения «категорического императива» высших запросов этики.

Его натура, требовавшая активного вмешательства в дела жизни, не удовлетворялась созерцательностью художника. Мы видели, что еще в первой, весьма, однако, плодотворной полосе деятельности писателя, он заявлял, что не желал бы жить литературой, как «единственной профессией». Его привлекала жизнь сама по себе и с разных сторон он хотел бы к ней подойти, отыскивая более непосредственно на запросы действительности, вмешиваясь в самую гущу жизни. Творчеству художественному он отдавался как бы урывками, часто отрываясь от беллетристических замыслов, оставляя многие из них совсем не выполненными; за то он доводил до конца именно начатые «дела»,—будь то изобличение злоупотреблений, судебный процесс, или борьба с какой бы то ни было неправдой в жизни. Его гражданские заслуги

огромны и уже одно это обеспечивает ему на долго благодарную память потомства и ставит его в первые ряды исторических деятелей в освободительном движении нашей родины.

Весьма вероятно, что если бы Владимиру Гал. в свое время удалось осуществить свое желание получить юридическое образование, то адвокатура была бы и его настоящей профессией по призванию. Это могло несколько отразиться на ограничении его публицистической деятельности, как «корреспондента», но вряд ли бы умалило его художественное творчество, а в истории нашей адвокатуры прибавилось бы еще одно блестящее имя. Ведь сумел же Бомарше совместить деятельность адвоката с созданием шедевров в драматической литературе. Правда, автор «Фигаро» ограничил свой художественный гений двумя лишь неизменно прекрасными произведениями, с которыми не могут быть сравнимы остальные его опыты. Но значение писателя определяется не по объему и не по количественному мерилу им созданного.

Тоже замечание приходится делать и по отношению к беллетристическим произведениям Короленка, у которого место адвокатуры заняли публицистическая и общественная деятельность: за сорок лет его писательской карьеры мы вправе были бы ожидать от него большего и по количеству и по объему чисто художественных произведений, но мы должны быть ему признательны за то, что он дал в той форме, которая очевидно, всего более соответствовала его дарованию, за очерки ставшие уже теперь почти что классическими, как «Сон Макара», «Река играет», «Ночью», «Мороз», «У казаков» и т. д. Талант ощущается во всех его произведениях, хотя бы они были и неравного достоинства и значения. Автор очень строг к самому себе и, например, не включил в собрание своих сочинений роман «Глуш», хотя и там есть прекрасные главы, написанные настоящим художником, например, гл. 3—сцена купания отца Ферапонта и отца дьякона, описание, в следующей главе, игры на гармонии Путанного и др. места.

Художественный талант автора проступает и в его корреспонденциях, и он сумел придать этой, считающейся менее ответственной, как бы общедоступной форме литературы—особую значительность. Остановимся несколько на определении главных черт писательского облика Короленко и особенностей его художественного творчества.

В нем, как мы видели, с ранних пор чередуются, а иногда и борются две струи—романтизм и реализм. По настроению он зачастую чистейший романтик, по письму он стремится к наибольшему реализму. Вет в его произведениях и склонность к символизму, но в смысле лишь иносказательной образности выражения, присущей, вообще, всякому поэтическому творчеству. Более удачными нам представляются те его произведения, за которыми все же чувствуется непосредственное наблюдение действи-

тельности. Таким образом, в целом он все же может быть причислен к школе реалистов, и в области воспроизведения реальной жизни он достигает особой выразительности и жизненности описаний. Его персонажи живьем встают перед вами и целиком запечатлеваются в сознании. Но Короленко сам правильно напомнил, при разборе картин Поленова и Сурикова, что — «реализм есть лишь выработанное нашим временем условие художественности, а не сама художественность», и нельзя условие обращать в цель. Целью же является синтез свойств и качеств человека, с указанием наиболее типических и характерных для воссоздания того или другого образа. Короленко выполняет эту задачу, обобщая, а иногда и досказывая от себя изображаемый тип или характер. В этом «доказывании» прорывается субъективность художника.

Иногда оно может показаться излишним, но тут прорывается «активный темперамент» автора, который не может удержаться в гранях чистого созерцания и воспроизведения, как бы это сделал реалист чистой воды, напр., школы Флобера. Мы уже высказали несколько замечаний по поводу очерка «Тени», и полагаем, что Флобер или Леконт де-Лилль, если-бы взялись за эту тему,—иначе бы ее обработали. Конечно, можно возразить, что этот очерк назван «Фантазией», что рассказ о загробном видении может быть рассматриваем, как «Сон Ктезиппа», ученика Сократа, философа переходной поры, когда народные верования и представления о загробной жизни представлялись уже сбивчивыми, в неясных очертаниях, что и, вообще, к сновидению нельзя пред'являть точного историко-этнографического характера. Но, все таки настоящий реалист в искусстве дал бы нам более отчетливые очертания античных представлений о загробном мире, согласно воззрениям древнего грека определенной исторической поры. В Короленке на этот раз пересилил «реалиста» поэт-романтик, давший волю субъективному настроению и привязывающийся к легенде, чтобы высказать свое. Беседа между Сократом и Эльпидием—точно разговор на этом свете, и при всей выдержанности стиля рассуждений Сократа, слишком ясно чувствуется, кто говорит за его спиной.

Автор не заслоняет своих персонажей, когда дает чисто бытовые картинки или воспроизводит ход мыслей и психику того или другого типического простолюдина. В «Макаре» только в самом конце прорываются субъективные чувства автора, а при изображении Тюлина («Река играет») они выделены, и образ получается вполне цельный. Сцена же в трактире «Плевна» (У казаков) по праву считается классическим описанием.

По субъективным качествам писателя—Короленка, он особенно близок нашей эпохе своими исканиями. «Искателем» он себя назвал в самой ранней своей повести; искателем он остался и по сию пору и в области религиозных верований, к которым

его неотразимо влечет в сознании необходимости для человека религиозной веры, и в области социальных построений, при ощущении неудовлетворительности современного строя, но ему ясно представляется лишь общее направление к некоторому идеалу человеческих отношений, без предрешения формы в которую они должны отлиться. Наконец, в искусстве, отдавая предпочтение реализму, как «условию художественности», он нащупывает и другие приемы творчества, предугадывая различные возможности. Тверд он в принципах практической деятельности, но в спекулятивной области—он чуток ко всем сомнениям и колебаниям пылливой мысли в вечном стремлении к неуловимой истине.

Язык Короленка обладает общепризнанными качествами чрезвычайной ясности, а порой и музыкальности. Можно ли указать особенности стиля Короленка? Говорят, что у реалистов таких особенностей и не должно быть: правильный язык и верное воспроизведение речи различных персонажей есть главное требование, которое предъявляется поборникам реализма. Но Короленко обладает и склонностью к лиризму, а в лирике—стиль играет особую роль. Мы имели случай указывать на лирические места в разных произведениях Короленка и в них в особенности он достигает особой красоты стиля, благозвучия, сжатости и выразительности словно отточенных фраз. Но порой гармония нарушается неожиданной прозаической вставкой. Так, например, в приведенном выше отрывке из очерка «Над Лиманом» за первой фразой: «Есть что-то особенное среди развалин» следует вовсе не поэтическое, ни по выбору слов, ни по конструкции, предложение: «Какое-то специфическое ощущение прошлого, насыщающее почти до осязаемости атмосферу»... Это режет слух, ибо написано совсем другим «рассудочно — интеллигентским» языком, с которым не вяжется дальнейшее: «что-то щемящее, проникнутое грустью почти до боли душевной» и т. д. Такие недосмотры тем досаднее, что Короленко может выдерживать характер эмоциональной речи и дает прекрасные образцы ее в других местах.

При сильно развитом чувстве природы у Короленка, не удивительно, что он часто обращается к сравнениям и метафорам, заимствованным из области явлений природы. Особенно часто прибегает он к световым метафорам. Чрезвычайно сознательный в приемах своего творчества, Короленко дает себе вполне отчет даже в произвольных движениях души и в одной из своих статей,—именно по поводу сравнений с природой,—указывает, что—«нельзя не признать факта, что человеческое настроение ищет отражения, своего рода резонатора в природе». В тоже время он предостерегает против злоупотребления этим приемом: «если бы, например, романист вздумал оттенять каждый раз гнев своего героя небесными громами и молниями, то этот прием по-

казался бы нам очень наивным, потому что вероятность таких совпадений имеет свои границы». (см. «Две картины», гл. III). Уклоняясь от таких «совпадений», Короленко ограничивается уподоблениями. Поколения, у него, тают как облака, проносятся как волны и пр. и пр. Но и сама природа в его изображении наделена особой жизнью, как органическое существо. Еще при описании своей первой прогулки по сосновому бору, рассказывая о впечатлении, произведенном на него шумом леса, в Ист. м. совр., Короленко сообщает, что ему слышались—«то тихий свист, то звон, то смутный говор и вздохи леса, сливавшиеся в протяжную, глубокую, нескончаемую и осмысленную гармонию, в которой улавливались одновременно и общий гул и отдельные голоса живых гигантов». Рассказ «Мгновение» первоначально напечатан под заглавием «Море» и кажется, что именно морская стихия вдохновила автора прославить ощущение свободы, будь то на один миг. Надвигающаяся волна народного волнения слышится ему, как «дыхание народной бури». Автор сообщает об «испуге степной природы» (17, 205 *); он говорит о «сонной степи, переживающей сны прошлого, но еще не проснувшейся для настоящего дня (16, 19). Старые деревья ведут печальную беседу о том, что свет портится...» (17, 206), «Бледная степь сонно грезит туманными призраками» (17, 266), «Вся река торопилась куда-то» (18, 145), «Дружеский шопот реки» (ibid) и т. д. Ограничиваемся несколькими примерами анимизма природы, взятыми на удачу, так как подобрать их можно было бы десятками. Между прочим, Короленко любит следить за причудливыми формами облаков: «в небе, среди багрово-огненных сполохов, причудливые очертания менялись как в калейдоскопе»... Автор следит за этими призраками, которые кажутся ему какой-то небесной ратью. На небе происходит «молчаливая борьба», облака принимают форму «встревоженной толпы», а снизу—темное облако—«точно сказочный богатырь... поднимается на встречу буре и ночи. Но вскоре его очертания вздрагивают, колеблются, сплывают, и опять новые смятенные толпы, и новые гиганты...» (17, 216—217). Невольно припоминается превосходное описание движения облаков, принимающих различные очертания, у Мицкевича в «Пане Тадеуше»:

Взгляните вверх. Там—мир летучий.
Вид в каждом облаке и туче
Особый...

Пан Тадеуш в этом разнообразии туч и смене форм облаков, которые то кажутся стадом диких лебедей, которых гонит орел, то преобразуются они в «табун разгульных лошадей», то—«из шей крутых уж мачты встали,—из грив надулись паруса,—

*) Цитаты по изданию «Нивы»—номера книжек и страниц.

как тень в передвижной картине переменялось все», — усматривает преимущества нашего северного неба над вечной лазурью южного небосклона. Преимущество действительно есть, насколько именно «вечные странники» нашего неба питают воображение поэтов, давая им повод выводить свои узоры на причудливых очертаниях плывущих по небу облаков. У Короленка другие образы, чем у Мицкевича, но тоже отношение к явлению природы в романтическом восприятии. И это совпадение с творчеством великого польского поэта подчеркивает еще рельефнее струю романтизма, присущего и поэзии Короленка.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I. Схема речи Вл. Г. Короленка на Мултановском процессе.

(Из частного письма Вл. Г.).

...«Основная мысль моей речи (я взял на себя этнографическую часть), как я уже говорил вам, состояла в том, что даже у вотяков-язычников есть уже очень возвышенные и духовные представления о Боге, а у нас, христиан, осталось много языческих представлений о разных низших злых духах. Вначале речи я признал, что у вотяков, когда-то действительно существовали человеческие жертвоприношения и даже, процитировав соответствующие места из книги проф. Смирнова (эксперт со стороны обвинения) — постарался усилить его аргументацию новыми ссылками на обычаи вотяков и черемис. Но затем ссылками на прямые свидетельства истории и летописца Нестора — доказал, что, развивая эту мысль, обвинение стучится в открытую дверь: человеческие жертвоприношения были почти у всех народов, и у нас, русских славян — существовали еще при Владимире святом. Таким образом вопрос не в том, — были ли когда-то человеческие жертвоприношения у вотяков, а в том, когда они были. Проф. Смирнов в обвинение говорит, что в литературе есть доказательства, что они были еще в самое недавнее время. Я разобрал эти примеры и доказал или полную их нелепость и несообразность, (например одна легкомысленная «исследовательница» рассказывала, что вотяки ежегодно убивают самого старого старика в деревне, из ее рассказа выходило, что убивают все одного и того же старца), или, что они доказывают как раз обратное тому, что пытается доказать г. Смирнов. Так, например, он ссылается на статью С. В. Максимова, напечатанную лет пятьдесят назад,

в которой притом говорилось, что почти за сотню лет перед этим не было даже слухов в вотяцкой среде о случаях человеческих жертвоприношений.

Обращаясь затем к мифологии вотяков, я перечислил по Смирнову те 40 мелких божеств, которые, по его словам, являются кровожадными и «требуют человечины». Я опять совершенно подтвердил характеристики Смирнова и привел случаи из сказок, когда Нулес-мурты, Палес-мурты и Кукри-бабы уводили и губили людей,—женщин и детей. Но затем я перевел эти названия на русский язык, и при этом оказалось, что Нулес-мурты — лесий, Палес-мурты—водяной, а Кукри-баба—баба-яга. Тогда уже нетрудно было каждой вотяцкой сказке об этих существах противопоставить такую же русскую сказку, с такою же кровожадностью и с таким же уничтожением детей, (например, известная сказка о бабе-яге и о братце с сестрицей).

С другой стороны у вотяков язычников есть представление о небесном Боге, Иньмаре, создателе неба и земли, существе благом и духовном, от имени которого рассеивается вся водяная и лесная нечисть. Молитвы ему приводимые Смирновым очень возвышенны и трогательны, и ему не нужно даже пролитие крови животных. У него есть сын (Кылдысын) посредник между ним и землею. Понятия эти в лучших представлениях так возвышенны, что миссионеры при переводе священного писания, взяли для бога отца название Иньмара, а для «сына Божия»—Кылдысына. На вопрос прокурора,—что такое Кылдысин,—один из подсудимых ответил: Господь Иисус Христос—и перекрестился (они все православные). Обвинитель выставял это как признак лицемерия. Я прямо сказал присяжным, что заметил их негодующие взгляды, которые они кидали на вотяка, обозвавшего Христа непонятным и чуждым словом. Но, с переводным молитвенником в руках, я доказал присяжным, что вотьяк говорил правду и что это есть также в книге Смирнова, который, раньше, чем выступить обвинителем, был исследователем быта якутов и напечатал о них книгу, в которой сам приводит их молитвы к Иньмару и Кылдысину. В числе этих просьб, обращаемых к благому духовному богу,—есть одна об избавлении от злых властей.

Затем я провел параллель между апокрифическими сказаниями о хождении Кылдысына по земле с такими же (удивительно точно совпадающими) апокрифами белоруссов и малороссов (хождение Христа с апостолами). Это грубо, но не дает права для заключения о человеческих жертвоприношениях в большей степени, чем относительно белоруссов, которых никто в этом не обвиняет. Наконец, я привел небольшой курьез: одно божество, открытое Смирновым оказалось взятым из распространенной русской сказки (о доле), которую очевидно, какой-нибудь вотьяк солдат занес в свою деревню.

Затем—остальная часть речи была посвящена обрядам (совершенно противоречащим всем данным следствия), а также указаниям на крупные и совершенно сознательные искажения обвинением следственного материала (об этом было напечатано в моем письме в редакцию «Нов. Врем.» 23 янв. 1896 г. № 7149) и на совершенно неверный план, приложенный к обвинительному акту.

Вот, в общих чертах содержание моих двух речей. Философская, так сказать их—эволюция языч. религий и постепенное их очищение и возвышение с одной стороны, с другой—суеверия даже и в христианском населении. Мораль: не будьте фарисеями, считающими себя много лучше мытарей.

Еще, впрочем одна черта: прослеживая исчезновение человеческих жертвоприношений у разных народов, я отметил такие сказания, в которых (как в жертвоприношении Исаака) ясно указано на запрещение приносить человеческие жертвы. Такое же сказание (чем очень горжусь), я отыскал среди чисто языческого этнографического материала, приводимого Смирновым (или Верещагиным—теперь не помню).

Вот теперь приблизительно *остов* моей речи готов.

II «Интеллигентская легенда о Короленке». Из посмертной записи Миловс кого-Елеонского.

Легенда рассказана в корреспонденции из «Починок», напечатанной в № 160 «Нижегородского Листка» (1903 г., 15 июня). Автор передает разговор, сообщенный каким-то помещиком, у которого В. Г. Короленко гостил летом в Лукояновском у., на хуторе при селе Маресеве, и с ним же побывал на месте своей прежней ссылки в Березовских Почниках. В лавке, куда заходили Вл. Г. и его спутник, собрался народ и поднялись толки о неведомом «короленке», который приехал с «барином».

— «Это не иначе, как от англичанки»,—сказал один из толпы.

— «Англичанка стриженная,—а это, гляди, в волосах—возразил другой.

— «Да и борода то у него наша, российская,—заметил третий и т. д.

Однако, какой-то авторитетный мужик пояснил: «Это от англичанки короленок,—больше не откуда быть. Когда белый царь воевал с ей, с англичанкой то, его парнишкой полонили; и доставили к царю. Царь его, значит, возрастил, чтобы выкуп

большой с англичанки взять и т. д. Заметка не подписана, но возразил против подлинности рассказа г. С. Елеонский, в «Курьере» (15 июля, № 137). Ответила Елеонскому г. Темтович в «Нижег. Листке», и так завязалась полемика, при чем С. Елеонский написал целое «расследование» стараясь доказать, что легенда—«интеллигентского происхождения» сочинена корреспондентом из Починок. Тем не менее она была перепечатана в разных газетах. Нельзя не признать, что особенно дальнейшее развитие этой «легенды»,—будто «короленка» увезли потом—«отселева, значит, в Сибирь его, на Соколиные острова, за море,—до тех, стало, пор, покедова англичанка не уплатит нам выкуп и не покорится»—отзывается несомненным сочинительством. Но все-таки легенду распространяли.

Многочисленные заметки о Короленке в нижегородской и, вообще, поволжской прессе свидетельствуют о том глубоком впечатлении, которое, оставило пребывание Вл. Г. в Нижнем-Новгороде. Отметим воспоминания о Короленке, напечатанные в № 196 «Нижегородского Листка», о пребывании автора в Сибири, о Захаре, послужившем прототипом Макара в «Сне Макара», о некоем поселенце Михайлове, любовно вспоминавшем Вл. Г. Корреспонденция подписана буквой Ч. и т. д.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

От редакции	5
Предисловие	7

Часть первая.

Гл. I. Семейство Короленка.—Происхождение, домашний быт, отношение к отцу и матери.	11
Гл. II. Поэзия детства и отрочества.—Ранний романтизм и сознательное устремление к реализму.—Чувство природы.—Религиозность.	17
Гл. III. В студенческие годы.—Начало публицистической деятельности.	22
Гл. IV. Первый беллетристический очерк.—Повести и рассказы, относящиеся к периоду студенчества.—Выработка миросозерцания: народолюбие и поэтическое «народничество».	25
Гл. V. Высылка из столиц.—Пребывание в Перми и «Березовские Починки».—Ссылка в Сибирь.	30
Гл. VI. Возвращение.—Приезд в Нижний-Новгород.—Снова арест.—Письмо к брату Юлиану Гал. из дома предварительного заключения в Петербурге.—Занятия в Нижнем.—Женитьба.—Первое свидание с Л. Н. Толстым	37
Гл. VII. Расцвет литературной деятельности.—Отношение к сверстникам и «учителям».—Оригинальные черты творчества Короленка.—От реализма к символизму	44
Гл. VIII. Общественная деятельность в Нижнем.—Новая роль «интеллигента».—Научные приемы работы.—«В голодный год».	53
Гл. IX. Поездка в Америку.—«Без языка».—Судебные процессы.—Мечта о своей газете.—Переезд в Петербург.	57

Часть вторая.

Гл. I. Пребывание в Петербурге (1896—1900).	63
Гл. II. Летняя поездка в Уральск.—«У казаков».	73
Гл. III. Короленко в Полтаве.—Экскурс «в лабораторию творчества».—Письма В. Г. за-границу.	76
Гл. IV. В Джанхоте у Короленка	80

Гл. V. Симптомы нарастающего общественного движения. — Прогноз Короленка. — Отлучение Толстого от церкви. — Еще судебный процесс. — Исключение Горького из почетных академиков. — Второе свидание с Толстым. — События за зиму в Полтаве. — Тоска и просветы.	85
Гл. VI. «Юбилейный год» (1903), «Огоньки». — Кончина матери В. Г. — Раз'езды и «хождения» Короленка. — Чествования в Петербурге и в Москве.	94
Гл. VII. За работой в Полтаве. — Третья поездка в Джанхот. — Смерть Чехова. — Отношение к Русско-Японской войне. — «Беспартийность» Короленка. — Возвращение к беллетристике. — Первая часть «Истории моего Современника.	98
Гл. VIII. Репрессии и гонения. — В ожидании еврейского погрома. — Выборы в Госуд. Думу. — Снова чествования. — Смерть Н. Ф. Анненского. — О славянах и их внутренних распрях. — Недомогания и поездки за границу. — Общее направление публицистических работ	
Гл. IX. Человек и писатель.	104
Короленка и их основные принципы.	113
ПРИЛОЖЕНИЯ. 1. Схема речи Короленка на Мултановском процессе. 2. «Легенда» о Короленке в Вятской губ.	